ISSN 0321—0626

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

600024- г. Владимир
Пр Строит
Ю
ВОДАТЕХНИЧЕСКОГО

7

1979

За нашу Советскую Родину!

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ
СОЮЗА ССР

ГОД ИЗДАНИЯ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

7

ИЮЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА»
МОСКВА — 1979

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Передовая — Надежный страж социализма, оплот всеобщего мира . . . 3

Великая Отечественная война и послевоенный период

Н. СМИРНОВ — Военно-Морской Флот в годы войны 11
А. ЦЫНКАЛОВ — Борьба с противотанковыми средствами противника в третьем периоде войны 18
О. ФРАНЦЕВ — Из опыта применения авиации во фронтовых контрударах . 24
М. КАЛИНИН — Совершенствование боевой готовности авиационных частей и подразделений в послевоенный период 32

Мастерство и героизм

И. ЗАГРЯДСКИЙ — Боевые действия 27 оиптабр на обоянском направлении (5—10 июля 1943 г.) 38

Воспоминания

М. ЛУКИН — В Смоленском сражении 42
С. СКРЯБИН — Из истории создания органов управления тылом Советской Армии 54

Документы и материалы

Е. СИМАКОВ — К 35-летию Львовско-Сандомирской операции 60

Боевые традиции

В. РЫБКИНА — За честь гвардейского знамени 64

ПО ИНОСТРАННЫМ АРМИЯМ

М. КИРЬЯН — Некоторые уроки и выводы из операций вооруженных сил США и Англии во второй мировой войне 70

Научные сообщения

В. ЧЕРЕМИСОВ — Морально-политическая и психологическая подготовка советских воинов в 1941—1942 гг. 78

Критика и библиография

Н. МУРЗАЕВ — Об искажении терминологии в военно-исторической литературе 83
В. ПЛИСЮК, В. ВАСЬКИВ — Советский солдат — патриот, интернационалист . 86

* * *

М. ФИЛИМОШИН — Летопись освоения Сибири и Дальнего Востока . . . 88

Хроника, факты, находки 92

© «Военно-исторический журнал» 1979.

Надежный страж социализма, оплот всеобщего мира

К выходу в свет книги товарища Л. И. Брежнева «На страже мира и социализма»

ВЫШЕЛ в свет сборник докладов, речей, статей и других работ Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Председателя Совета Обороны СССР Маршала Советского Союза Леонида Ильича Брежнева «На страже мира и социализма»[1]. Этот труд — яркое свидетельство неутомимой деятельности товарища Л. И. Брежнева по осуществлению ленинской внешней политики КПСС и Советского государства, обеспечению безопасности СССР и братских стран социализма, совершенствованию Советских Вооруженных Сил во имя надежной защиты завоеваний Великого Октября.

Богатство идейного содержания, глубина авторских обобщений и суждений сделали книгу крупным явлением духовной жизни советского народа, воинов армии и флота. Она вооружает военные кадры научным пониманием современных проблем войны и мира, теории и практики военного строительства, является выдающимся вкладом в учение марксизма-ленинизма о защите социалистического Отечества, советскую военную науку.

* * *

В труде товарища Л. И. Брежнева из числа многих проблем мировой политики и международных отношений с подлинно научных, марксистско-ленинских позиций в качестве основных рассматриваются **вопросы ленинской внешней политики КПСС и Советского государства, войны и мира, борьбы против агрессивной политики империализма, объективной необходимости защиты социалистического Отечества.**

Исходя из сложившегося соотношения сил на международной арене, КПСС совместно с другими марксистско-ленинскими партиями обосновала вывод о том, что в современных условиях мировая война не является неизбежной, наметила пути борьбы за упрочение мира и безопасности народов. Она определила также те социально-политические силы, которые способны обуздать империалистических агрессоров. Это — Советский Союз и социалистические страны, международное рабочее, демократическое и национально-освободительное движение, неприсоединившиеся страны, миллионы борцов за мир во всех уголках нашей планеты. «Если говорить о главном, чего нам удалось достигнуть в международных делах, — отмечает товарищ Л. И. Брежнев, — то можно с чистой совестью сказать: в результате усилий, предпринятых нами вместе с другими социалистическими государствами и при поддержке всех ми-

[1] Л. И. Брежнев. На страже мира и социализма. М., Политиздат, 1979, 663 с.

ролюбивых, реалистически мыслящих сил, **удалось отодвинуть угрозу ядерной войны, сделать мир более надежным, более прочным»** (с. 472).

Советские люди гордятся тем, что в первых рядах борцов за мир и безопасность народов идет СССР. «Ни одна страна, — говорит товарищ Л. И. Брежнев, — не выступала перед человечеством с такой широкой, конкретной и реалистической программой, нацеленной на ослабление, а затем и полное устранение опасности новой войны, как это сделал Советский Союз» (с. 489). Благотворные перемены в международных отношениях все прогрессивное человечество связывает с огромной ролью нашей партии, с именем Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева.

Внешнеполитический курс нашей партии и Советского государства, закрепленный в Конституции СССР, направлен на обеспечение благоприятных международных условий для построения коммунизма в СССР, на укрепление позиций мирового социализма, поддержку борьбы народов за национальное освобождение и социальный прогресс, на предотвращение агрессивных войн и последовательное осуществление принципа мирного сосуществования стран с различным социальным строем. «Такой курс является единственно верным, — отмечается в книге. — Его полностью одобряет наш народ и громадное большинство населения нашей планеты» (с. 7).

КПСС, следуя заветам великого Ленина и исходя из полувекового опыта своей миролюбивой внешней политики, на XXIV съезде выработала Программу мира, которая получила свое дальнейшее развитие на XXV съезде. Борясь за ее осуществление, преодолевая противодействие реакционных сил — от империалистических кругов до маоистского руководства Китая, Советский Союз неуклонно, шаг за шагом идет трудной дорогой разрядки международной напряженности, разоружения, прекращения гонки вооружений. Состоявшаяся в июне 1979 года в Вене встреча товарища Л. И. Брежнева и Дж. Картера, как отмечают Политбюро ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР, «знаменует важный шаг вперед по пути оздоровления советско-американских отношений и всего международного политического климата» [2].

Успех дела разрядки вдохновил и укрепил силы мира и прогресса, повысил их авторитет и влияние в массах. Но он же насторожил и активизировал силы реакции и милитаризма, тех, кто хотел бы вернуть мир к временам «холодной войны» и балансирования на грани войны. «Дело в том, — указывает товарищ Л. И. Брежнев, — что на свои поражения в социальных битвах, на потерю колониальных владений, на отход от капитализма все новых и новых стран, на успехи мирового социализма и рост влияния компартий в буржуазных государствах — на все это агрессивные круги капиталистического мира реагируют лихорадочным развертыванием военных приготовлений» (с. 469).

Противодействие этих разнородных реакционных сил разрядке принимает различные формы. Разбухают военные бюджеты стран НАТО, укрепляются существующие и сколачиваются новые агрессивные блоки, предпринимаются военные демонстрации. За всем этим стоят наиболее агрессивные силы империализма, военные и военно-промышленные круги.

В своем труде Леонид Ильич показывает потенциальную опасность для дела мира политики Пекина, направленной против СССР, других стран социализма, разрядки международной напряженности, разоруже-

[2] «Правда», 1979, 22 июня.

ния. Агрессия китайских милитаристов против социалистического Вьетнама свидетельствует, насколько безответственно относятся в Пекине к судьбам народов, с какой преступной легкостью пускают в ход оружие. Те, кто пытается сегодня разыграть «китайскую карту», допускают серьезный просчет, проводя близорукую и опасную политику.

Для оправдания военных приготовлений, небывалой по масштабу гонки вооружений буржуазная и маоистская пропаганда широко распространяет затасканный миф о пресловутой «советской угрозе», которая якобы нависла над капиталистическим Западом. Вопреки здравому смыслу странам социализма приписывается «ответственность» за внутренние политические события в других государствах, за гражданские и национально-освободительные войны. В книге на многочисленных фактах ярко и убедительно разоблачается истинная цель подобных измышлений, дается ясный ответ на вопрос, кто на деле стремится обуздать гонку вооружений, а кто своими действиями подхлестывает ее.

Во время встречи с президентом США Дж. Картером в Вене товарищ Л. И. Брежнев сказал, что «чем больший вклад вносит Советский Союз в развитие мирных отношений между государствами, чем настойчивее он выступает с конкретными предложениями об ограничении вооружений и ослаблении угрозы новой войны, тем усерднее сеют небылицы о нашей политике» [3].

Пытаясь извратить смысл и цели внешней политики СССР, империалистическая пропаганда стремится найти какие-то противоречия между курсом нашей партии на укрепление мира, углубление разрядки и совершенствованием обороноспособности страны. «Подлинное миролюбие в наш век, — указывает товарищ Л. И. Брежнев, — предполагает решительное противодействие агрессивным поползновениям империализма... Поэтому миролюбие и готовность дать надлежащий отпор агрессии слиты в нашей политике воедино» (с. 238).

Хорошо зная агрессивную природу империализма, наша партия принимает необходимые меры к укреплению обороноспособности СССР. «Безопасностью своей страны, безопасностью наших союзников, — говорит товарищ Л. И. Брежнев, — мы никогда не поступались и не поступимся... оборонный потенциал Советского Союза должен быть достаточным для того, чтобы никто не рискнул нарушить нашу мирную жизнь» (с. 491).

Ленинским отношением к защите социалистического Отечества пронизаны все материалы книги. В ней всесторонне обоснованы **историческое назначение Советских Вооруженных Сил, особенности их развития в условиях общества развитого социализма, раскрыты пути укрепления боевой мощи и повышения боевой готовности армии и флота.**

Наши Вооруженные Силы созданы и укрепляются с целью защиты социалистических завоеваний, мирного труда советского народа, суверенитета и территориальной целостности СССР. Вместе с тем они выступают надежным оплотом безопасности народов, фактором, сдерживающим империалистических агрессоров.

Ныне свой долг по защите завоеваний социализма Советские Вооруженные Силы выполняют плечом к плечу с армиями других стран — участниц Варшавского Договора. В книге глубоко обоснованы объективные условия и субъективные факторы дальнейшего укрепления боевого содружества социалистических стран. Основу основ их тесного сотрудничества, живую душу и организующую силу составляет нерушимый союз братских коммунистических партий.

Книга дает всестороннюю характеристику современного состояния Вооруженных Сил СССР как военной организации общенародного го-

[3] «Правда», 1979, 17 июня.

сударства, тесно сплоченной вокруг КПСС и Советского правительства. На их вооружении, говорит товарищ Л. И. Брежнев, «находятся и самые передовые идеалы современности, и самая передовая военная техника» (с. 319).

Главный показатель мощи Вооруженных Сил — их постоянная боевая готовность, гарантирующая немедленный отпор любому агрессору. «...В боевой готовности войск, — отмечается в книге, — как в фокусе, сосредоточены огромные усилия и материальные затраты народа на оснащение армии, сознательность, боевая выучка и дисциплина всех военнослужащих, искусство командного состава в управлении войсками и многое другое. Это, в конечном итоге, венец боевого мастерства войск в мирное время и ключ к победе на войне» (с. 137).

Благодаря постоянной заботе ЦК КПСС и Советского правительства, крупным успехам в развитии экономики, науки и техники наши Вооруженные Силы оснащены современным оружием и военной техникой. «Сегодня все виды наших славных Вооруженных Сил, — отмечает Леонид Ильич, — оснащены в достатке таким оружием... которое позволяет им надежно охранять неприкосновенность границ и государственные интересы Советского Союза, обеспечивать советскому народу возможность в спокойной обстановке решать великие задачи строительства коммунизма в Советском Союзе» (с. 133).

Сила нашей армии не только в мощной технике, но прежде всего в людях. Человек, в совершенстве овладевший техникой, закаленный морально и физически, беспредельно преданный своей Родине, партии и народу, был и остается главной, решающей силой на войне.

Происшедшие коренные изменения в военно-техническом оснащении, в характере и способах боевых действий неизмеримо повысили требования к морально-политической подготовке личного состава, выработке у него высоких военно-профессиональных, боевых качеств, совершенствованию полевой, воздушной и морской выучки войск. Заботу о воспитании людей «призваны проявлять не только командиры, политорганы, партийные и комсомольские организации, но и каждый офицер, независимо от того, какой пост он занимает» (с. 139).

Мощным фактором дальнейшего повышения боевой готовности войск и сил флота является социалистическое соревнование. В выступлениях товарища Л. И. Брежнева, его письмах инициаторам социалистического соревнования высоко оценено патриотическое движение воинов за дальнейшее повышение боевой готовности, отличное знание и сбережение оружия и военной техники, эффективное применение их в боевых условиях. Его призыв «добросовестно и настойчиво овладевать первоклассным оружием, осваивать выкованную в боях за Родину науку побеждать, воспитывать в себе идейную стойкость, мужество и отвагу» (с. 369—370) нашел горячий отклик среди личного состава Вооруженных Сил.

В труде особо подчеркивается возросшая ответственность военных кадров за состояние боевой готовности Вооруженных Сил, необходимость неослабного внимания к улучшению стиля их работы. Благодаря постоянной заботе партии сегодня армия и флот располагают идейно закаленными, беспредельно преданными партии и народу командными, политическими и инженерно-техническими кадрами. Вместе с тем, указывает товарищ Л. И. Брежнев, в условиях бурного развития военного дела наши кадры в своем росте не должны стоять на месте. В книге сформулированы высокие требования к офицерам, адмиралам и генералам, поставлены задачи по дальнейшему совершенствованию системы подготовки кадров в высших военно-учебных заведениях.

Предметом постоянной заботы командиров, политорганов и партий-

ных организаций, говорится в книге, должно быть дальнейшее укрепление единоначалия в армии и на флоте, повышение авторитета командиров. «Единоначалие в Советской Армии строится на партийной основе, — разъясняет товарищ Л. И. Брежнев. — Это означает, что командир в своей работе должен постоянно опираться на партийные и комсомольские организации, в полной мере использовать их мобилизующую силу и авторитет, их творческую активность для повышения боевой готовности частей и кораблей» (с. 56—57).

Одним из основных факторов укрепления боевой готовности Вооруженных Сил является творческое развитие военной теории. «Появление ракетно-ядерного оружия и другой новейшей техники, — отмечает товарищ Л. И. Брежнев, — повлекло за собой коренные изменения в стратегии и тактике, в организации и оснащении войск, в методах обучения и воспитания личного состава» (с. 171—172). Поэтому, разрабатывая сложные вопросы военного дела, военная наука призвана прогнозировать тенденции его развития, быть надежным ориентиром в практической деятельности наших кадров, вооружать их передовыми взглядами на строительство и подготовку армии и флота.

Важным источником развития военной науки продолжает оставаться бесценный боевой опыт. Доклады и речи товарища Л. И. Брежнева, посвященные минувшей войне, книга «Малая земля» имеют большое значение **для развития военно-исторической науки, вооружают военные кадры методологическими принципами исследования военной истории, исторического опыта КПСС в области организации защиты социалистического Отечества**. Они учат военных историков исследовать актуальные проблемы прежде всего с четких позиций коммунистической партийности. Образцом такого подхода является анализ предвоенной обстановки в стране, сущности, политического содержания и социального характера второй мировой и Великой Отечественной войн, а также локальных войн, развязанных империализмом в послевоенный период.

Во всем многообразии стратегических, оперативно-тактических, военно-технических, учебно-воспитательных и иных задач товарищ Л. И. Брежнев видит глубинный источник, классово-политический смысл. Оценка каждого военно-исторического факта характеризует его как тонкого и проницательного политического руководителя ленинского типа, умеющего увидеть главное, сформулировать политический вывод.

Материалы сборника — могучее оружие в борьбе с буржуазными фальсификаторами истории второй мировой войны, которые прилагают немало усилий, чтобы скрыть истинные ее причины, источники победы советского народа, принизить значение вклада СССР в разгром фашистской Германии. «...С большим сожалением приходится отметить тот факт, — подчеркивает товарищ Л. И. Брежнев, — что кое-где на Западе находятся «исследователи», которые делают попытки исказить сущность войны и умалить значение наших побед. Жалкие потуги! Того, кто не усвоил уроков второй мировой войны, кто силой оружия хочет еще раз испытать прочность нашего советского строя, мощь всего социалистического лагеря, того неотвратимо ждет участь германского фашизма и всех его сподвижников» (с. 102—103). В сборнике убедительно доказывается решающая роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии, раскрыто всемирно-историческое значение подвига советского народа и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне.

Книга является образцом объективного воспроизведения военных событий на основе единства исторического и логического методов. Она учит военные кадры по-новаторски осмысливать глубинные процессы, важнейшие закономерности и тенденции развития военного дела, вооружает их умением комплексно подходить к оценке военно-историче-

ских фактов, особенностей развития и состояния боевой готовности Вооруженных Сил в условиях зрелого социализма.

Книга поучительна в плане реализации принципа достоверности, документальности, фактической безупречности военно-исторического исследования. Здесь, как и требовал В. И. Ленин, уделено много «внимания самым простым, но живым, из жизни взятым, жизнью проверенным фактам...» [4].

За годы войны, вспоминает Л. И. Брежнев, «были эпизоды, встречи, сражения, были такие минуты, которые, как и у всех фронтовиков, никогда не изгладятся из моей памяти» (с. 545).

В «Малой земле» он приводит яркие факты о подготовке и проведении десантной, оборонительной и наступательной операций, их материально-техническом обеспечении. Примечательно то, что о тех или иных фактах говорится не в виде голой схемы или документально-протокольного повествования, а в форме научно обоснованного и вместе с тем яркого и живого рассказа, который воздействует на читателя нравственно, эстетически, эмоционально. Это в полной мере соответствует требованию постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» изживать из пропаганды формализм, серый, «казенный» стиль, назидательность. Товарищ Л. И. Брежнев отмечает: «Пора сделать правилом — говорить с людьми простым и доходчивым языком, писать, вкладывая в каждую фразу живую мысль и чувства» (с. 609).

Особенно яркие и убедительные примеры используются в книге, когда речь идет о политико-моральном состоянии войск, эффективности партийно-политической работы, об отдельных командирах, политработниках и бойцах. Автора интересуют судьбы всех личностей — от рядового до генерала. Много теплых слов сказано в книге о фронтовиках. «Уважение к ветеранам исторических битв, забота о них, — говорит товарищ Л. И. Брежнев, — это моральный закон нашей жизни, закон и для органов власти, и для каждого гражданина» (с. 380).

Труд товарища Л. И. Брежнева учит военные кадры умению видеть диалектическую преемственность в развитии военного дела, выделять из исторического опыта то, что не потеряло значения и на сегодняшнем этапе военного строительства. В ней военные кадры найдут краткие, но очень емкие замечания по принципиальным вопросам тактики, оперативного искусства и стратегии.

Особенности современной операции могут быть глубоко поняты тогда, когда она рассматривается с точки зрения истории ее возникновения, новых условий ведения и тенденций развития. Суждения Леонида Ильича об опыте боевых действий на Малой земле обращают внимание наших командующих, командиров и офицеров штабов, особенно не прошедших суровой школы войны, на необходимость правильного выбора направления главного удара и массирования на нем основных сил и средств, всестороннего обеспечения операций, организации взаимодействия войск и т. д. Обращаясь к офицерским кадрам, он говорит: «Центральный Комитет нашей партии и Советское правительство уверены в том, что вы не только с честью унаследуете все достижения предшествующих поколений военачальников наших Вооруженных Сил, но и разовьете, поднимете эти достижения на новую высоту во славу нашей Отчизны, смело будете идти вперед, непримиримо относиться ко всем проявлениям консерватизма, отсталости, рутины» (с. 55—56).

Книга призывает советских солдат и офицеров помнить уроки истории, вооружает их социальным оптимизмом, верой в торжество дела мира и социализма. «Мы учитываем уроки прошлого и делаем все, чтобы

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 13.

никто не застал нас врасплох, — говорит товарищ Л. И. Брежнев. — Ну, а если найдутся безумцы, которые посмеют посягнуть на безопасность Советской страны, на наших союзников, — советский народ не дрогнет. Откуда бы ни исходило такое посягательство — с севера или с юга, с запада или востока, агрессора встретит всесокрушающая мощь наших славных Вооруженных Сил. Пусть знают все, что в схватке с любым агрессором Советская страна одержит победу, достойную нашего великого народа, достойную родины Октября!» (с. 158).

Через всю книгу проходит мысль о том, что **решающим источником могущества Советских Вооруженных Сил, основой основ и главным принципом их строительства было и остается мудрое руководство Коммунистической партии.** Неуклонное возрастание роли партийного руководства армией и флотом закономерно.

Материалы сборника убеждают в том, что нет ни одной области военного строительства, в которой не проявлялась бы мобилизующая и направляющая деятельность КПСС, ее Центрального Комитета и Политбюро ЦК. «На протяжении всей истории Советского государства, — говорится в труде, — партия неослабно руководит строительством армии и флота, подготовкой и воспитанием личного состава в духе беззаветной преданности своей социалистической Родине, высокой сознательности, глубокого понимания каждым офицером и бойцом своего высокого долга в деле защиты великих завоеваний советского народа» (с. 101).

Большой личный вклад в укрепление Вооруженных Сил вносит товарищ Л. И. Брежнев. Как отметил член Политбюро ЦК КПСС, Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, «обороноспособность нашей страны, мощь Советских Вооруженных Сил и имя Л. И. Брежнева — неразделимы... Леонид Ильич пользуется исключительно высокой любовью и уважением в армейской и флотской среде» [5].

В решении всего комплекса военных вопросов партия твердо проводит в жизнь ленинский принцип единства политического и военного руководства. Соединяя в своей деятельности функции политического вождя, организатора и воспитателя масс, она связывает воедино разработку военной теории с ее практическим осуществлением.

Положения и выводы, содержащиеся в книге, имеют важное значение для правильного решения вопросов строительства и подготовки Вооруженных Сил, повышения эффективности партийно-политической работы как важнейшего средства проведения политики КПСС в армии и на флоте. «Партийно-политическая работа с личным составом, его идейная закалка всегда были и остаются мощным оружием нашей армии, — говорит товарищ Л. И. Брежнев. — Сила этого оружия проверена в огне сражений. Оно и теперь страшит наших врагов» (с. 139).

Партия направляет партийно-политическую работу на повышение качества полевой, морской и воздушной выучки личного состава. В книге отмечается, что в политической работе необходимо учитывать свойства современного оружия и боевой техники, особенности боевого дежурства, а также те качественные изменения, которые произошли за последние годы в личном составе. Товарищ Л. И. Брежнев подчеркивает, что партийно-политическая работа не может быть отделена от боевой деятельности войск, их жизни и быта, является неотъемлемой областью повседневного труда каждого советского офицера.

Неоценимое значение имеет обобщенный в книге опыт партийно-политической работы в боевой обстановке, размышления товарища

[5] Д. Ф. Устинов. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1979, с. 29.

Л. И. Брежнева о стиле работы политорганов и политработников как организаторов партийно-политической работы, важности их согласованной деятельности с командирами и штабами; об умелом выборе форм и методов политической работы в соответствии с решаемыми боевыми задачами; создании обстановки партийной требовательности и уважительного отношения к людям, знании и удовлетворении их нужд и запросов; о личной примерности, принципиальности, душевной щедрости, близости к воинам политработников и т. д.

Конституционное закрепление руководящей роли партии еще выше поднимает ее авторитет, ответственность и авангардную роль каждого коммуниста. «Коммунисты, — отмечает товарищ Л. И. Брежнев, — являются цементирующей силой армии и флота» (с. 219). Постоянный рост боевитости партийных организаций — одно из важнейших направлений повышения эффективности организаторской и идеологической работы в войсках. Политические органы и партийные организации вместе с командирами, указывается в книге, «сплачивают личный состав вокруг Коммунистической партии, прививают ему высокие морально-политические и боевые качества, воспитывают в духе сознательной дисциплины, мужества, героизма, боевого содружества с армиями социалистических стран» (с. 172—173).

Выполняя всеобщую воинскую обязанность, почти все мужское население страны установленный срок проходит службу в Вооруженных Силах. «Армия становится тем самым и большой жизненной школой для нашей молодежи, составной частью всей системы советского воспитания... — подчеркивает товарищ Л. И. Брежнев. — Военная служба у нас — это не только школа боевого мастерства. Это в то же время хорошая школа идейной и физической закалки, дисциплинированности и организованности» (с. 173, 262). В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» указывается, что Министерству обороны, Главному политическому управлению Советской Армии и Военно-Морского Флота поручено осуществить меры, направленные на дальнейшее усиление воспитательной роли Советских Вооруженных Сил, поставлена задача «приумножать славные традиции армии и флота, служба в которых является замечательной школой труда и воинской выучки, нравственной чистоты и мужества, патриотизма и товарищества»[6]. В связи с этим в книге обоснованы главные направления повышения эффективности идейно-политического и воинского воспитания личного состава.

* * *

Книга выдающегося политического и государственного деятеля современности товарища Л. И. Брежнева — ярчайший пример ленинского подхода к решению вопросов борьбы за мир, против агрессивной политики империализма, к организации надежной защиты социалистического Отечества. Глубокое уяснение ее богатейшего идейно-теоретического содержания поможет военным кадрам качественно решать задачи боевой и политической подготовки, повышения боевой готовности Вооруженных Сил, коммунистического воспитания советских воинов в свете требований постановления ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы».

[6] «Правда», 1979, 6 мая.

Оперативное искусство и тактика

Военно-Морской Флот в годы войны

Первый заместитель главнокомандующего ВМФ СССР
адмирал флота Н. СМИРНОВ

ОПЫТ Великой Отечественной войны подтвердил одно из важнейших положений нашей военной доктрины о необходимости гармоничного развития всех видов Вооруженных Сил и организации их тесного взаимодействия как непременного условия победы над сильным противником. В соответствии с этим положением и экономическими возможностями страны строился в предвоенные годы наш Военно-Морской Флот — важная составная часть Вооруженных Сил СССР.

Учитывая сложившуюся военно-политическую обстановку в мире и вытекающую из нее необходимость пресечения агрессии на любых морских направлениях, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли решение о создании Тихоокеанского (в 1932 г.) и Северного (в 1933 г.) флотов, а в 1938 году поставили грандиозную задачу строительства достойного могучей Советской державы морского и океанского Военно-Морского Флота. Для ее выполнения требовалось около 10 лет. Однако начавшаяся вторая мировая война заставила пересмотреть эту программу. В октябре 1940 года наше правительство постановило прекратить закладку линейных кораблей и тяжелых крейсеров, сосредоточить усилия на строительстве средних и малых боевых кораблей и на достройке крупных кораблей с бо́льшей степенью готовности [1].

Сколь своевременным и правильным было это решение, подтверждает тот факт, что в 1941 году промышленность передала флоту 57 кораблей, в том числе 1 крейсер, 19 эскадренных миноносцев и сторожевых кораблей, 3 тральщика, 28 подводных лодок, 4 сетевых заградителя, 159 боевых катеров и 479 вспомогательных судов. Это пополнение было весьма полезным в условиях развязанной фашистами войны с Советским Союзом. Всего за предвоенные пятилетки на стапелях нашей судостроительной промышленности было заложено 533 боевых корабля, из которых 312 общим водоизмещением 243,2 тыс. т к началу войны вступили в строй[2]. Кроме того, за эти годы было построено 477 боевых катеров различного предназначения[3].

Флоты (Северный, Краснознаменный Балтийский, Черноморский, Тихоокеанский) и флотилии (Пинская, Дунайская, Каспийская, Краснознаменная Амурская) насчитывали к началу войны 3 линейных корабля, 7 легких крейсеров, 54 лидера и эскадренных миноносца, 22 сторожевых корабля, 80 тральщиков, 287 торпедных катеров, 212

[1] ЦВМА, ф. 13, оп. 00476, д. 2, лл. 176—177.
[2] Там же, ф. 403, д. 40304, лл. 4, 6, 20, 21.
[3] Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. Воениздат, 1974, с. 537.

подводных лодок, более 2500 самолетов (сюда входили машины различных типов) и 260 батарей береговой артиллерии [4].

Взгляды на роль и место ВМФ, его оперативно-стратегическое применение были закреплены в действовавших до войны соответствующих руководящих документах. В них указывалось, что Военно-Морской Флот СССР, являвшийся составной частью Советских Вооруженных Сил, предназначен для обеспечения неприкосновенности морских границ и морских сообщений. Он должен был находиться в готовности: к активным наступательным действиям в открытом море, в воздухе, у побережья и баз противника; к активной обороне своих районов и военно-морских баз; к взаимодействию с сухопутными войсками и авиацией для обеспечения операций в прибрежных районах; к обеспечению своих морских перевозок и нарушению коммуникаций противника.

Особое значение имела разработанная и введенная в действие система оперативных готовностей флотов и флотилий, позволявшая в кратчайшее время приводить их силы в высшую готовность к решению боевых задач. Это явилось одним из важных условий, давших флотам возможность избежать потерь при внезапном нападении врага на военно-морские базы и другие объекты.

Ядром флота считались линейные корабли и крейсеры, обладавшие большой наступательной мощью. Подводные лодки рассматривались как род сил, предназначенный главным образом для действий на морских сообщениях. Авиации надлежало выполнять задачи, связанные с обеспечением операций и повседневной боевой деятельностью флота. Однако Боевой устав морских сил не рассматривал надводные, особенно легкие, силы как основной род сил флота во всех случаях. Он подчеркивал, что в каждой конкретной операции роль и значение родов сил флота и классов кораблей должны определяться решаемой задачей, соотношением сил и военно-географическими условиями театра.

Таковы основные предвоенные взгляды на оперативно-стратегическое применение Военно-Морского Флота. Они ориентировали силы флота на борьбу с сильным противником на море и суше.

Вместе с тем своеобразие обстановки, вызванное внезапно развязанной войной, не могло не сказаться на характере стратегического применения ВМФ. Здесь прежде всего на первое место выдвинулись **задачи непосредственного содействия флотов и флотилий сухопутным войскам.** Так, в первый период войны морская авиация в основном была привлечена к действиям на сухопутном фронте. Летом 1941 года в качестве бомбардировщиков для ударов по противнику привлекались не только бомбардировщики и штурмовики морской авиации, но и торпедоносцы и даже гидросамолеты-разведчики. Всего за войну около одной четверти самолето-вылетов морской авиации произведено в интересах сухопутных войск. В результате этих действий было уничтожено более 1,5 тыс. танков, свыше 9 тыс. автомашин, около 130 тыс. солдат и офицеров[6].

Широко применялась в ударах по вражеским войскам и технике на приморских флангах войск морская артиллерия. Мощная дальнобойная артиллерия КБФ служила прочным огневым щитом, основой обороны ближних подступов к Ленинграду. В течение 1941—1943 гг. она уничтожила 74 артбатареи врага, а прочие в 12 868 случаях приводила к молчанию. Ею было уничтожено около 100 огневых точек, 404 дота, дзота и командных пункта. За 12 дней операции по разгрому немецко-

[4] История второй мировой войны 1939—1945, т. 3. Воениздат, 1974, с. 427; Советская Военная Энциклопедия, т. 2. Воениздат, 1976, с. 238.

[6] ЦВМА, ф. 10, д. 17714, лл. 517—523; ф. 20, д. 33239, лл. 208—247; ф. 46, д. 34175, лл. 217—280.

фашистских войск под Ленинградом (январь 1944 г.) морская артиллерия обрушила на врага 23 565 снарядов. 165 раз выходили корабли Черноморского флота для артиллерийских ударов по противнику в районе обороняющейся Одессы. 407 раз они вели ураганный огонь по осаждавшим Севастополь фашистам, выпустив около 13 тыс. снарядов крупного и среднего калибра.

Особое место в действиях ВМФ заняла оборона военно-морских баз и портов. Эта задача, решавшаяся совместно с сухопутными войсками, имела стратегическое значение. Героическая оборона Одессы, которая более чем на два месяца сковала румынскую армию, понесшую при этом тяжелые потери, задержала продвижение южного фланга группы армий «Юг» и нарушила стратегические планы гитлеровского командования. Беспримерная восьмимесячная оборона Севастополя связала 300-тысячную группировку противника и не позволила ей включиться в наступление на юге.

Более 400 тыс. военных моряков сражалось непосредственно на сухопутных фронтах в составе стрелковых дивизий, полков и морских стрелковых бригад. Кроме того, в составе флотов имелось около 100 тыс. человек в частях морской пехоты, которые участвовали в обороне военно-морских баз и островов, а также во многих морских десантах.

Одной из форм содействия сил флота сухопутным войскам стала **высадка морских десантов.** Они высаживались как в период оборонительных, так и наступательных действий. В первом случае десанты должны были приостановить или замедлить продвижение наступающих войск врага на приморских направлениях. В наступлении же наших войск целями морских десантов были: содействие приморским флангам сухопутных войск в прорыве обороны противника; захват плацдармов для последующего наступления; овладение базами, портами и опорными пунктами противника.

Уже на четвертый день войны начала высадку десантов Дунайская военная флотилия, в результате действий которых наши войска овладели вражеским берегом Дуная протяженностью свыше 75 км, что задержало форсирование противником этой водной преграды.

В сентябре 1941 года Черноморским флотом осуществлена высадка десанта в составе 3-го Черноморского полка морской пехоты (1929 человек) в районе Григорьевки с целью восстановления рубежа обороны в восточном секторе Одесского оборонительного района. В результате согласованных ударов десанта, сухопутных войск, авиации и кораблей две пехотные дивизии противника потеряли около 6 тыс. солдат и офицеров. Поставленная задача была выполнена.

Наиболее крупной десантной операцией являлась Керченско-Феодосийская, проведенная Закавказским фронтом и Черноморским флотом в период с 25 декабря 1941 года по 2 января 1942 года. В этой операции ставились такие цели: освобождение Керченского полуострова, ослабление блокады Севастополя и создание благоприятных условий для последующих действий по освобождению Крыма. Десант в составе частей 51-й армии высаживался Азовской флотилией на северном, а Керченской военно-морской базой — на восточном берегу Керченского полуострова. Части 44-й армии высаживались с боевых кораблей и транспортов Черноморского флота непосредственно в порт Феодосия. Всего высажено 42 тыс. человек, выгружено 198 орудий, 256 минометов, 43 танка, 348 автомашин и тракторов, 1800 лошадей и 1579 т грузов. Для воспрещения отхода керченской группировки войск противника по Арабатской стрелке в район Арабата 31 декабря был высажен воз-

душный десант в составе батальона[7]. В результате этой операции Керченский полуостров был освобожден. Кроме того, враг снял на это направление часть сил с Южного фронта и от Севастополя. На определенный период времени 11-я немецкая армия под Севастополем перешла к обороне.

Десанты для содействия обороняющимся войскам высаживали также Северный и Краснознаменный Балтийский флоты и флотилии. В период стратегической обороны осуществлена высадка половины всех десантов Великой Отечественной войны.

Не меньшее значение имели морские десанты и в наступательных операциях фронтов. Они способствовали увеличению темпов наступления войск, отрезали прибрежные пути отхода, овладевали важными районами, островами и опорными пунктами противника. Высадка десантов стала составной частью многих армейских и даже фронтовых операций.

Так была спланирована и осуществлена Северо-Кавказским фронтом Новороссийская десантная операция в сентябре 1943 года, в которой тесно взаимодействовали войска 18-й армии и силы Черноморского флота. За пять дней операции согласованными усилиями сухопутных войск, кораблей и авиации оборона врага была сломлена и Новороссийск очищен от фашистских захватчиков. Эта операция положила начало освобождению Таманского полуострова. Стремительности наступления способствовали тактические десанты, высаженные силами Черноморского флота и Азовской флотилии в районах Темрюк и озеро Соленое.

В результате Керченско-Эльтигенской десантной операции, осуществленной войсками 18-й и 56-й армий Северо-Кавказского фронта, 4-й воздушной армией, силами Черноморского флота, Азовской флотилии в конце 1943 года, был создан мощный плацдарм для последующего освобождения Крыма.

В июне 1944 года морскими десантами КБФ освобождены острова Бьеркского архипелага, благодаря чему снималась угроза флангу и тылу войск Ленинградского фронта, обеспечивалась свобода развертывания сил флота в Выборгском заливе для поддержки наступления войск вдоль побережья Финского залива. Осенью того же года два корпуса 8-й армии совместно с силами КБФ в высоком темпе осуществили Моонзундскую десантную операцию. Успешное завершение ее обеспечило нашим силам контроль над входами в Финский и Рижский заливы, создало угрозу левому флангу фашистских войск и расширило возможности для действий сил флота на коммуникациях противника в средней и южной частях Балтийского моря.

Десанты Северного флота в октябре 1944 года на занятое противником побережье существенно содействовали сухопутным войскам в разгроме немецко-фашистских войск в Заполярье.

За короткий срок войны с империалистической Японией Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская флотилия высадили 14 десантов. Морские десанты в порты Северной Кореи — Юки, Расин, Сейсин и Гензан обеспечили выход тихоокеанцев в тыл правофланговой группировки Квантунской армии, перерезали прибрежную линию ее сообщений, лишили ее основных баз эвакуации. По существу, флот блокировал противника с моря, когда он подвергся мощным ударам наших сухопутных войск. Морскими десантами были освобождены острова Курильской гряды, оказано содействие войскам в освобождении Южного Сахалина. Высадкой десантов Краснознаменная Амурская

[7] ЦВМА, ф. 72, д. 798, л. 313.

флотилия способствовала войскам 2-го Дальневосточного фронта в прорыве обороны противника, овладении городами Сахалян, Фуюань, Жаохэ, Харбин и др.

Таким образом, десантные действия флотов и флотилий в Великой Отечественной войне оказывали существенную помощь Советской Армии и **в обороне, и в наступлении.**

Одной из важнейших оперативно-стратегических задач, решавшихся Военно-Морским Флотом в Великой Отечественной войне, стала **оборона морских, озерных и речных коммуникаций,** по которым осуществлялись перевозки войск, техники и народнохозяйственных грузов.

Особое значение морские коммуникации имели на Севере, поскольку уже в сентябре 1941 года были прерваны перевозки по Кировской железной дороге и Беломорско-Балтийскому каналу. Кроме того, с августа 1941 года Северный флот начал решать весьма сложную задачу защиты в своей операционной зоне внешних путей, по которым следовали союзные конвои.

Для решения этих задач Северному флоту пришлось в короткий срок в условиях ограниченного состава сил и средств организовать разведывательную и дозорную службу, противолодочную, противовоздушную и противоминную оборону, усилить прикрытие наиболее важных участков прибрежных коммуникаций батареями береговой обороны, дооборудовать побережья и острова Баренцева и Карского морей постами наблюдения и связи.

Разнообразие и постоянное совершенствование форм и способов действий Северного флота в обороне внутренних и внешних морских коммуникаций дали возможность успешно осуществить проводку 2568 транспортов по внутренним коммуникациям, на которых было перевезено 1 млн. 172 тыс. человек войск и гражданского населения и свыше 1,5 млн. т грузов [8]. Обеспечено следование 77 союзных конвоев в составе 1464 транспортов.

В особо сложных условиях пришлось решать задачу морских сообщений Краснознаменному Балтийскому флоту. Весьма большая минная опасность, досягаемость коммуникаций не только авиацией, но и береговой артиллерией требовали высокого напряжения сил флота, изыскания соответствующих обстановке способов боевых действий, героизма личного состава. КБФ обеспечивал перегруппировку войск, эвакуацию гарнизона Ханко, снабжение войск на ораниенбаумском плацдарме и частей Кронштадтской ВМБ. В сентябре—ноябре 1941 года корабли обеспечили перевозку соединений 8-й армии из Ораниенбаума в Ленинград. С октября 1943 года по январь 1944 года флот провел операцию по переброске 2-й ударной армии из Ленинграда и Лисьего Носа на ораниенбаумский плацдарм. В июне 1944 года скрытно и без потерь осуществлена перевозка войск 21-й армии из Ораниенбаума на Лисий Нос. Всего за годы войны КБФ обеспечил перевозку по морским коммуникациям свыше 1 млн. человек и около 1,5 млн. т грузов[9].

Велика роль Ладожской флотилии в обеспечении жизненно важной для осажденного Ленинграда коммуникации по Ладожскому озеру. При этом задачей флотилии являлась не только защита перевозок, но и непосредственное осуществление их. На протяжении войны она не допустила срыва озерной коммуникации и обеспечила перевозку водным путем **свыше 1 млн. человек и более 1,6 млн. т грузов** [10].

Особую роль имели черноморские коммуникации в период обороны

---

[8] Морской атлас, том III, военно-исторический, часть вторая. Издание ГШ ВМФ, 1963. л. 42 Г.

[9] Там же, лл. 23Е, 35А, 43А.

[10] Там же, лл. 24В, 35А.

Одессы, Севастополя, Кавказа, а также в наступательных операциях, в первую очередь для перевозок войск и военной техники. Черноморский флот обеспечил перевозку в Одессу более 65 тыс. человек и 25 тыс. т грузов. В то же время из Одессы было эвакуировано свыше 420 тыс. человек и около 400 тыс. т грузов [11]. При этом для перевозок в больших масштабах привлекались корабли эскадры, которые одновременно усиливали устойчивость обороны своим артиллерийским огнем.

Большой вклад в героическую оборону Севастополя внесли корабли Черноморского флота, обеспечившие в основном своими силами перевозку в Севастополь более 100 тыс. человек и 120 тыс. т войсковых и народнохозяйственных грузов[12]. С февраля по сентябрь 1943 года флот обеспечил непрерывное пополнение и снабжение войск, оборонявшихся на Малой земле. Всего за войну по черноморским коммуникациям было перевезено свыше 2 млн. человек и более 2 млн. т грузов[13].

Значительное содействие войскам воинскими перевозками оказывали флотилии. Только Дунайская флотилия в ходе Ясско-Кишиневской, Белградской, Будапештской и Венской операций перевезла и переправила более 900 тыс. человек, 1500 танков и САУ, 7 тыс. орудий и минометов, а также 450 тыс. т различных грузов [14].

В целом за годы войны по нашим внутренним водным путям была обеспечена перевозка 10 млн. военнослужащих и гражданских лиц и 110 млн. т воинских и народнохозяйственных грузов. Это явилось существенным вкладом ВМФ в дело победы над врагом.

Крайняя зависимость экономики фашистской Германии от ввоза многих видов стратегического сырья и необходимость питания огромной армии, рассредоточенной на Европейском континенте, обусловили большую важность для нее морских перевозок. По Баренцеву морю в Германию поступала никелевая руда, покрывавшая на 65—70 проц. потребности в ней промышленности. Снабжение войск и авиации, действовавших на севере Норвегии, полностью зависели от перевозок морем. По коммуникациям Балтийского моря шел поток шведской железной руды, финских лесоматериалов. Вдоль западного побережья Черного моря осуществлялись перевозки нефти. Значение морских коммуникаций для врага возросло в период нашего наступления, так как прижатые к морю группировки противника в Прибалтике и Крыму могли снабжаться, а затем эвакуироваться только морем.

В связи с этим **борьба с вражескими морскими перевозками** в годы Великой Отечественной войны явилась одной из важнейших задач ВМФ, от успеха которой во многом зависели устойчивость обороны и темпы наступления наших войск. Действительно, на двух транспортах водоизмещением по 6 тыс. т и одном танкере в 3 тыс. т (для их потопления достаточно нескольких торпед) доставлялось за один рейс такое количество военного имущества и техники, уничтожить которые на суше можно, затратив 3 тыс. самолето-вылетов. Только один транспорт водоизмещением 5—6 тыс. т за один рейс перебрасывал такое количество груза, которое могли перевезти не менее 250 вагонов. Танкер среднего водоизмещения доставлял за один рейс около 3 тыс. т горючего, что обеспечивало заправку 1,5 тыс. двухмоторных бомбардировщиков или до 5 тыс. истребителей [15].

Только за 11 дней в мае 1944 года на уничтоженных силами Черноморского флота кораблях и судах погибло более 42 тыс. немецких

---

[11] Морской атлас, л. 25Г.
[12] Там же, л. 26Д.
[13] Там же, лл. 25Г, 26Д, 27В, 33А, 43Б.
[14] Советская Военная Энциклопедия, т. 3. Воениздат, 1977, с. 270.
[15] «Морской сборник», 1977, № 9, с. 16.

и румынских солдат и офицеров, пытавшихся эвакуироваться из Крыма[16]. Их явно недоставало фашистскому командованию в августе, когда наши войска проводили Ясско-Кишиневскую операцию.

Об успехах действий Северного флота на морских коммуникациях врага Гитлер в подписанной им директиве ОКВ № 36 от 22 сентября 1941 года заявил: «Нарушение противником наших прибрежных коммуникаций в Заполярье еще более ограничило возможности осуществления планов горнострелкового корпуса — достигнуть Мурманска еще в этом году» [17].

Всего за годы войны Военно-Морской Флот отправил на дно свыше 1400 транспортов и более 1300 боевых кораблей противника. Вместе с ними многие тысячи гитлеровских солдат и офицеров, танков, орудий, автомашин и другой военной техники поглотило море. Они не могли быть использованы против наших войск на советско-германском фронте. Такое содействие флота Советской Армии безусловно выходит за рамки оперативной значимости.

Активной борьбой наши флоты на море оказывали существенную поддержку военно-морским силам союзников по антигитлеровской коалиции, действовавшим на других морских и океанских театрах. В ходе войны немецко-фашистское командование вынуждено было сосредоточивать значительные корабельные и авиационные силы для противодействия Советскому ВМФ, зачастую перебрасывая их с Атлантического океана, Северного и Средиземного морей. В 1941—1944 гг. на наших морских театрах противник постоянно держал в среднем до 20 проц. своих подводных лодок, что в немалой степени способствовало успешному решению союзниками задач в «битве за Атлантику».

Успех применения ВМФ в годы войны объясняется ростом боевого состава флотов (главным образом легких сил и авиации), совершенствованием оружия и техники; привлечением флотов к действиям в полном соответствии с замыслами Ставки, совершенствованием взаимодействия с другими видами вооруженных сил; накоплением боевого опыта и ростом организаторских способностей адмиралов и офицеров; высокими морально-боевыми качествами, массовым героизмом и мужеством личного состава.

Таким образом, опыт Великой Отечественной войны показал, что даже в вооруженной борьбе с континентальным противником флоту принадлежит важная роль. Особый характер этой войны вынудил привлечь значительные силы флотов на длительное время для непосредственного участия в боях на сухопутных фронтах. Вместе с тем наибольший вклад в победу он внес своими действиями на море, обеспечивая бесперебойность морских перевозок, ведя решительную борьбу с вражеским судоходством и боевыми кораблями, осуществляя совместные с сухопутными войсками морские десантные операции.

Боевой опыт нашего флота весьма многогранен. Его влияние еще долго будет сказываться и в строительстве, и в оперативной и боевой подготовке Вооруженных Сил в целом и Военно-Морского Флота в частности. Он и сейчас имеет большое значение.

[16] История второй мировой войны, т. 8. Воениздат, 1977, с. 152.
[17] Совершенно секретно! Только для командования. М., «Наука», 1967, с. 333.

Борьба с противотанковыми средствами противника в третьем периоде войны

Подполковник А. ЦЫНКАЛОВ

МАССОВОЕ насыщение частей и соединений современных армий танками и другими бронированными машинами привело к тому, что бронированные цели стали на поле боя одними из наиболее важных. Поэтому противоборство противотанковых средств (ПТС) с ними, как показали последние локальные войны, составляет основное содержание современного общевойскового боя.

Богатейший опыт борьбы с танками противника и преодоления его противотанковой обороны был получен в годы Великой Отечественной войны. В данной статье рассматриваются некоторые направления развития способов борьбы с ПТС при преодолении противотанковой обороны немецко-фашистских войск.

В ходе войны для борьбы с танками гитлеровское командование широко применяло полевую и зенитную артиллерию, авиацию, специальные противотанковые средства и танки.

Для повышения эффективности полевой артиллерии в борьбе с нашими танками в боекомплекты систем калибра до 155 мм противник с 1943 года начал включать кумулятивные снаряды. Ими поражались бронированные цели на дальности до 800 м. На вооружение авиации также поступили бронебойные снаряды и противотанковые бомбы. Непрерывно совершенствовались и специальные ПТС немецко-фашистских войск. Дальность эффективного огня и бронепробиваемость противотанковой артиллерии гитлеровцев к лету 1943 года возросла в 3 раза. Были созданы самоходная противотанковая артиллерия и специальные противотанковые средства ближнего боя (фаустпатроны, противотанковые ружья, гранаты и др.).

Танки как многоцелевое боевое средство являлись и наиболее эффективным противотанковым средством особенно в наступлении и при ведении подвижной обороны.

Анализ боевых потерь советских танков показывает, что в среднем 75 проц. из них поражалось огнем артиллерии и танков на дистанциях 500—1500 м. От других средств потери составляли: от ПТС ближнего боя — 12,6 проц., противотанковых мин — 9 проц., авиации — 3,4 проц.[1].

Для обороны главных направлений в 1944—1945 гг. гитлеровцы создавали достаточно высокие плотности ПТС (см. таблицу). Хотя противник эшелонировал ПТС по всей тактической зоне обороны, однако основная их масса размещалась в главной полосе, имевшей глубину 6—8 км. При этом до 80 проц. ПТС в ее пределах располагались на первых двух позициях.

[1] Подсчитано автором при анализе пяти операций 1944—1945 гг.

Таблица

Плотность ПТС противника на направлениях главных ударов фронтов Советской Армии *

Наименование операций	Фронты	Плотность ПТС противника на 1 км фронта				
		танки и штурмовые орудия	противотанковые орудия	орудия полевой артиллерии	ПТС ближнего боя	общая плотность ПТС
Уманско-Ботошанская	2 УФ	2	3	3,5	6,4	14,9
Львовско-Сандомирская	1 УФ	2,5	5	8	8	23
Висло-Одерская	1 БФ 1 УФ	4 10	4 6	10 10	87 100	105 126
Восточно-Прусская	2 БФ	4	8	10	60	82
Берлинская	1 БФ	17	28	38	200	283

* Таблица составлена по материалам ЦАМО СССР: ф. 307, оп. 4148, д. 223, л. 6; д. 344, л. 15; ф. 332, оп. 4950, д. 34, лл. 152—153; ф. 299, оп. 76781, д. 11, л .9; ф. 408, оп. 10013, д. 19, л. 194; ф. 345, оп. 5512, д. 131, лл. 1—2.

Для поражения советских танков на марше, в выжидательных и исходных районах враг использовал авиацию и дальнобойную артиллерию. По мере подхода наших танков к переднему краю вражеской обороны и при прорыве ее главной полосы к борьбе с ними последовательно подключались все ПТС противника.

Как показал опыт важнейших наступательных операций третьего периода Великой Отечественной войны, успешный прорыв обороны противника зависел прежде всего от степени поражения ПТС, темпа атаки, а также от эффективности огневого сопровождения наступающих танков. Особенно важное значение имело поражение ПТС противника огнем артиллерии и ударами авиации при подготовке атаки.

Опыт Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Берлинской и других операций показывает, что высокая надежность огневого поражения ПТС достигалась в ходе непродолжительной, но мощной артиллерийской подготовки. При этом особенно большое значение имели огневые налеты в начале и конце артподготовки. Противотанковая оборона врага подавлялась в период артиллерийской подготовки на всю глубину главной полосы обороны. Однако из-за того, что калибр почти 70 проц. артиллерии был менее 100 мм, надежно подавлять ПТС противника удавалось лишь на первой и второй позициях на глубину до 5 км.

Для уничтожения наблюдаемых вражеских ПТС в период артиллерийской подготовки весьма эффективно использовались орудия, ведущие огонь прямой наводкой. Их средняя плотность составляла 20—30, а в некоторых операциях — до 60 и более единиц на 1 км участка прорыва. Наряду с артиллерией большой объем задач огневого поражения ПТС противника выполняла фронтовая авиация, которая производила в ходе войны с целью поддержки боевых действий танков и пехоты 46,5 проц. всех своих самолето-вылетов [2].

[2] Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Воениздат, 1968, с .441.

Авиация подавляла противотанковую оборону, нанося массированные удары силами штурмовых и бомбардировочных авиационных дивизий и корпусов по противотанковым опорным пунктам и районам, артиллерийским позициям, противотанковым и танковым резервам противника. Обычно эти действия увязывались по времени и объектам с ударами артиллерии, действиями танков и пехоты.

Наиболее характерной была следующая последовательность в нанесении ударов авиацией и артиллерией (ее можно проследить на примере 3-го Белорусского фронта в Восточно-Прусской операции). Перед началом артиллерийской подготовки следовал массированный удар с привлечением большей части бомбардировочной и до 20 проц. штурмовой авиации по объектам в главной полосе обороны противника. Во время артиллерийской подготовки авиация наносила удары по ПТС, танкам и другим огневым средствам врага на флангах участка прорыва, в глубине главной полосы и на второй полосе его обороны. Заканчивалась авиационная подготовка непосредственно перед атакой танков и пехоты массированным ударом крупных авиационных сил по противотанковым объектам на участке прорыва[3]. С началом атаки танков и пехоты огневое поражение ПТС и танков в глубине вражеской обороны осуществлялось в период артиллерийской и авиационной поддержки атаки и артиллерийского сопровождения атакующих.

При наличии у противника глубокой ПТО с высокой плотностью ПТС в главной полосе обороны (Восточно-Прусская операция 2-го Белорусского фронта, Висло-Одерская и Берлинская операции 1-го Белорусского фронта) артиллерийская поддержка атаки танков и пехоты производилась одинарным или двойным огневым валом на глубину 2—4 км или ПСО. Это позволяло значительно снизить эффективность противотанкового огня противника при преодолении первой и второй позиций главной полосы его обороны.

Для максимального огневого воздействия на ПТС и другие огневые средства противника в период атаки танками первой позиции его обороны важное значение имело достижение непрерывности перехода от артиллерийской подготовки к артиллерийской поддержке атаки. Например, в 3-м Белорусском фронте в ходе Витебско-Оршанской операции огонь в период последнего налета велся с нарастанием до предельного технического режима. По мощи и характеру он мало отличался от огневого вала, чем достигалась внезапность перехода в атаку. За 2—3 минуты до конца артиллерийской подготовки треть артиллерии перенесла огонь на первый рубеж огневого вала (в 200 м от переднего края). По окончании артподготовки остальная часть артиллерии также перенесла огонь на этот же рубеж, но он велся небольшими скачками (происходило «сползание» огня) по мере продвижения атакующих танков и пехоты[4]. Это обеспечивало прорыв первой позиции с относительно небольшими потерями в танках.

Поражение ПТС и танков авиацией с началом авиационной поддержки атаки осуществлялось обычно эшелонированными ударами, в каждом из которых принимало участие по 40—60 самолетов. Районы нанесения ударов каждого эшелона самолетов последовательно смещались на 1—1,5 км в глубину обороны противника, что обеспечивало непрерывное и мощное огневое воздействие на его ПТС с воздуха.

Артиллерийское сопровождение танков и пехоты при бое в глубине тактической зоны обороны противника осуществлялось как по заранее

---

[3] ЦАМО СССР, ф. 241, оп. 2593, д. 686, л. 8.
[4] Там же, оп. 9089, д. 43, лл. 47—50; оп. 12942, д. 7, л. 868.

спланированным участкам ПСО, так и огнем по вызову командиров танковых подразделений и частей и артиллерийских корректировщиков из радийных танков.

С целью повышения эффективности огневого поражения ПТС и танков противника артиллерией в этот период предусматривалось переподчинение ее стрелковым батальонам, полкам и танковым бригадам.

Боевая практика Великой Отечественной войны показала настоятельную необходимость непосредственного сопровождения атакующих танков первой боевой линии самоходными артиллерийскими установками, которые своим огнем уничтожали ПТС и вели борьбу с контратакующими вражескими танками. Для решения этих задач была создана бронированная самоходная артиллерия. Уже в 1943 году она организационно вошла в состав танковых соединений и являлась лучшим огневым средством сопровождения танков в атаке. Благодаря броневой защите и высокой проходимости САУ могли действовать непосредственно в боевых порядках танков, а их более мощные орудия позволяли уничтожать ПТС противника еще до выхода наших бронированных машин в зону эффективного вражеского огня.

В наиболее удачно проведенных операциях соотношение САУ и танков непосредственной поддержки пехоты (НПП) при прорыве обороны врага составляло 1 : 2, т. е. каждые два танка поддерживала одна САУ.

Опыт ряда операций третьего периода Великой Отечественной войны учит, что после артиллерийской и авиационной подготовки атаки танки НПП уже на глубине 1,5—2 км (перед второй позицией) и особенно на глубине 3—5 км (перед огневыми позициями артиллерии и третьей позицией) подвергались воздействию сохранившихся и переброшенных к участку прорыва ПТС и танков противника, а плотность артиллерийского огня после окончания артиллерийской поддержки уменьшалась.

В этих случаях эффективность борьбы с ПТС и танками противника зависела от построения боевого порядка танков НПП, тактики действий и тесного их взаимодействия с подразделениями САУ.

Самоходная артиллерия атаковывала, как правило, в боевых порядках пехоты и обеспечивала огнем танки первой боевой линии. Второй эшелон танков (при построении танковой бригады в два эшелона) продвигался за боевыми порядками пехоты на удалении до 200 м.

При прорыве сильной в противотанковом отношении обороны противника, как это было в ходе Берлинской операции в 1-м Белорусском фронте и Восточно-Прусской операции во 2-м Белорусском фронте, применялись тяжелые танки, составлявшие соответственно в указанных операциях 33 проц. [5] и 70 проц. [6] танков НПП.

Боевой опыт показал, что для успешной борьбы с ПТС и танками противника важное значение имели боевые свойства бронированных машин. Поэтому в годы войны все типы советских танков непрерывно совершенствовались. Калибры танковых орудий средних танков увеличились с 76 мм до 85 мм, а тяжелых — с 76 до 122 мм. В результате дальность прямого выстрела возросла на 30—50 проц., повысилась эффективность поражения целей. Усиливалась броневая защита, посредством установки на боевых машинах командирской башенки улучшался обзор, повышались точность огня и маневренные возможности танков.

При вводе в прорыв (в бой для завершения прорыва) соединений

---

[5] ЦАМО, ф. 38, оп. 377133, д. 1, лл. 33—38.
[6] Там же, ф. 237, оп. 2394, д. 1510, лл. 8—12.

подвижных групп армий и фронтов поражение ПТС и танков перед рубежом ввода и на флангах участка прорыва осуществлялось артиллерией и авиацией в период артиллерийского и авиационного обеспечения ввода, огнем танков, САУ, артиллерии и минометов передовых отрядов (бригад первого эшелона).

Например, для артиллерийского обеспечения ввода в сражение 3-й гвардейской танковой армии в Львовско-Сандомирской операции были привлечены пять артиллерийских бригад и артиллерия четырех стрелковых дивизий[7], а ввод в сражение 2-й гвардейской танковой армии в Берлинской операции обеспечивали пять артиллерийских бригад, два полка и артиллерия пяти стрелковых дивизий[8]. Это позволило в полосах ввода в сражение танковых армий привлекать для поражения ПТС противника от восьми до двенадцати дивизионов артиллерии и минометов.

Артиллерия обычно подавляла противотанковую оборону противника перед фронтом и на флангах подвижных групп на глубину 4—5 км от рубежа ввода, но наиболее надежно — на глубину 2—2,5 км. Наибольшая эффективность в поражении ПТС достигалась тогда, когда огонь заблаговременно планировался, а вызов и корректирование его осуществляли по радио офицеры-артиллеристы из танков, находившихся в боевых порядках танковых батальонов.

Большой объем задач по поражению ПТС и танков противника при вводе подвижных групп выполняла авиация. Подавление противотанковой обороны в этот период производилось, как правило, в ходе авиационного наступления с привлечением до 70 проц. авиации фронта[9]. Авиационное наступление включало: предварительную авиационную подготовку, когда подавлялись танковые и противотанковые резервы; непосредственную авиационную подготовку (авиация продолжала наносить удары по резервам, а также подавляла ПТС, танки, артиллерию перед рубежом ввода и на флангах); авиационную поддержку действий передовых отрядов и наступления главных сил, во время которой наряду с нанесением ударов по резервам авиация подавляла ПТС и танки противника перед наступающими танками по заявкам командиров танковых и механизированных соединений. Наиболее мощное авиационное воздействие на противотанковую оборону противника было в первые 2—3 часа после ввода подвижных групп.

С выходом в оперативную глубину и отрывом подвижных групп от главных сил фронтов и армий они лишались поддержки артиллерии общевойсковых объединений. Подавление противотанковой обороны врага на промежуточных оборонительных рубежах в этот период и борьба с его танками осуществлялись штатной и приданной артиллерией, авиацией, огнем танков и мотопехоты.

Боевой опыт показал, что успех в борьбе с ПТС и танками противника в оперативной глубине во многом зависел от степени насыщенности танковых и механизированных корпусов (танковых армий) артиллерией, прежде всего самоходной, и от количества придаваемой и поддерживающей подвижную группу авиации.

Насыщенность танковых армий артиллерией составляла в среднем 18—20 орудий и минометов на каждый батальон. Соотношение танков и САУ колебалось в пределах: одна средняя или тяжелая САУ на 3—4 танка.

Для сопровождения танковых бригад, например в 1-й танковой армии в Львовско-Сандомирской операции, создавались артиллерийские

[7] ЦАМО, ф. 315, оп. 4455, д. 66, л. 52.
[8] Там же, ф. 307, оп. 4161, д. 46, лл. 85, 86.
[9] «Военно-исторический журнал», 1974, № 5, с. 22.

группы поддержки танков по числу бригад, в основе которых была, как правило, самоходная артиллерия[10]. Иногда в эти группы включалась истребительно-противотанковая и реактивная артиллерия. Создание высокоподвижных артиллерийских групп поддержки танков повышало самостоятельность танковых бригад в борьбе с ПТС и танками противника при ведении ими высокоманевренных боевых действий.

По опыту важнейших операций третьего периода войны танковую армию в оперативной глубине поддерживало до трех авиационных корпусов.

Массовое применение в немецко-фашистской армии ПТС ближнего боя остро поставило проблему борьбы с ними и резко ограничило самостоятельность действий танков на поле боя. Потребовались дополнительные мероприятия по обеспечению действий бронированных машин. В частности, проводились тщательная разведка огневых позиций и мест сосредоточения противотанковых средств противника и их уничтожение огнем артиллерии и ударами авиации. Было введено обязательное сопровождение каждого танка автоматчиками (Берлинская операция). Усиливалось охранение танков при расположении их на месте. Наиболее важным условием подавления и уничтожения ПТС ближнего боя было непрерывное и тесное взаимодействие отдельных танков с небольшими группами пехоты как при прорыве обороны противника, так и при действии в оперативной глубине особенно в лесах и населенных пунктах.

Таким образом, боевой опыт показывает, что на развитие способов борьбы советских войск с ПТС противника в операциях третьего периода войны наибольшее влияние оказывали такие факторы, как боевые свойства ПТС противника и совершенствование его противотанковой обороны. К борьбе с ПТС и танками врага привлекались практически все боевые средства, которыми располагали войска. Эта задача в наступательных операциях решалась по нескольким направлениям одновременно.

Главными из них являлись: повышение степени огневого поражения ПТС противника огнем артиллерии и ударами авиации в период подготовки атаки; совершенствование построения боевых порядков танковых частей и соединений с целью обеспечения наиболее эффективного взаимодействия всех боевых средств в ходе наступления; улучшение боевых свойств танков и САУ; создание наиболее приемлемой организационной структуры танковых частей и соединений; достижение непрерывного огневого сопровождения атакующего эшелона танков на всем протяжении боевых действий.

Анализ последних локальных войн, проведенных с применением современных танков и ПТС, и общее направление развития современного военного искусства подтверждают ценность богатейшего опыта борьбы с ПТС противника в Великой Отечественной войне. Дальнейшее его исследование и творческое использование в практике боевой подготовки войск будут способствовать успешному выполнению задач, поставленных перед Вооруженными Силами XXV съездом КПСС.

[10] ЦАМО, ф. 299, оп. 76781, д. 11, лл. 81—82.

Из опыта применения авиации во фронтовых контрударах

Полковник О. ФРАНЦЕВ

До Великой Отечественной войны наиболее полно у нас была разработана теория армейской оборонительной операции. Фронтовым, а тем более стратегическим оборонительным операциям должного внимания не уделялось. Оборонительные действия предполагалось вести главным образом на второстепенных направлениях. Контрудары считались одним из активных и решительных способов борьбы с вклинившимся в оборону неприятелем. При этом важная роль отводилась авиации, которая согласно проекту Полевого устава 1941 года «атакует совместно со вторыми боевыми эшелонами прорвавшегося противника и... прикрывает от нападения с воздуха свои войска...»[1].

В ходе Великой Отечественной войны оборона занимала значительное место в вооруженной борьбе с немецко-фашистской армией, а в первом ее периоде в силу сложившихся обстоятельств являлась преобладающим видом боевых действий наших войск. Вопреки предвоенным взглядам задачи оперативной обороны наиболее полно и успешно решались в масштабе фронтовых, а не армейских операций. Оборонительные операции осуществлялись не только на второстепенных, но и на главных стратегических направлениях. Проводились они силами армий и фронтов. Поэтому и контрудары, как составная часть оборонительных операций, подразделялись на армейские и фронтовые.

Армейские контрудары обычно преследовали цели: остановить наступление противника, ликвидировать вклинившуюся в оборону группировку вражеских войск, восстановить положение, не допустить развития тактического успеха в оперативный.

Фронтовые контрудары носили более решительный характер. Они имели целью не только остановить наступление и уничтожить прорвавшуюся группировку противника, но и внести перелом в ход фронтовой оборонительной операции, создать условия для последующего перехода наших войск в контрнаступление, как это было, например, в оборонительной операции на ближних подступах к Москве осенью 1941 года, под Сталинградом осенью 1942 года и на Курской дуге летом 1943 года.

К проведению контрударов привлекались вторые эшелоны и резервы фронта (армии), войска первого оперативного эшелона, войска соседнего фронта (армии), а также войска, снятые с других направлений.

Различие масштабов и целей контрударов обусловливало разницу в требованиях к их авиационному обеспечению. Анализ оборонительных операций показывает, что для поддержки войск, участвовавших в нанесении армейских контрударов, как правило, привлекались сравнительно небольшие силы авиации. В настоящей статье рассматривается авиа-

[1] Полевой устав Красной Армии. Проект. Воениздат, 1941, с. 185—186.

ционное обеспечение фронтовых контрударов, во время которых использовались основные силы ВВС фронта (воздушной армии).

Перед контрударами Ставка ВГК часто усиливала войска фронтов авиационными соединениями ДБА (АДД), а иногда и соседних ВА. Так, для разгрома смоленско-ярцевской группировки противника 26—28 июля 1941 года в интересах Западного фронта действовало 220 самолетов 1, 2 и 3-го дальнебомбардировочных авиационных корпусов (командиры соответственно генерал-майор авиации В. И. Изотов, полковники К. Н. Смирнов и Н. С. Скрипко) [2]. 12—13 июля 1943 года при нанесении контрудара войсками Воронежского фронта под Прохоровкой боевые задачи выполняла 2 ВА (командующий генерал-лейтенант авиации С. А. Красовский) и часть сил 17 ВА (командующий генерал-лейтенант авиации В. А. Судец) соседнего Юго-Западного фронта. 27 января — 7 февраля 1945 года на будапештском направлении (в районе озера Балатон), кроме 17 ВА 3-го Украинского фронта, были задействованы соединения 5 ВА (командующий генерал-полковник авиации С. К. Горюнов) 2-го Украинского фронта.

В зависимости от условий обстановки планы применения авиации в контрударах составлялись заблаговременно или в ходе оборонительных операций.

В первом периоде войны при подготовке контрударов детализированные планы взаимодействия с сухопутными войсками не всегда разрабатывались, и это отрицательно сказывалось на результатах боевых действий. Примером может служить контрудар под Сталинградом 27—29 июля 1942 года 1-й и 4-й танковых армий и частью сил 62-й армии при поддержке 8 ВА (командующий генерал-майор авиации Т. Т. Хрюкин). Продвижение врага на восток было приостановлено, но разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся в район Верхне-Бузановки, и восстановить положение на участке 62-й армии не удалось.

Как правило, во втором и третьем периодах войны контрудары планировались и подготавливались заблаговременно. Командование воздушных армий имело возможность заранее составить планы взаимодействия с сухопутными войсками, иногда по нескольким вариантам (так было, например, на Центральном, Воронежском и Юго-Западном фронтах в июле 1943 года), а также отработать его на местности, создать систему пунктов управления, накопить боеприпасы, горючее и другие материальные средства.

В планах взаимодействия определялись основные задачи авиации, привлекаемые силы и средства воздушной армии и резерва Ставки ВГК, боевое напряжение для каждого рода авиации, задачи авиационных соединений, выделенных для поддержки общевойсковых (танковых) корпусов, объекты, предназначенные для поражения с воздуха. Разрабатывались также целеуказание и наведение самолетов на наземные цели, система обозначения переднего края и другие вопросы.

При организации взаимодействия воздушных армий с соединениями АДД или силами ВА соседних фронтов согласовывались способы обеспечения пролета самолетов через фронтовую зону и наведения их на цели, если они действовали на поле боя; указывались аэродромы воздушной армии, предназначенные для посадки поврежденных самолетов, и намечался порядок оказания им технической помощи; определялись мероприятия по организации взаимной информации об обстановке. Четкая организация взаимодействия авиации с сухопутными войсками также способствовала более эффективному нанесению контрударов.

---

[2] ЦАМО СССР, ф. 209, оп. 19013, д. 1, л. 6.

Авиация в контрударах выполняла различные задачи: прикрывала контрударную группировку и вела борьбу за господство в воздухе; проводила авиационную подготовку атаки и авиационную поддержку (сопровождение) войск; воспрещала (задерживала) подход резервов к району сражения; осуществляла воздушную разведку. При этом только фронтовая бомбардировочная и штурмовая авиация затрачивала до 33 проц. всех производившихся во время оборонительных операций самолето-вылетов [3].

Рассмотрим вопросы авиационного обеспечения контрударов последовательно по задачам.

Прикрытие контрударной группировки и борьба за господство в воздухе.

В первом периоде войны контрудары советских войск производились в условиях господства в воздухе гитлеровской авиации. Наши ВВС ощущали острый недостаток в самолетах. В ходе контрударов истребители прикрывали войска чаще всего путем дежурства в воздухе и на больших высотах (4000—5000 м). Зоны патрулирования обычно назначались над своей территорией. Самолеты нередко действовали в плотных боевых порядках звеньев и по высоте не эшелонировались. Наведение истребителей на воздушные цели с земли осуществлялось далеко не самыми совершенными способами: стрелами, нарисованными на полотнищах, лучами прожекторов, выстрелами по воздушной цели трассирующими пулями и снарядами из орудий и пулеметов, применением цветных дымов и т. д.; в воздухе — эволюциями самолета, ракетами и с помощью радиопередатчиков, которые командиры авиационных подразделений использовали для подачи команд летчикам, имевшим радиоприемники. Радиосредства были в небольшом количестве на истребителях нового типа, но и они из-за недооценки командирами авиационных частей использовались слабо. В приказе командующего ВВС Советской Армии от 27 марта 1942 года отмечалось, что в феврале этого года, несмотря на наличие радиоаппаратуры, 75 проц. боевых вылетов было проведено без применения радиосвязи [4].

При такой организации своевременный перехват самолетов противника не гарантировался. Наши летчики часто завязывали воздушные бои с истребителями сопровождения и тем самым позволяли бомбардировщикам врага атаковывать боевые порядки контрударных группировок. «Свободная охота» практиковалась крайне редко. Удары по аэродромам производились эпизодически. Отдельные удачные действия по местам базирования вражеской авиации, например во время контрударов войск Западного фронта 23—25 июля и Центрального фронта 30 августа 1941 года, изменить соотношение авиационных сил в нашу пользу не могли [5]. А господство или превосходство в воздухе являлось одним из основных условий результативности контрударов советских войск. Там, где его имел противник, контрудары решающего влияния на ход боевых действий не оказывали (контрудары механизированных корпусов Западного и Юго-Западного фронтов в начальном периоде войны, контрудары 16-й и 49-й армий Западного фронта в октябре—ноябре 1941 г. под Москвой, контрудар 5-й танковой армии Брянского фронта в июле 1942 г. в районе Воронежа). Когда же нашей авиации удавалось надежно прикрыть создаваемую группировку и временно удерживать инициативу в воздухе, контрудары были более эффективны и со-

[3] И. В. Тимохович. Оперативное искусство Советских ВВС в Великой Отечественной войне. Воениздат, 1976, с. 230

[4] Там же, с. 282.

[5] ЦАМО, ф. 346, оп. 5933, д. 3, лл. 396, 397.

ветские войска восстанавливали утраченное положение (контрудары Западного фронта в оборонительной операции на ближних подступах к Москве в конце ноября — начале декабря 1941 г.).

Во втором периоде войны благодаря заботе Коммунистической партии Советского Союза и усилиям тружеников тыла на фронт поступают в достаточном количестве самолеты с высокими летно-тактическими характеристиками. Авиационные части оснащаются радиосредствами, для наведения истребителей на воздушные цели используются радиолокационные станции. Совершенствуется тактика действий истребителей и управление ими. Зоны патрулирования выносятся за линию фронта. Чаще применяется способ перехвата вражеских самолетов из положения «дежурство на аэродромах», практикуются «свободная охота» и «действия из засад». Боевые порядки истребителей эшелонируются по высоте. Все это вместе с приобретенным боевым опытом дало возможность более успешно осуществлять борьбу за оперативно-тактическое господство в воздухе и надежно прикрывать войска в районе контрударов.

Опыт показал, что противник для срыва контрударов войск фронта зачастую наносил массированные удары с воздуха. Для их отражения истребительная авиация фронта сосредоточивала максимальные силы. Над полем боя развертывались ожесточенные воздушные бои и сражения. Например, 5 июля 1943 года, накануне контрудара Центрального фронта, в воздухе с обеих сторон одновременно находилось несколько сот самолетов[6]. 6 июля летчики 16 ВА (командующий генерал-лейтенант авиации С. И. Руденко) совершили 1326 боевых самолето-вылетов, провели 92 воздушных боя и сбили 113 самолетов, потеряв при этом 91 машину[7]. В ходе контрудара войск Воронежского фронта в районе Прохоровки 12—13 июля 1943 года наши истребители участвовали в 94 групповых воздушных боях и сбили 78 вражеских самолетов[8].

В третьем периоде войны благодаря наращиванию производства самолетов, снижению потерь в условиях господства в воздухе появилась возможность для прикрытия войск при нанесении контрударов выделять не одну-две истребительные дивизии, как это было в 1943 году, а три-четыре (контрудар 3-го Украинского фронта в Будапештской операции в январе — феврале 1945 г.). Фронтовые контрудары, как правило, приводили к разгрому вклинившегося противника. В этом немалая заслуга наших ВВС, сумевших обеспечить надежное прикрытие контрударных группировок и завоевать господство в воздухе в районах контрударов.

Авиационная подготовка атаки контрударной группировки проводилась с целью подавления и уничтожения огневых средств, живой силы и боевой техники врага, деморализации его войск, обеспечения высоких темпов продвижения наших частей и соединений.

В первом периоде войны авиационная подготовка атаки из-за ограниченного количества авиации, ее распыления по общевойсковым армиям, недостатков в тактике и боевом управлении была малоэффективной. Соединения ДБА (АДД) и штурмовики обычно участия в ней не принимали. ДБА (АДД) решала свои задачи. Штурмовиков же было ограниченное количество, их берегли для последующей авиационной поддержки войск.

С целью усиления авиационной подготовки атаки иногда использовалась авиация соседних фронтов. Примером может служить участие

---

[6] История второй мировой войны 1939—1945, т. 7. Воениздат, 1976, с. 146.

[7] 16-я воздушная. Военно-исторический очерк о боевом пути 16 ВА (1942—1945). Воениздат, 1973, с. 96.

[8] И. В. Тимохович. Указ. соч., с. 233.

2-й смешанной авиационной дивизии (командир полковник П. П. Архангельский) ВВС Северного фронта в контрударе войск Северо-Западного фронта 14—18 июля 1941 года в районе Сольцы. Авиационная подготовка проводилась одновременно с артиллерийской. Взаимодействие между авиацией и артиллерией заключалось в распределении районов и объектов боевых действий. Артиллерия подавляла и уничтожала живую силу и технику противника на глубину досягаемости огня, а бомбардировочная авиация — войска, артиллерийские группировки и другие важные объекты на глубине с 3—5 км от переднего края.

Если контрудары наносились ночью или на рассвете, когда дневная бомбардировочная авиация действовать не могла, то авиационная подготовка ограничивалась ударами частей легкой ночной бомбардировочной авиации, вооруженных самолетами ПО-2. Иногда авиационная подготовка из-за недостатка авиации совсем не проводилась, как это было, например, 27 ноября 1941 года при нанесении контрудара войсками Западного фронта в районе южнее Каширы и 2 декабря того же года в районе станции Апрелевка. В первом периоде войны основным способом боевых действий авиации во время авиационной подготовки атаки был сосредоточенный удар.

К авиационной подготовке атаки во втором и третьем периоде войны стали привлекаться более значительные силы авиации. При этом наряду с бомбардировщиками иногда использовались и штурмовики. Так, 12 июля 1943 года под Прохоровкой в авиационной подготовке атаки приняли участие 1-й штурмовой авиационный корпус (командир генерал-лейтенант авиации В. Г. Рязанов) и 291-я штурмовая авиационная дивизия (командир генерал-майор авиации А. Н. Витрук) [9].

Из-за недостатка бомбардировщиков к авиационной подготовке атаки привлекались соединения АДД. Ее продолжительность была различной, но в целом наблюдалась тенденция к увеличению времени (от 10 мин до 2 часов).

Во втором и третьем периодах войны применялись не только сосредоточенные, но и массированные удары, в которых участвовало несколько авиационных дивизий, как это было, например, на будапештском направлении в ходе оборонительных боев на внешнем фронте окружения в январе 1945 года (3-й Украинский фронт).

Опыт показал, что успех достигался тогда, когда авиационная подготовка проводилась непосредственно перед началом контрудара.

Авиационная поддержка (сопровождение) войск, наносивших контрудары, представляла собой наиболее сложный период боевых действий. Осуществлялась она всеми родами авиации — штурмовиками, бомбардировщиками и истребителями. Основными задачами в этот период были: уничтожение живой силы и боевой техники противника на поле боя, максимальное содействие наступлению нашей контрударной группировки.

Во время авиационной поддержки большую роль играл институт представителей ВВС в войсках, который создавался для организации боевого управления и эффективного взаимодействия с сухопутными войсками. Так, в период нанесения контрудара Западного фронта с 23 по 25 июля 1941 года в районах Рославля, Белого, Ярцево (Смоленское оборонительное сражение) на КП контрударной группы находились представители ВВС. При проведении контрударов северо-западнее Сталинграда из 16 ВА в 1-ю гвардейскую армию была направлена опе-

[9] М. Н. Кожевников. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945. Воениздат, 1977, с. 154.

ративная группа, а в действовавшие на флангах 24-ю и 66-ю армии — авиационные представители [10].

В их функции входило информировать авиационное командование о наземной и воздушной обстановке, передавать заявки общевойсковых (танковых) командиров частей и соединений на очередные удары авиации, согласовывать с ними объекты ударов, сигналы взаимодействия, целеуказания и обозначения своих войск. Подобная практика существовала при нанесении контрударов почти во всех последующих оборонительных операциях.

В первом периоде войны авиация, выделенная для поддержки (сопровождения) войск, обычно действовала эпизодически, распыленно по большому количеству объектов, которые находились на значительном удалении от переднего края. Это было связано с отсутствием необходимого количества штурмовиков и бомбардировщиков, недостатком радиосредств и опыта у командиров всех степеней в управлении и осуществлении взаимодействия авиации с общевойсковыми и танковыми соединениями, боязнью поразить свои войска.

Во втором и третьем периодах войны организация авиационной поддержки в контрударах и контратаках значительно улучшилась.

Если погода благоприятствовала, в период авиационной поддержки штурмовики находились над полем боя непрерывно, в течение всего светлого времени суток, действуя группами от звена до авиационного полка. В это же время бомбардировочная авиация составом авиационная дивизия — корпус периодически наносила удары по важнейшим объектам в тактической и оперативной глубине.

Таким образом, лучшего результата удавалось добиваться в тех случаях, когда авиационная поддержка осуществлялась непрерывно, значительными силами и если соединения ВВС решали задачи в тесном тактическом взаимодействии с сухопутными войсками.

Борьба с резервами (изолирование района контрудара от притока свежих сил противника) являлась одной из основных задач бомбардировщиков и штурмовиков, которые днем действовали под прикрытием истребителей. При этом преследовались следующие цели: затруднить перегруппировку гитлеровских войск, дезорганизовать подвоз средств боевого питания, не допустить наращивания вражеских сил из глубины, создать наступавшим войскам такие условия, при которых они могли бить противника по частям.

Авиация действовала по железнодорожным узлам, районам сосредоточения, колоннам войск и боевой техники на шоссейных и грунтовых дорогах, применяя сосредоточенные и эшелонированные удары, а нередко и «свободную охоту». Бомбардировщики осуществляли бомбометание с высот 2—3 км, штурмовики — 150—300 м (контрудары под Курском в июле 1943 г.).

Анализ контрударов периода оборонительных операций под Москвой, Сталинградом, Курском, Шяуляем показывает, что задача борьбы с резервами решалась малыми силами авиации, и поэтому эффект был незначительным. Для изоляции резервов под Прохоровкой 12—13 июля 1943 года привлекалось достаточно самолетов (бомбардировщики 2 ВА, часть сил 17 ВА и АДД), но из-за неблагоприятной погоды они произвели всего 397 самолето-вылетов.

Воздушная разведка. В первом периоде войны ввиду недостатка штатных сил разведывательной авиации и больших потерь воздушная разведка при подготовке и осуществлении контрударов во многих случаях велась нерегулярно. Глубина ее при нанесении фронтовых контр-

[10] «Военно-исторический журнал», 1972, № 7, с. 30.

ударов достигала 50—60 км. Днем она производилась на высотах от бреющего полета до 8000 м, ночью — от 300 до 1500 м (оборонительная операция на ближних подступах к Москве).

Воздушная разведка велась двумя способами — визуальным наблюдением и фотографированием. В первом периоде войны процент вылетов с целью воздушного фотографирования был невысок. Это объяснялось слабым оснащением авиационных частей самолетами-разведчиками, фотоаппаратурой, особенностями обстановки, сложившейся на советско-германском фронте, и недооценкой воздушного фотографирования со стороны некоторых авиационных командиров. Во втором и третьем периодах войны к ведению воздушной разведки шире стали привлекаться все рода авиации, особенно истребители. Увеличилась глубина нанесения контрударов объединениями сухопутных войск, поэтому и глубина воздушной разведки во время фронтовых контрударов достигала 80 км (оборонительное сражение под Курском в июле 1943 г.).

В связи с завоеванием нашими ВВС летом 1943 года стратегического господства в воздухе высоты ведения воздушной разведки в светлое время суток были значительно снижены. Оснащение авиационных частей в достаточном количестве радиосредствами давало возможность более оперативно информировать командование о наземной и воздушной обстановке. Часто данные передавались по радио открытым текстом. Результаты воздушной разведки позволяли советскому командованию вскрыть замыслы противника, своевременно принимать решение на проведение контрудара, правильно выбрать его направление и определить силы и средства контрударной группировки. Так, 10 июля 1943 года воздушные разведчики 2 ВА обнаружили маневр войск противника на прохоровское направление. Командование Воронежским фронтом подготовило контрудар (12—13 июля), в результате чего вражеским танковым и мотомеханизированным войскам был нанесен тяжелый урон.

При проведении контрударов воздушная разведка осуществлялась непрерывно. Например, под Прохоровкой 12—13 июля 1943 года вылеты с целью ведения тактической воздушной разведки производились не реже одного раза в течение часа, а оперативной — через каждые 4—5 часов. Для сравнения можно отметить, что в другие дни оборонительного сражения частота вылетов на разведку была в 2—3 раза меньше.

В связи с совершенствованием фотослужбы и увеличением в авиационных разведывательных частях числа фотоаппаратов и фотоустановок наблюдалось непрерывное повышение удельного веса воздушного фотографирования. В каждой воздушной армии создается аэрофотослужба для дешифрирования, обработки и размножения фотоматериалов. В марте 1943 года командующим Военно-Воздушными Силами Советской Армии определялись организация, задачи, масштабы фотографирования, средние нормы обработки полученных материалов. В первом периоде войны при нанесении контрударов в основном велось плановое фотографирование. В 1943—1945 гг. наряду с плановым применялось и перспективное фотографирование.

Изучение действий авиации в контрударах советских войск в годы Великой Отечественной войны позволяет сделать некоторые выводы. Наибольший эффект достигался тогда, когда для авиационного обеспечения контрудара выделялись крупные силы авиации, действовала она массированно и управлялась централизованно.

Завоевание господства или превосходства в воздухе было непременным, решающим условием победы над противником. Опыт показал, что необходимо сочетать способы уничтожения авиации противника в воздухе и на земле. Истребители должны действовать активно и наступательно и основные усилия сосредоточивать на уничтожении вражеских

бомбардировщиков. Удары по аэродромам целесообразно осуществлять внезапно, крупными силами и преследовать решительные цели разгрома противостоящей авиационной группировки противника.

Значительное место в боевых действиях ВВС отводилось авиационной подготовке, но она приносила успех лишь в том случае, если проводилась достаточным количеством бомбардировщиков и штурмовиков непосредственно перед атакой. Только тогда наземные войска могли воспользоваться ее результатами.

Авиационная поддержка войск, наносивших контрудар, была наиболее эффективной лишь в том случае, когда осуществлялась непрерывно и авиация действовала в тесном контакте с сухопутными войсками, а удары наносились на всю глубину оперативного построения войск противника.

Борьба с резервами давала заметные результаты, если авиация парализовала основные коммуникации врага. Опыт учит, что удары по железнодорожным объектам на небольшом удалении от линии фронта часто не оправдывали себя, так как противник, не ожидая восстановления железнодорожных путей, использовал автотранспорт. Надо признать, что в годы Великой Отечественной войны в ходе контрударов авиации относительно редко удавалось изолировать поле боя от притока свежих сил противника.

Что касается воздушной разведки, то наибольший успех достигался тогда, когда она велась непрерывно и всеми родами авиации. Главной ее задачей было вскрыть состав и расположение группировки врага, обязательно выявив в ней слабые места.

Управление авиацией организовывалось как в обычной наступательной операции; оно сосредоточивалось в одних руках, что позволяло авиационному командованию более гибко реагировать на все изменения воздушной и наземной обстановки.

Огромное значение для управления и наведения самолетов на воздушные и наземные цели имело использование радио- и радиолокационных станций, количество которых в годы войны неуклонно увеличивалось. Эффективность боевых действий авиации при этом неизмеримо возрастала.

При нанесении контрударов массированное применение авиации являлось не менее обязательным требованием, нежели в наступательных операциях. Стремление выполнить как можно больше задач и поразить как можно больше целей приводило к распылению сил авиации, снижало мощность ее ударов.

Боевой опыт использования авиации в контрударах во время оборонительных операций не потерял своего значения и в современных условиях.

Совершенствование боевой готовности авиационных частей и подразделений в послевоенный период

Полковник М. КАЛИНИН

БОЕВАЯ готовность ВВС является важнейшим условием надежной защиты воздушных рубежей нашей Родины. Она характеризуется степенью подготовленности авиационных подразделений, частей и соединений к выполнению поставленных перед ними боевых задач. Отчетливо различаются три этапа, связанных с развитием ВВС и повышением их боевой готовности в послевоенные годы.

Первый этап охватывает отрезок времени от окончания Великой Отечественной войны до 1953 года. Коренные и качественные изменения в техническом оснащении авиации были связаны тогда прежде всего с переходом на реактивные самолеты первого поколения. Вооружение ВВС новейшей техникой было взято после войны под неослабный контроль Центрального Комитета партии и Советского правительства. За период с 1947 по 1950 год ЦК партии и Совет Министров СССР более 20 раз обсуждали и принимали специальные постановления по оснащению авиации новой техникой, подготовке квалифицированных кадров ВВС и повышению уровня боевой подготовки авиационных частей и соединений. Были приняты решения и об ускорении темпов производства новых самолетов [1]. Уже в 1946 году были испытаны реактивные истребители МИГ-9 и ЯК-15. К концу 1947 года около 500 летчиков самостоятельно вылетали на новой реактивной технике [2].

Из реактивных истребителей на этом этапе наиболее широкое распространение получил МИГ-15. Он имел реактивный двигатель и развивал скорость до 1040 км в час. На его вооружении были одна 37-мм и две 23-мм пушки. МИГ-15 признавался специалистами того времени, включая зарубежных, лучшим истребителем в мире.

Новые самолеты получила и бомбардировочная авиация. В 1948 году проводились первые испытания фронтового реактивного бомбардировщика ИЛ-28, а годом позже началось его серийное производство. Самолет отличался простотой технологической компоновки и был легок в пилотировании. Скорость его достигала 900 км в час, а дальность полета с бомбовым грузом в 1 т — 2400 км. Оборонительное вооружение состояло из четырех 23-мм пушек. По боевым возможностям он значительно превосходил своих предшественников — поршневые бомбардировщики ПЕ-2 и ТУ-2. На базе самолета ИЛ-28 был создан и в 1951 году принят на вооружение фронтовой разведчик ИЛ-28р.

---

[1] КПСС — создатель и руководитель Советских ВВС. Монино, 1966, с. 202.
[2] ЦАМО СССР, ф. 35, оп. 124599, д. 2, л. 110.

В дальней авиации в начале 50-х годов на смену поршневому ТУ-4 поступил реактивный бомбардировщик ТУ-16. Освоенный ВВС и доведенный до высокой степени надежности, ТУ-16 послужил основой для создания первого советского реактивного пассажирского самолета ТУ-104.

Появились реактивные самолеты и в морской авиации. В 1951 году на воздушном параде в Тушино демонстрировалась летающая лодка с реактивным двигателем конструкции Г. М. Бериева.

Перевооружалась на новую технику и военно-транспортная авиация. Она получила самолеты ИЛ-12 и ИЛ-14, приспособленные к перевозке как боевой техники, так и людей. Были созданы части, вооруженные вертолетами МИ-1, а затем и МИ-4 (конструктор М. Л. Миль).

Получая на вооружение новую боевую технику, командиры подразделений заботились о том, чтобы личный состав мастерски овладел ею. В 1951 году авиационные части и соединения приступили к освоению полетов в сложных метеорологических условиях и ночью. Этому способствовало создание и массовое внедрение в авиацию радиоэлектронных средств и счетно-решающей техники. Новые навигационные и прицельные системы, оборудование для ночного полета, сложные схемы слепого захода на посадку потребовали от летчиков более высоких теоретических знаний.

С применением новых самолетов, средств связи и управления была проведена серия экспериментов и опытных учений с полетами в стратосфере, над морем, ночью и при установленном минимуме погоды. На них отрабатывались наиболее эффективные способы и методы боевого применения всех родов авиации. На учениях войск одного из военных округов, проводившихся в 1952 году, авиационные части и подразделения успешно справились с поставленными перед ними задачами. Они умело взаимодействовали с наземными войсками, совершили 2130 боевых самолето-вылетов без единого летного происшествия. Бомбо-штурмовые удары наносились в точно установленное время. Командные пункты и штабы действовали слаженно и оперативно. Управление авиацией осуществлялось твердо и непрерывно. В ходе учений активно велась партийно-политическая работа. Командиры, партийные и комсомольские организации мобилизовывали воинов на отличное выполнение боевых задач.

В первые послевоенные годы в поле зрения командиров, партийных и комсомольских организаций постоянно находилась морально-политическая и психологическая подготовка воинов-авиаторов, призванная формировать и укреплять их духовные силы, готовить к смелым и решительным действиям на благо Родины. Большую роль в решении этого вопроса сыграло улучшение качества марксистско-ленинской подготовки офицеров и политических занятий сержантов и солдат. Причем упор делался на самостоятельную работу по изучению произведений классиков марксизма-ленинизма, решений съездов партии и Пленумов ЦК КПСС. В частях и подразделениях систематически читались лекции, доклады, проводились теоретические и практические конференции по обмену опытом и другие мероприятия.

Все это способствовало росту морально-политических и психологических качеств солдат, сержантов и офицеров, повышению их мастерства.

Свою высокую боевую выучку воины-авиаторы не раз демонстрировали в первые послевоенные годы. Они бдительно охраняли небо Отчизны. В апреле 1950 года пример умелых действий в сложных метеоусловиях над морем показали летчики-истребители гвардии старшие лейтенанты А. С. Герасимов, Б. П. Докин, гвардии лейтенанты Е. Т. Сатаев, И. И. Тезяев. Президиум Верховного Совета СССР своим Указом от

13 апреля 1950 года высоко оценил мастерство летчиков, наградив их орденом Красного Знамени.

Таким образом, к концу 1953 года советская авиация претерпела значительные качественные и количественные изменения, сделала скачок в своем развитии и успешно совершенствовала свою боеготовность.

Второй этап (1954—1960 гг.) характеризуется принятием на вооружение ядерного оружия. В это время Центральный Комитет партии и Советское правительство уделяли внимание созданию и массовому производству самолетов-истребителей со сверхзвуковой скоростью, вооруженных ракетами класса «воздух—воздух», и самолетов-носителей для бомбардировочной авиации. Создается истребительно-бомбардировочная авиация. Части дальней авиации пополнились тяжелыми реактивными бомбардировщиками с большой грузоподъемностью и дальностью полета. Существенные изменения произошли в самолетном парке военно-транспортной авиации.

Наряду с созданием и совершенствованием самолетов успешно развивалось авиационное вооружение. В короткий срок были созданы авиационные ядерные боеприпасы различных калибров, управляемые системы оружия, новые мощные бомбы. На самолетах устанавливалось более точное прицельное и навигационное оборудование [3].

В середине 50-х годов истребительная авиация имела на вооружении реактивные самолеты МИГ-17 и МИГ-19 с радиолокационными прицелами, что значительно расширило ее боевые возможности, позволило перехватывать и поражать воздушные цели ночью и в сложных метеоусловиях. Истребительно-бомбардировочная авиация получила реактивный МИГ-15 бис.

Постоянно уделяя внимание качественному перевооружению авиации, оснащению ее новой боевой техникой и оружием, партия и правительство в то же время заботились о повышении боевой выучки и мастерства советских летчиков. В конце 50-х годов некоторые авиационные училища были преобразованы в высшие. Военно-научные учреждения ВВС стали больше заниматься проблемами автоматизации управления с использованием последних достижений техники.

Возросшие боевые возможности авиации значительно расширили объем выполняемых ею задач. В бомбардировочной авиации, например, количество боевых задач увеличилось в связи с необходимостью уничтожения средств ядерного нападения.

Высокие скорости и дальности полета бомбардировщиков ВВС вероятного противника значительно усложнили задачи истребительной авиации. Для отражения воздушного нападения она должна была осуществлять перехват воздушных целей на дальних подступах к прикрываемым объектам. Выполнение этой задачи облегчалось применением радиолокационных средств разведки воздушного противника на большой дальности и автоматизацией процесса его перехвата при наведении истребителей с наземного командного пункта.

Расширились также задачи истребителей-бомбардировщиков и дальних бомбардировщиков, основу вооружения которых составляли ракеты класса «воздух — поверхность», предназначенные для поражения важных наземных и морских целей противника. Самолеты-ракетоносцы обрели способность эффективно действовать, не заходя в зону поражения средств ПВО противника. Ракеты были важным средством огневой поддержки сухопутных войск в ходе боя. Значительно повысилась и точность бомбовых ударов [4].

---

[3] Летчик и современная война. Воениздат, 1976, с. 7.
[4] Советские Вооруженные Силы. Воениздат, 1978, с. 418.

Располагая первоклассными оптическими приборами и радиоэлектронным оборудованием, разведывательная авиация получила возможность с высокой достоверностью определять координаты объектов, быстро обрабатывать информацию и передавать ее в заинтересованные штабы.

В конце 50-х годов накопленный опыт полетов и боевого применения различных родов авиации в сложных метеорологических условиях настойчиво внедрялся в жизнь. Была усовершенствована методика обучения, более гибкой стала организация управления экипажами в воздухе, осваивались тактические приемы, рассчитанные на использование плохой погоды и темного времени суток. Утверждался также дифференцированный подход к обучаемым при подготовке к полетам. Учитывались классность летчика и характер задания (т. е. совершенствование техники пилотирования, восстановление утраченных навыков боевого применения или освоение новых тактических элементов). Все больше внимания уделялось занятиям на тренажерах, чему способствовало создание учебных баз в авиационных частях, оборудованных по последнему слову техники. В этот период передовые летчики внесли ряд ценных предложений, направленных на улучшение качества бомбометания из-за облаков. Был найден более точный способ ввода поправки в кривизну орбиты захода, автоматизирован процесс прицеливания по дальности.

При организации тактических учений их руководители решительно отказались от заранее намеченных схем, приводящих к шаблону. Действия сторон разыгрывались на основе решений обучаемых. Руководитель имел в своем распоряжении достаточно средств, чтобы влиять на ход учений. Летному составу давалась возможность выполнить задачу в соответствии с конкретно сложившимися реальными условиями обстановки, действиями «противника», что требовало максимального использования тактико-технических качеств техники. Командир становился творцом замысла боя и действий подразделения, части при решении поставленной боевой задачи. Такие летно-тактические учения позволяли установить, насколько высока обученность летчиков действиям в сложной обстановке, каков истинный уровень их боевой готовности.

Появление в 1954—1960 гг. оружия массового поражения, самолетов с большими скоростями, изменение условий боевых действий потребовали не только специальной военно-технической подготовки, но и резкого улучшения морально-политического и психологического воспитания воинов-авиаторов. На это и была направлена вся деятельность командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций.

Действенным средством формирования у личного состава высоких морально-политических и психологических качеств являлась конкретная и целеустремленная партийно-политическая работа и боевая учеба. Особенно большое значение имели тренировки при действиях в опасных ситуациях. В частях и подразделениях практиковались полеты в условиях «ядерных взрывов», боевые стрельбы по наземным и воздушным целям. Летчики преодолевали ПВО, выполняя противоракетные и противозенитные маневры, отрабатывали задачи в условиях сильных помех радиоэлектронным средствам. В кабинах самолетов устанавливались приборы, периодически имитирующие радиоактивное заражение и т. д. Все это помогало воинам-авиаторам приобрести необходимые морально-психологические качества для успешного ведения боевых действий.

Третий этап начинается с 1961 года и характеризуется освоением нового поколения авиационной техники и оружия, дальнейшим повышением боевой мощи и боевой готовности частей и подразделений ВВС.

На смену первым реактивным самолетам, составляющим основу воздушной мощи Советского Союза в 50-е годы, пришли новые, еще бо-

лее совершенные, быстроходные и высотные машины. Воздушный парад в Тушино 9 июля 1961 года был творческим отчетом авиаторов перед партией и советским народом. Он показал, что в СССР произошло кардинальное обновление воздушного флота.

Впервые в воздухе демонстрировались боевые реактивные сверхзвуковые самолеты различного назначения: новые истребители, вооруженные управляемыми ракетами «воздух — воздух», тяжелые ракетоносцы с ракетами «воздух — поверхность», мощные самолеты — летающие лодки, самолеты специального назначения, в том числе с ускорителями, и др.

Военно-Воздушные Силы пополнились тогда сверхзвуковыми реактивными самолетами второго поколения: истребителем МИГ-21, истребителем-бомбардировщиком СУ-7Б, фронтовым бомбардировщиком ЯК-28. Новые вертолеты широко применялись для решения задач воздушной разведки, связи, транспортировки войск и грузов, а также в качестве средств огневой поддержки войск и противолодочной борьбы. Бурно развивалась военно-транспортная авиация. Она могла быстро перебрасывать на большие расстояния войска и боевую технику[5].

В 1967 год — год 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции советские ВВС вступили еще более окрепшими. На параде в Домодедово в присутствии руководителей партии и правительства Герой Советского Союза В. Г. Мухин продемонстрировал самолет вертикального взлета. Особый интерес вызвали многоцелевые самолеты с изменяемой геометрией крыла.

В подготовке каждого рода авиации были свои особенности. Летчики-истребительно-бомбардировочной авиации совершенствовали навыки поиска и уничтожения с ходу малоразмерных подвижных целей. Истребители-перехватчики стремились быстро и надежно поражать ракетами воздушные цели на заданных рубежах в сложных метеоусловиях и ночью. Воздушные разведчики учились более точно определять координаты и характер объектов, добивались сокращения сроков передачи информации, обработки аэрофотоматериалов. На боевых вертолетах отрабатывались способы огневой поддержки войск на поле боя и т. д.

С приходом в строевые части летчиков-инженеров и штурманов-инженеров еще более повысились требования к руководящему составу подразделений и частей, который должен был перестроить учебно-воспитательную работу в соответствии с новыми возможностями подчиненных. Чтобы лучше обучать летный состав, имеющий высшее образование, надо быть знающим специалистом. Особое место в этом процессе занял командир звена — непосредственный наставник летчиков. Роль командира звена повысилась также в связи с тем, что значительно возросла боеспособность каждого экипажа, а пара самолетов уже самостоятельно выполняла сложные тактические задачи. От летной, тактической и методической подготовки командира звена в большой мере зависел уровень боевой готовности подразделения и части в целом.

Обучение летного состава огневому и тактическому мастерству начиналось в классе, на макете-полигоне, стрелковых тренажерах с постепенным усложнением заданий. А тренировка и дальнейшее совершенствование навыков осуществлялось в имитируемом полете на тактическом подвижном полигоне, где отрабатывались в комплексе приемы поиска, обнаружения, атаки целей и маневрирования самолета для преодоления противодействия средств ПВО.

Методика тактической подготовки на первом этапе предусматривала обучение пар, звеньев, эскадрилий боевому маневрированию, типовым

[5] Советские Вооруженные Силы, с. 418.

атакам и «стандартным» приемам, пригодным для любой обстановки. При этом учитывалось, что всякое сложное действие состоит из ряда простых, которые необходимо отработать до автоматизма. Конечный же результат боя (удара) часто зависит от способности исполнителя найти то единственно правильное сочетание элементарных маневров, которое обеспечивает успех. Требовалось сознательное, многократное повторение в воздухе определенных, предусмотренных программами тактических приемов, чтобы перейти к поиску новых, более эффективных. Благодаря усилиям командиров, политработников, партийных и комсомольских организаций воины-авиаторы успешно освоили третье поколение боевых реактивных самолетов.

Борясь за высокую боеготовность авиационных частей и подразделений, командиры, политработники, партийные и комсомольские организации проявляли постоянную заботу о психологической подготовке воинов. Они успешно готовили летный состав к самоотверженным действиям в любое время суток и в любых условиях. Так поступали в части, где секретарем партийного комитета являлся майор Ю. Мазур. Здесь летчики настойчиво постигали искусство боя в сложной воздушной обстановке, обучались владеть собой, преодолевать всевозможные опасности и успешно выполнять боевые задания. Особенно заострялось внимание на совершенствовании тренажной подготовки молодых авиаторов, которая проводилась с максимальным насыщением вводных по заранее продуманной системе. Вводились, например, отказы прицела и вооружения на самых напряженных этапах выполнения задания. При этом от летчика требовались быстрая и грамотная оценка создавшейся ситуации и принятие наиболее целесообразного решения, четкие и уверенные действия. Приближение занятий на тренажере к реальным условиям позволило летчикам приобрести нужные навыки для действий в воздухе. Формирование высоких боевых и психологических качеств в этой эскадрилье происходило повседневно, в процессе боевой и политической подготовки. Труд коллектива не прошел даром. В ходе учений, попав в сложную обстановку, летчики этой части, да и других частей не терялись, уверенно добивались намеченной цели.

Итак, основными направлениями совершенствования боевой готовности авиационных частей и подразделений в послевоенный период были: оснащение новейшим оружием и техникой; изыскание рациональных способов их боевого применения; повышение уровня боевого мастерства, морально-политической и психологической подготовки.

Сейчас можно с уверенностью сказать, что личный состав подразделений, частей и соединений Военно-Воздушных Сил, беззаветно преданный своему народу, тесно сплоченный вокруг Коммунистической партии, вместе с воинами других видов Вооруженных Сил готов с честью защищать интересы нашей великой Родины, стран социалистического содружества.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ 27 ОИПТАБР НА ОБОЯНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ (5—10 июля 1943 г.)

Герой Советского Союза
полковник И. ЗАГРЯДСКИЙ

Определяя возможные направления удара вражеской группировки на Черкасское — Березовка, командующий 6-й гвардейской армией генерал И. М. Чистяков сосредоточил часть своего АПТР — 27 оиптабр в Березовке, Сырцево. Бригада получила задачу создать здесь противотанковый район и быть в готовности во взаимодействии с соединениями 22-го стрелкового корпуса (67 гв., 71 гв., 90 гв. сд) ликвидировать вклинившиеся в оборону танки противника. К концу июня — началу июля 27 оиптабр имела в своем составе три истребительно-противотанковых артиллерийских полка (1837, 1839, 1841 иптап), в которых насчитывалось 48 противотанковых орудий калибра 45 и 76 мм [1].

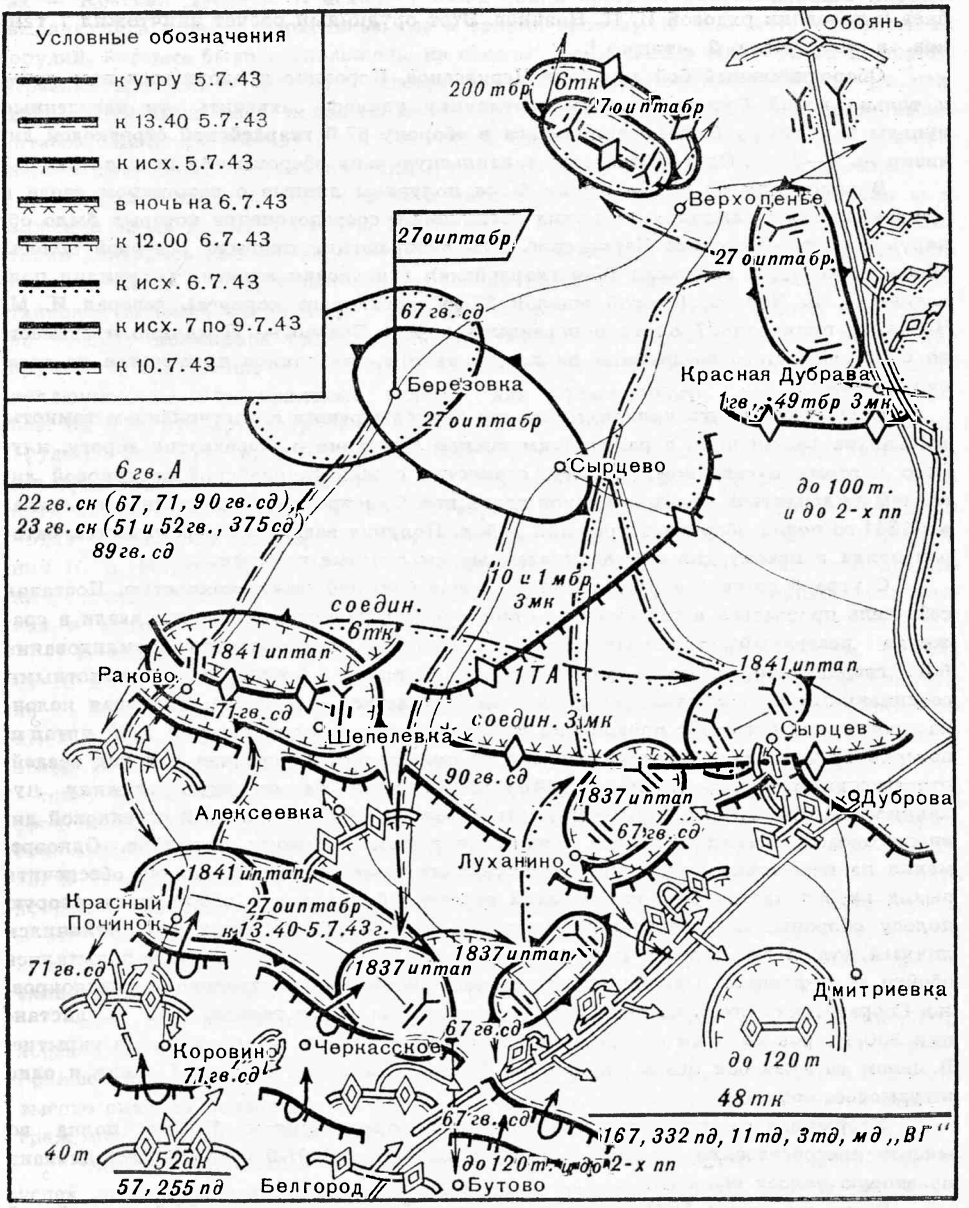
Получив боевую задачу от командующего армией, командир 27 оиптабр подполковник Н. Д. Чевола приказал 1841-му полку (командир майор В. Г. Гашков) создать круговую противотанковую оборону в районе Березовка, а 1837-му (командир майор Н. Е. Плысюк) — в районе Сырцево. Командиры полков были ориентированы на угрожаемые направления, где наиболее вероятно было вклинение танков противника. В начале июля была полностью подготовлена оборона противотанкового района. Параллельно с организацией боевых действий в бригаде шла боевая и политическая подготовка. Противотанкисты днем и ночью готовились к отражению наступающих танков и штурмовых орудий противника, особенно тяжелых типа «Тигр» и «Фердинанд».

5 июля в 6 часов после артиллерийской подготовки и массированных ударов авиации гитлеровские войска перешли в наступление. На участке Коровино, Черкасское враг при поддержке авиации несколько раз атаковал 67-ю и 71-ю гвардейские стрелковые дивизии силами четырех пехотных полков и 120 танками [2]. Воины-гвардейцы этих дивизий упорно обороняли занимаемые позиции и нанесли вражеской пехоте и танкам значительный урон. Однако силы были неравные. Используя превосходство в танках, противнику к 12 часам все же удалось вклиниться на узком участке (западнее Черкасское) в оборону наших войск.

В сложившейся обстановке командующий армией решил прежде всего огнем противотанковой артиллерии остановить продвижение танков противника. С этой целью он приказал 27 оиптабр выйти на угрожаемое направление (Черкасское — Шепелевка) и нанести поражение вклинившейся танковой группировке [3].

---

[1] ЦАМО СССР, ф. 27 оиптабр, оп. 56809, д. 4, л. 40. 1839-й полк (командир майор Я. Е. Кувшинов) имел только одну батарею 76-мм пушек и действовал совместно с 1841 иптап.
[2] ЦАМО, ф. 27 оиптабр, оп. 56809, д. 6, 18.
[3] Там же, оп. 206857, д. 2, л. 5.



Боевые действия 27 оиптабр (5—10 июля 1943 г.)

Выполняя этот приказ, полки бригады к 13 ч 40 мин заняли огневые позиции в районах Красный Починок (1841 иптап) и на северной окраине Черкасское (1837 иптап). Вступив в бой с ходу, противотанкисты с первых минут проявили мастерство, умение и инициативу. Особого внимания заслуживают действия 1-й батареи 1837-го полка под командованием капитана В. А. Афанасьева. Выйдя на северную окраину Черкасское и заняв выгодную огневую позицию, батарея открыла огонь, в результате которого сразу же уничтожила три вражеских танка. В дальнейшем, действуя решительно и смело, она к исходу дня вывела из строя еще 10 танков.

В этом бою особенно отличились командир орудия старший сержант В. Ла-

паев и наводчик рядовой И. П. Новиков. Этот орудийный расчет уничтожил 7 танков, в том числе 2 «тигра» [4].

Оборонительный бой в районе Черкасское, Коровино продолжался весь день, и только ценой больших потерь противнику удалось захватить эти населенные пункты и к вечеру 5 июля вклиниться в оборону 67-й гвардейской стрелковой дивизии на 7—8 км. Однако прорвать тактическую зону обороны ему не удалось.

В конце дня из штаба армии были получены данные о возможном вводе в сражение новых немецких танковых соединений, сосредоточение которых было обнаружено юго-восточнее Черкасское. Для воспрещения прорыва второй полосы обороны, которую занимала 90-я гвардейская стрелковая дивизия (командир полковник В. Г. Чернов) (второй эшелон 22-го стрелкового корпуса), генерал И. М. Чистяков приказал 27 оиптабр перекрыть дорогу Бутово — Луханино и совместно с частями этого соединения не допустить прорыва танков противника на этом направлении.

Чтобы выполнить приказ, командир бригады решил с наступлением темноты выдвинуть 1837-й полк в район 3 км южнее Луханино и, перехватив дорогу, идущую к этому населенному пункту, совместно с 90-й гвардейской стрелковой дивизией не допустить прорыва танков вдоль нее. Одновременно предполагалось силами 1841-го полка оборонять прежний район. Получив задачу на перемещение, батареи полка к исходу дня заняли указанные им огневые позиции.

С утра 6 июля бои продолжались с еще большей ожесточенностью. Поставив себе цель прорваться в течение этого дня в район Обояни, гитлеровцы ввели в сражение резервный танковый корпус. Как и предполагало командование 6-й гвардейской армии, танки этого корпуса совместно с пехотными соединениями нанесли удар вдоль дороги Черкасское — Дуброва. Танковая колонна противника сразу же попала под фланговый огонь подразделений 1837 иптап и, потеряв 12 танков, откатилась в исходное положение. К середине дня под воздействием превосходящих сил врага 1837-й полк отошел на северную окраину Луханино, где совместно с 272-м стрелковым полком 90-й гвардейской стрелковой дивизии отражал атаки большого количества танков и пехоты фашистов. Одновременно на истребительно-противотанковый полк была возложена задача обеспечить выход из боя частей 67-й гвардейской стрелковой дивизии и отход их на вторую полосу обороны. При отражении танковых атак в районе Луханино отличился личный состав 5-й батареи полка. На батарею вышли три «тигра» и попытались обойти ее с флангов. Однако артиллеристы действовали расчетливо и хладнокровно. Сосредоточив огонь по одному из заходящих во фланг танков, они с дистанции 300 метров подбили его. Два других остановились, а затем отошли в укрытие. В целом за день боя огнем орудий 5-й батареи было уничтожено 4 танка и одно штурмовое орудие [5].

Удерживая северную окраину Луханино, артиллеристы 1837-го полка во многом способствовали организованному отходу частей 67-й гвардейской дивизии на вторую полосу обороны.

В это же время 1841 иптап во взаимодействии с частями 71-й гвардейской стрелковой дивизии отражал атаки противника в районе Раково, Шепелевка.

7 июля враг, введя в сражение свежие резервы, вновь пытался прорваться к Обояни, сосредоточив основные усилия в обход Луханино и Сырцев с востока. Учитывая возможность обхода Сырцев с востока, командующий 6-й гвардейской армией сосредоточил здесь основные противотанковые средства: на северную окраину этого населенного пункта к исходу 6 июля был выдвинут из района Раково 1841 иптап. Объединенными усилиями бригады, стрелковых соединений 22-го стрелкового и 3-го механизированного корпусов все атаки вражеских танков и пехоты были отражены.

С утра 8 июля, стремясь развить наметившийся успех в районе Лучки, гитлеровское командование перенесло усилия на северо-восток вдоль дороги Дубро-

[4] ЦАМО, ф. 27 оиптабр, оп. 56809, д. 6, л. 19.
[5] Там же, оп. 206853, д. 2, л. 10.

ва — Красная Дубрава. К исходу 7 июля полки бригады форсированным маршем выдвинулись в район Верхопенье, где и заняли оборону. В 1837 иптап осталось 12 орудий, которые были расположены на огневых позициях в 500 м слева от дороги Красная Дубрава — Обоянь с интервалом между орудиями 50—100 м. До подхода противника сюда прибыли командир бригады и командир полка со своим штабом. Личному составу была уточнена боевая задача. Оборудованные в инженерном отношении огневые позиции и орудия были тщательно замаскированы.

Утром 8 июля до 100 танков и двух полков мотопехоты врага начали выдвижение вдоль дороги на север. Не встречая вначале серьезного сопротивления, танки двигались колоннами, растянувшись на несколько километров. Впереди шли средние танки и штурмовые орудия, а за ними — тяжелые танки. Как только танковая колонна противника полностью вошла в сектор огня полка, его пушки по сигналу командира бригады открыли внезапный огонь. Выгодное положение орудий по отношению к колонне и замешательство во вражеских рядах создали исключительно благоприятные условия для эффективного поражения его танков. За 8 минут артиллерийским огнем было подбито 29 танков и 7 самоходных орудий[6]. Внезапно открытый огонь был настолько сильным и неожиданным для гитлеровцев, что уцелевшие его танки даже не попытались развернуться и вступить в бой. Они свернули вправо от дороги и ушли в сторону леса. 8—9 июля полки бригады во взаимодействии с 200-й танковой бригадой (командир полковник Н. В. Моргунов), вышедшей по приказу командующего 1-й танковой армией на усиление 3-го механизированного корпуса, отражали удары крупных сил танков и мотопехоты.

К исходу 9 июля противнику удалось продвинуться еще на 6 км. В ночь на 10 июля бригада отошла на северо-западную окраину Верхопенье, где совместно с танкистами развернулась в сторону дороги и этого населенного пункта. 10 июля в 14 часов противник возобновил наступление, нанеся удар частью сил в обход Верхопенье с севера, а главными силами 48-го танкового корпуса на Кочетовку (10 км севернее Верхопенье). Бригада к этому времени потеряла до 30 проц. личного состава, значительное количество орудий и почти все артиллерийские тягачи. Однако, несмотря на потери в силах и средствах, ее воины не дрогнули. В течение часа они отражали натиск противника, пытавшегося расширить прорыв и совместно с танкистами 200-й бригады нанесли ему значительный урон. В этом бою мужество и стойкость проявили воины 3-й батареи 1837 иптап под командованием старшего лейтенанта С. Н. Порывкина. Они отразили атаку десяти вклинившихся в оборону танков, уничтожив при этом три из них.

Всего с 5 по 10 июля полки бригады в районе Черкасское, Луханино, Верхопенье уничтожили 68 танков и штурмовых орудий, до 400 солдат и офицеров[7]. Вражеской группировке не удалось прорваться на обоянском направлении. Родина высоко оценила подвиг воинов бригады в обороне под Курском, многие из них награждены орденами и медалями СССР.

Опыт шестидневных оборонительных действий 27 оиптабр показал, что их успех во многом зависел от высокой выучки личного состава, знания им боевой техники, умения командиров правильно оценивать обстановку, твердо и непрерывно управлять своими частями и подразделениями, проявлять выдержку и разумную инициативу. Кроме того, как показали боевые действия, маневр истребительно-противотанковыми артиллерийскими соединениями и частями являлся одним из важных условий достижения устойчивости и активности обороны.

Боевая практика 27 оиптабр может быть использована в обучении войск в современных условиях.

---

[6] Истребительно-противотанковая артиллерия в Великой Отечественной войне. Воениздат, 1957, с. 138.

[7] ЦАМО, ф. 33, оп. 682526, д. 1419, л. 106.

В Смоленском сражении

Генерал-лейтенант М. ЛУКИН

СМОЛЕНСКОЕ сражение 1941 года (10 июля — 10 сентября) — одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны. В ходе него воины Советской Армии проявили величайшую стойкость. Они не только мужественно обороняли каждый метр родной земли, но и наносили по гитлеровцам сильные контрудары и в результате вынудили врага временно перейти к обороне. Задержка противника на главном направлении явилась нашим крупным стратегическим успехом. Советское Верховное Главнокомандование выиграло время для подготовки необходимых резервов и осуществления важных оборонительных мероприятий у Москвы.

Стойкость советских войск под Смоленском не позволила гитлеровцам осуществить переброску 3-й танковой группы на северо-западное направление. Это значительно облегчило положение защитников Ленинграда. Смоленское сражение наряду с упорным сопротивлением, оказанным врагу в районе Луги, героической борьбой наших войск на Юго-Западном направлении знаменовало собой очередной важный этап срыва плана «молниеносной войны» гитлеровцев и заставило их внести серьезные коррективы в пресловутый план «Барбаросса». Оно включило в себя серию ожесточенных операций, проходивших с переменным успехом для обеих сторон, явилось суровой школой воинского мастерства для советских солдат и командиров. В ходе сражения вырабатывались способы ведения боевых действий против сильного, коварного и до зубов вооруженного врага. Именно здесь родилась наша прославленная советская гвардия.

Против группы фашистских армий «Центр» в районе Смоленска сражались 19-я генерал-лейтенанта И. С. Конева, 20-я генерал-лейтенанта П. А. Курочкина, 21-я генерал-полковника Ф. И. Кузнецова и 22-я генерал-лейтенанта Ф. А. Ершакова армии. Непосредственную оборону Смоленска готовила 16-я армия. Воспоминания ее командующего, ныне покойного, генерал-лейтенанта Михаила Федоровича Лукина посвящены боевым действиям частей и соединений этого объединения и только косвенно касаются действий других армий.

Генерал-лейтенант М. Ф. Лукин — кадровый командир Советской Армии[1]. Уже в годы гражданской войны он командовал соединениями и за подвиги в борьбе с врагами Страны Советов был награжден двумя орденами Красного Знамени. Потом он окончил КУНС при Военной академии имени М. В. Фрунзе, был командиром дивизии, корпуса, комендантом Москвы, заместителем командующего округом, а непосредственно перед началом войны командовал армией в Забайкалье, которую и привел в июне 1941 года на фронт.

Мне довелось знать Михаила Федоровича. Это был грамотный военачальник, смелый, решительный, волевой, отличный товарищ и принципиальный коммунист. На войне ему выпала нелегкая доля. Он умело руководил обороной Смоленска, а потом, когда наши войска оказались во вражеском окружении, не растерялся и вывел оставшиеся части из кольца. За боевые действия под Смоленском и личную храбрость генерал М. Ф. Лукин награжден третьим орденом Красного Знамени. В сентябре 1941 года, уже будучи командующим 20-й армией, он отважно дрался в районе Вязьмы, где, находясь в окружении, тяжелораненым попал в плен.

После войны до конца своей жизни Михаил Федорович Лукин работал над трудом о героических сражениях под Смоленском и Вязьмой. Основываясь на личных впечатлениях, опыте, на свидетельствах боевых соратников — генералов, офицеров, солдат, а также на сохранившихся документах военных лет, он пытался восстановить правдивую картину тех славных и трагических боев. К сожалению, ему не удалось за-

[1] Генерал-лейтенант Михаил Федорович Лукин родился 6(18) ноября 1892 года в дер. Полухитино, Погорельского района. Калининской области в бедной крестьянской семье. Участник первой мировой и гражданской войн.

кончить воспоминания. Он умер 25 мая 1970 года. Теперь они подготовлены для публикации В. Гольцевым [2].

Воспоминания генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина могут быть интересны для всех, кто изучает первый период войны. В них много суровой правды, много горечи, но много и того, чем мы будем вечно гордиться. Они воздают дань уважения павшим и живым героям боев на Смоленщине.

Маршал Советского Союза А. Василевский
25 декабря 1974 года

* * *

В СМОЛЕНСК я прибыл с группой штабных командиров в ночь на 8 июля 1941 года на автомашинах. В городе затемнение — все источники света оказались замаскированными. На улицах безлюдье. Стояла зловещая тишина. Крупный областной центр казался мертвым. С болью в сердце смотрели мы по сторонам на коробки сожженных и разрушенных вражеской авиацией домов. Для того чтобы узнать, где находится комендант города, мы пытались найти патрулей, но не обнаружили их. Тогда я приказал водителю включить фары машины и дать длительный сигнал.

Сразу же с обеих сторон улицы закричали:

— Выключай свет! Не гуди!

Затем появились патрули — два молодых человека с винтовками. Они потребовали документы, но, увидев, что перед ними генерал, стали рассказывать о положении в городе. Оказалось, что семь дней назад на Смоленск произвела налет фашистская авиация. Она разрушила и сожгла почти весь центр города. При этом было много человеческих жертв.

Но город жил и боролся. В нем уже прошла мобилизация. Многие пожилые люди, учащиеся, которые по возрасту не подлежали призыву, записывались добровольцами. Граждане Смоленска были готовы отдать все силы для отражения агрессоров.

— Вот нас не взяли, — заявили ребята.

Я посмотрел на них — совсем дети.

— Рано вам воевать.

— Вот все так говорят, товарищ генерал, а мы уже в восьмом классе учимся и стрелять умеем.

Милые советские юноши! Я тогда еще не знал, что через несколько дней они с оружием в руках насмерть будут стоять, защищая родной город, и многие из них отдадут свою совсем еще юную жизнь за свободу и счастье своего народа.

Патрули показали, где находится комендатура.

Здесь нас встретил комендант города — капитан с красными от бессонницы глазами. Осипшим от крика голосом он спросил:

— Кто вы будете?

Капитан долго рассматривал наши документы. Я спросил его, где размещается штаб фронта. Он поднял на меня испуганные глаза и ничего не ответил. Тут я понял, что он не знает, а если и знает, то все равно не скажет. Тогда все очень боялись выдать военную тайну. Комендант лишь сообщил, что начальник гарнизона полковник П. Ф. Малышев формирует истребительные батальоны из добровольцев, а где он в настоящее время — неизвестно.

Мы проделали большой путь от Шепетовки до Смоленска, очень устали, и я предложил своим подчиненным идти к автомашинам и спать до утра.

В ту ночь мне не спалось. Тяжело думалось: «Почему так случилось, что мы собирались бить врага на его территории и уже в первые дни войны оставили фашистам много родной земли?» Разные ответы приходили на ум. И прежде всего то, что это временный успех врага, который использовал момент внезапности, что на его стороне опыт и превосходство в силах. Потом дело пойдет лучше. Я и мои товарищи верили в нашу окончательную победу, верили потому, что видели, как героически сражаются за Родину советские люди. И все же было очень тревожно на душе. Враг подходил к Смоленску, городу, который всегда был стратегическим предпольем Москвы.

Нашествие многих завоевателей на нашу Родину с запада проходило через Смоленск. Город этот издавна считался ключом к Москве. Иногда этот ключ удавалось

[2] В. П. Гольцев — редактор газеты «Известия» по военному отделу *(Прим. ред.)*.

врагу захватить, подержать какое-то время, и им даже отпирали ворота столицы и входили в Москву. Это удалось польским шляхтичам, Наполеону. Но всегда Смоленск, как отважный сказочный ратник, преграждал путь врагу к русской столице, бился за нее до конца, изматывая врага, наносил его силе большой урон. И это в конце концов сказывалось на общих итогах походов завоевателей. Они всегда кончались крахом самих «победителей», которые едва уносили ноги.

Наш народ всегда в трудное для Родины время вставал на защиту ее границ, отдавал все, что имел, и, сражаясь мужественно, переносил все невзгоды и лишения.

Так будет и теперь. Наш народ стал хозяином своей Родины. У нас партия, правительство и народ — единое целое. У них одни интересы — видеть страну сильной, богатой, свободной. За годы Советской власти выросло новое поколение советских людей, преданных коммунизму. У нас есть сильная, идейно сплоченная партия коммунистов — передовой отряд, авангард рабочего класса. Она ведет нас в бой. Под ее руководством мы одолеем сильного врага.

Так мне думалось в ту душную июльскую ночь.

Наша 16-я армия была сформирована в первой половине 1940 года в Забайкальском военном округе. В ее состав входили: 32-й стрелковый корпус, состоявший из 46-й и 152-й стрелковых дивизий; 5-й механизированный корпус, включавший 13-ю, 17-ю танковые и 109-ю моторизованную дивизии и 8-й мотоциклетный полк; 126-й корпусной артиллерийский полк и 112-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион.

В армии подобрались на редкость хорошо подготовленные командиры, начальники политотделов и начальники штабов соединений. К весне 1941 года весь командно-политический состав полевого управления армии был крепко спаян, хорошо подготовлен к боевым действиям. Штабы корпусов, дивизий и полков работали слаженно и уверенно.

Боевое крещение армия еще в неполном составе получила в июньских боях с гитлеровцами под Шепетовкой, составляя резерв Ставки Главного Командования. В это время командование армии и части, которые находились еще в движении по железной дороге к району боевых действий, получили от Ставки приказ сосредоточиться в районе Смоленска.

По дороге к новому месту навстречу нам двигался большой поток беженцев, идущих на восток пешком, везущих на тележках, детских колясках и велосипедах свой немудреный скарб; дети постарше шли, держась за руки взрослых, а маленьких несли на руках. Их обстреливали из пулеметов и бомбили фашистские самолеты. Картина страшная! На лицах всех беженцев лежала глубокая скорбь и печаль. При виде этого сердце сжималось до боли и жгучая ненависть к врагу клокотала в груди.

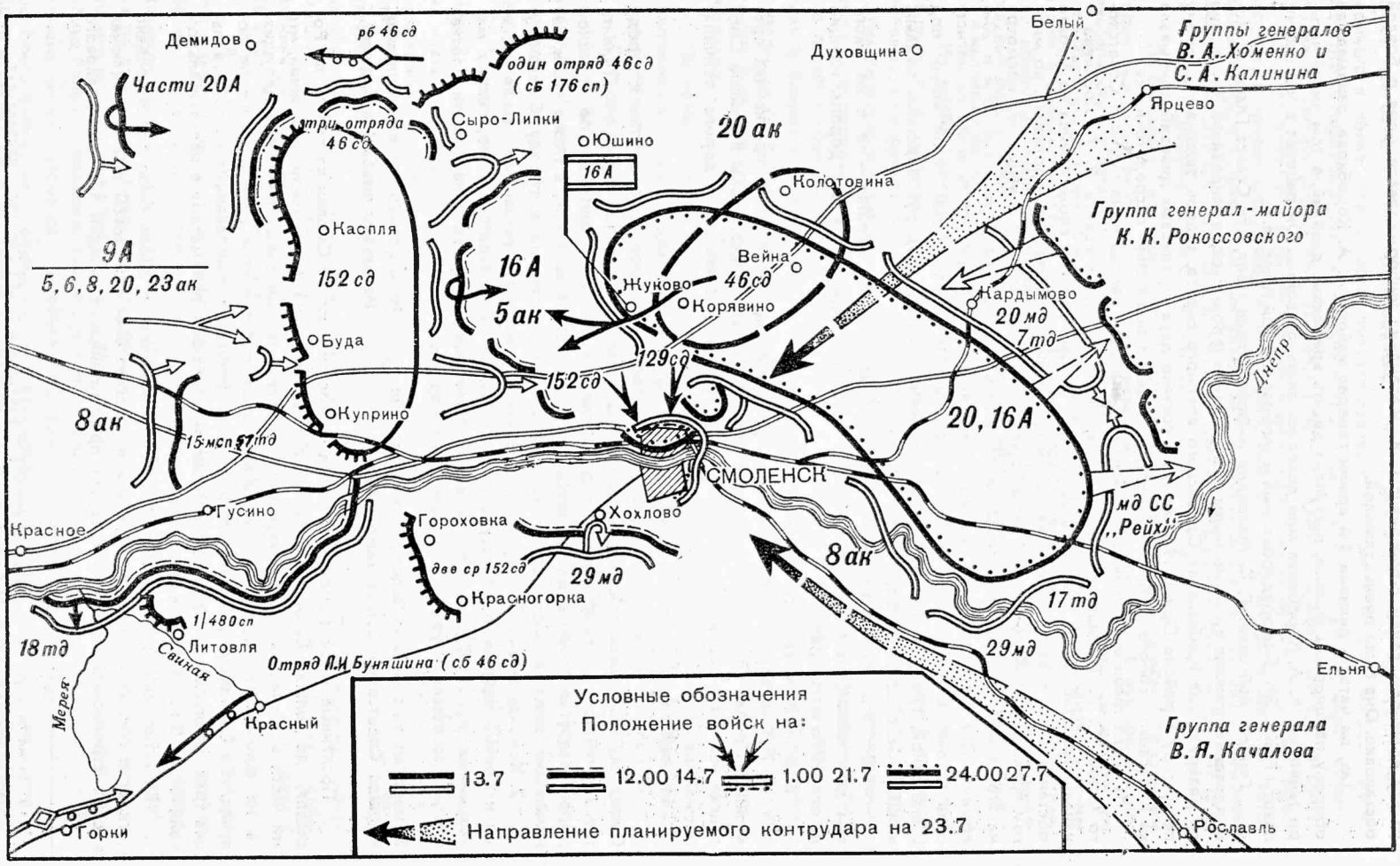
Утром полковник П. Ф. Малышев, проверив наши документы, сообщил, что штаб 16-й армии уже прибыл и находится в лесу у совхоза «Жуково» (см. схему). Мы немедленно отправились туда.

В штабе уже кипела работа по организации обороны. Части 46-й стрелковой дивизии генерал-майора А. А. Филатова пока еще прибывали в район Корявино, Вейна, Колотовина. 152-й стрелковой дивизии полковника П. Н. Чернышева было приказано занять для обороны рубеж Каспля, Буда, Куприно. Остальные соединения были переданы в 20-ю армию. Они уже вели тяжелые бои западнее Орши на Днепре.

Мне сказали, что эти соединения передаются в другую армию временно, но я, конечно, понимал, что они в 16-ю больше не вернутся. Утешало одно — они в боях с ненавистным врагом покажут себя с самой лучшей стороны, погибнут, но с поля боя не побегут. Я имел все основания так думать потому, что 109-я моторизованная дивизия и 115-й танковый полк 57-й танковой дивизии (командир полковник В. А. Мишулин) [3] умело дрались за Шепетовку. 109-й моторизованной дивизией командовал высокообразованный, дисциплинированный, спокойный и рассудительный командир — полковник Николай Павлович Краснорецкий.

Для выяснения обстановки я выехал в штаб Западного фронта. Бывший начальник штаба Западного фронта генерал-майор В. Е. Климовских и вновь назначенный

[3] 57-я танковая дивизия составляла резерв Ставки ВГК и находилась в оперативном подчинении командующего 16-й армией.



Смоленское сражение (10 июля — 10 сентября 1941 г.)

на эту должность генерал-лейтенант Г. К. Маландин[4] информировали меня о боевой обстановке. Она была очень тяжелой.

Так, на четыре дивизии 4-й армии генерал-майора А. А. Коробкова, занимавшей оборону на широком фронте, наступало десять вражеских дивизий, в том числе четыре танковые. А. А. Коробкова мне довелось знать до войны. Он работал в инспекции пехоты РККА. Это был эрудированный и требовательный генерал.

Генерал-лейтенант Г. К. Маландин информировал меня, что Ставка Главного Командования приняла срочные меры для усиления фронта: сюда направлена 20-я армия ее резерва. Она прибыла из Орловского военного округа, теперь занимает оборону по Днепру в районе Орши. 19-я армия в составе двух стрелковых дивизий прибывала из Киевского особого военного округа, но еще не полностью сосредоточилась.

10 июля главнокомандующий войсками Западного направления Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко вызвал меня, члена военного совета А. А. Лобачева и начальника штаба М. А. Шалина в свой штаб. Он был удручен сложившейся на фронте обстановкой и сказал, что против нашей армии будет действовать противник, во многом превосходящий по силам. У врага превосходство в танках и авиации, но, несмотря на это, нужно сделать все, чтобы не допустить выхода фашистов в тыл 19-й и 20-й армиям. Для этого нам надо перекрыть все дороги и не пропустить врага на магистраль Смоленск — Москва. Я рассказал маршалу о первом моем опыте войны под Шепетовкой, где удачно действовали подвижные отряды под руководством смелых, инициативных командиров.

— Вот это то, что нам сейчас необходимо,— сказал маршал,— но я не смогу вам дать машин, их нет, а отряды надо выслать и перехватить все дороги, идущие на основную магистраль.

В заключение главнокомандующий сказал:

— Нужно внушить командирам и красноармейцам, что успех противника временный. Придет время, и он покатится назад. Я отдам приказ, чтобы в районе Смоленска все части гарнизона и прибывающие в город по железной дороге подчинялись вам.

14 июля я получил приказ маршала. Привожу его полностью:

«В целях объединения управления и упорядочения обороны подступов к городу Смоленску приказываю: 1. Подчинить командующего 16-й армией генерал-лейтенанту тов. Лукину все части гарнизона города Смоленска, части, прибывающие по железной дороге в другие армии и разгружающиеся в районе г. Смоленска, а также части, занимающие сектора обороны, примыкающие непосредственно к городу Смоленску.

2. Командующему 16-й армией объединить управление указанными выше частями и прочно удерживать подступы к г. Смоленску. 3. Контратаками подвижных маневренных групп окружать, блокировать и уничтожать прорывающиеся части противника, широко используя для этой цели ночное время.

Командующий войсками Западного направления
Маршал Советского Союза Тимошенко

Член военного совета Булганин
Начальник штаба Маландин»[5].

Посланные мною командиры штаба на восток и юг от Смоленска вплоть до Рославля, где должны были разгружаться прибывающие на фронт части, доложили, что эти части встречались соответствующими представителями соединений, уже дерущихся на фронте. Таким образом, никаких новых сил я в свое распоряжение не получил. И в Смоленске никаких частей не было, кроме сформированных из добровольцев трех батальонов, вооруженных только винтовками и пулеметами в незначительном количестве. В их числе был один батальон милиции.

Во исполнение приказа маршала С. К. Тимошенко в армии было сформировано несколько подвижных отрядов. Первый из состава 46-й стрелковой дивизии включал в себя стрелковый батальон, батарею противотанковых орудий 176-го стрелкового

---

[4] С 10 по 20 июля он исполнял должность и начальника штаба Западного направления.
[5] ЦАМО СССР, ф. 208, д. 20, л. 248.

полка, две батареи 93-го артиллерийского полка, дивизион 126-го корпусного артиллерийского полка, две батареи противотанкового дивизиона и две саперные роты. Этот отряд перекрыл дороги, идущие к югу от Донца, и перекресток дорог северо-западнее Юшино, Сыро-Липки. Второй отряд — от 152-й стрелковой дивизии в составе двух стрелковых рот с противотанковой артиллерией занял рубеж Гороховка, Красногорка. В третий отряд входил мотострелковый полк 57-й танковой дивизии, который вел бои с противником, наступающим из Красного. Он был усилен батальоном 544-го стрелкового полка 152-й стрелковой дивизии. На рубеж река Свиная, Литовля был выслан первый батальон 480-го стрелкового полка.

По большаку Смоленск, Красный для прикрытия левого фланга армии со стороны Горки был выделен отряд под командованием подполковника П. И. Буняшина и комиссара отряда батальонного комиссара И. И. Панченко на машинах. Он состоял из стрелкового батальона 46-й стрелковой дивизии, двух саперных рот, дивизиона 76-мм пушек и дивизиона 152-мм гаубиц. С этими подразделениями выехал для организации обороны начальник артиллерии армии генерал-майор Т. Л. Власов. Разведывательный батальон 46-й стрелковой дивизии с артиллерией и ротой танков вел разведку в направлении города Демидова.

Из штаба Западного направления мы поехали в стрелковые дивизии: я — в 46-ю, а А. А. Лобачев — в 152-ю. Надо было информировать командный состав о положении на фронте, рассказать, как геройски сражаются наши войска, обратить внимание редакторов газет на популяризацию героизма, мужества и отваги, проявленные частями и подразделениями, командирами, политработниками и красноармейцами. Все подвиги надо было освещать в газетах и в номерах экстренных выпусков «молний» и боевых листков. Такие материалы необходимо направлять родным, по месту жительства героев, на предприятия, в колхозы и учреждения, где они работали до армии. Всех отличившихся в боях незамедлительно представлять к правительственным наградам.

По возвращении в штаб армии мы с А. А. Лобачевым обменялись мнениями о положении в дивизиях. Забайкальцы произвели отрадное впечатление: никакой паники, все горят желанием скорее вступить в бой.

Собрали работников полевого управления и проинформировали их о положении на фронте Западного направления и в полосе своей армии. После совещания, оставив М. А. Шалина и начальника политотдела К. Л. Сорокина в штабе, всех остальных я направил во вновь сформированные отряды для оказания помощи в подготовке обороны.

14 июля обстановка на фронте резко осложнилась. Прорвавшийся у Копысь и Шклов в направлении на Горки противник пытался проникнуть в Смоленск, но нашими частями был остановлен в районе Гусино и Хохлово и оттеснен в юго-западном направлении. Вражеская авиация, проявляя большую активность, бомбила Смоленск и прилегающие к нему районы железных, шоссейных и грунтовых дорог. Гитлеровские летчики, чувствуя безнаказанность из-за отсутствия у нас достаточного количества зенитных средств и истребительной авиации, действовали нахально. Каждая одиночная машина подвергалась обстрелу. С болью в сердце мы видели, как фашистские стервятники расстреливают беженцев. К сожалению, за все время сражения за Смоленск 16-я армия не имела в своем распоряжении ни одного самолета.

В те тяжелые, горестные для нас дни мы не только до последнего патрона, до последней капли крови обороняли каждый метр смоленской земли, но и при первой возможности контратаковали врага. К примеру, 15 июля на рассвете капитан Мотин, командир подвижного отряда 46-й стрелковой дивизии, атаковал в Демидове противника по своей инициативе. Воинам удалось без выстрела снять охрану. Красноармейцы кололи штыками и в упор расстреливали фашистов, выбегавших из домов. В бою было убито более 70 немецких солдат, 30 взято в плен, захвачено в качестве трофеев 3 пулемета, много автоматов и штабная автомашина артиллерийского соединения. И что особенно важно, наши воины нашли в автомашине портфель с картами, на которых были нанесены части и стрелками показаны направления их действий. В портфеле ока-

зался и приказ, где говорилось, что гитлеровские войска должны взять Москву к 7 августа.

Бои за Демидов продолжались до 20 июля. Только тогда наш отряд под натиском превосходящего противника отошел в лес к югу. В этом бою отличились командир батальона капитан Мотин, командир противотанкового дивизиона капитан Мельников, политрук Манушкин, командир роты старший лейтенант Безуглый, лейтенант Бобров и многие другие [6]. На всех направлениях немногочисленные войска 16-й армии вели ожесточенные бои. Командиры соединений и частей, весь личный состав понимали, что враг глубоко зашел в нашу страну, знали, что он рвется к Москве, и поэтому шли в бой с решимостью умереть, но фашистов не пропустить к столице. Часто дело доходило до рукопашных схваток, которых гитлеровцы не выдерживали. Враг брал верх лишь тогда, когда в бой вводил много авиации и танков. Но и тогда советские воины наносили ему большой урон.

В течение почти четырех суток 15-й мотострелковый полк и разведывательный батальон 57-й танковой дивизии и стрелковый батальон 152-й стрелковой дивизии под общим командованием командира мотострелкового полка майора Осокина и заместителя командира 57-й танковой дивизии подполковника Холмогорцева вели неравный бой с танковыми частями противника, авиация которого обстреливала наши боевые порядки с предельно малой высоты.

Когда более 30 вражеских танков и пехота показались с восточной окраины Красного, никто не дрогнул в наших подразделениях. Танки двигались развернутым строем один от другого метрах в десяти, и, когда они были на расстоянии 200—300 м от огневых позиций, артиллеристы открыли огонь прямой наводкой. Гитлеровцы не выдержали и оставили поле боя. Несколько дней врагу не удавалось сломить сопротивление отряда.

В те дни многие наши подразделения оказывались в окружении, потому что противник не мог пробиться через их боевые порядки и вынужден был обходить их с флангов. 3-й батальон 544-го стрелкового полка (командир батальона старший лейтенант Ахундов) попал в кольцо и двое суток вел бои с превосходящими силами врага. Ахундов, используя лесистую местность, умело организовал круговую оборону и успешно отражал все атаки. В бою личный состав батальона, в котором сражались забайкальцы, уроженцы рабочего Урала, металлурги Магнитки, тракторостроители Челябинска, показали, что, несмотря на превосходство врага в количестве и технике и будучи в окружении, можно успешно отражать его атаки. Они сами неоднократно контратаковали и не позволили фашистам себя смять.

В этих боях особенно отличились, показывая пример выдержки, храбрости, командиры рот лейтенанты Калугин, Калужный, старший лейтенант Каримов, лейтенанты Цирикидзе, Кантаренко; командиры взводов лейтенанты Измаилов, Шурмухамедов, Пожидаев и Голиков; сержанты Глазунов, Яликов, Халява; красноармейцы Муравьев, Нуриев, Чуприн, Мамедов, Бабаджанов и другие. Многие из них пали в бою героями. Пусть об этом знают их близкие, все советские люди.

Особую распорядительность, находчивость и умелое руководство подразделениями в 57-й танковой дивизии в тяжелые часы показали старший лейтенант Ахундов и адъютант батальона старший лейтенант Ханчас, командир мотострелкового полка майор Осокин, заместитель командира дивизии подполковник Холмогорцев, командир артиллерийского полка подполковник Ф. Ф. Дубинский, начальник штаба дивизии майор М. И. Рудой. Хорошо помогал командиру дивизии организовывать бой комиссар дивизии полковой комиссар Вольховченко. В тяжелые дни он всегда был в подразделениях, в гуще боя и своим примером воодушевлял бойцов и командиров.

Получив донесение, что командир 57-й танковой дивизии ранен, я спросил М. А. Шалина, почему Н. А. Мишулина не эвакуировали в госпиталь. Начальник штаба ответил:

— Да разве его уговоришь. Никакие доводы мои, доводы комиссара дивизии не подействовали, твердит одно: «Никуда из дивизии не уеду».

[6] Многие факты, а также фамилии участников боев автор приводит по памяти. Документы сражения 16-й армии в районе Смоленска были уничтожены при выходе ее из окружения *(Прим. ред.)*.

За бои под Красным и у Гусино В. А. Мишулин удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В эти дни в бой вступили ополченцы, добровольцы трех истребительных батальонов, укомплектованных рабочими смоленских предприятий и советских учреждений. Третий батальон Заднепровского района был сформирован из коммунистов и комсомольцев заводов имени Калинина, «Метиз» и завода № 35. Командовал батальоном Евгений Иванович Сапожников, комиссаром был Абрам Винокуров, секретарь Заднепровского райкома комсомола. На вооружении батальонов находились отечественные и английские винтовки. Из-за малого количества гранат в ход шли бутылки с горючим. К ним привязывалась пакля, смоченная бензином, и, когда надо было бросать бутылку в танк или машину, паклю поджигали спичкой и бросали в цель.

Всеми тремя батальонами командовал майор Евгений Ильич Фадеев, бывший секретарь парткома областного управления НКВД. «Батальонами» они назывались громко, ибо по своему составу они, вместе взятые, соответствовали одному стрелковому батальону.

Истребительный батальон ополченцев Красноармейского района, заняв оборону в каменных зданиях на западной окраине города, блокировал Красненский большак. Здесь же оборонялись отошедшие из-под деревни Хохлово отряды П. И. Буняшина и Нестерова.

На южной окраине города со стороны Киевского шоссе сражались отряд работников милиции во главе с Г. Н. Овциновым и школа курсантов милиции под командованием Ф. И. Михайлова. Батальон ополченцев Заднепровского района был выдвинут в направлении Витебского шоссе в район завода имени Калинина.

Вечером 14 июля в третий батальон приехал секретарь обкома партии Д. М. Попов. Выступая перед строем бойцов, он сказал, что им предстоит защищать родной город. Дмитрий Михайлович призывал не опорочить добрую славу смолян, не уронить их воинскую честь. Смоляне, говорил он, много раз здесь бивали незваных гостей. Будем же достойны своих предков.

Исключительное мужество проявили бойцы комсомольской роты, командиром которой был полковник милиции Клецкин. С бутылками с горючей жидкостью и связками гранат они бросались под танки, схватывались врукопашную с немецкими автоматчиками и мотоциклистами.

На Курском шоссе также стойко бился отряд курсантов милиции. Гитлеровцев они встретили дружными залпами, и в танки полетели бутылки с горючей смесью и связки гранат. Милиционер коммунист Г. Поддубный гранатой подавил огневую точку, а когда появился танк, он бросился под него со связкой гранат и погиб, спасая других. Пали смертью храбрых командир отряда капитан милиции Г. Н. Одинцов, начальник школы майор милиции Ф. И. Михайлов и многие другие.

В 21 час немцы появились со стороны Рославльского шоссе. Наступающая пехота, поддерживаемая танками и минометным огнем, постепенно выбивала из каждого дома бесстрашных защитников родного города. Отряды с боем отступали к площади Смирнова, где вновь остановились и задержали противника.

Лучшими бойцами третьего батальона смоленских добровольцев были рабочие комсомольцы Леонид Буцырин, Ефим Козлов, Семен Золотовицкий, Щербаков, Севастьянов, Желнирёё, Браткин, рабочие мясокомбината Владимир Кирюхин, столяр банно-прачечного комбината Михаил Ухин, технолог завода «Метиз» Георгий Зезюлинский и многие другие.

Бои в Смоленске, в северной его части, не прекращались ни днем ни ночью и велись за каждую улицу, за каждый дом. Стойко обороняли воины и ополченцы заводы имени Калинина и ликеро-водочный, военный госпиталь, городскую больницу и другие крупные объекты. Обе стороны несли большие потери, часто дело доходило до рукопашной. Смертью храбрых на улицах Смоленска пали командиры батальонов капитаны Бедусов, Зубрицкий, старший лейтенант Орехов, инструктор политотдела дивизии Н. Павлюченко, старшие лейтенанты Сукосьян, Петрухнов, помкомвзвода Новиков.

Я связался по телефону с комиссаром 57-й танковой дивизии Вольховченко и приказал ему доставить командира дивизии ко мне на командный пункт. В это время на КП 16-й армии находились генерал-лейтенанты А. И. Еременко и И. С. Конев. В. А. Мишулин рассказал нам о многодневных боях, о мужественном поведении красноармейцев, командиров и политработников, которые еще больше уверовали в свои силы. Член военного совета армии А. А. Лобачев, начальник политотдела К. Л. Сорокин и редактор армейской газеты Б. П. Павлов оперативно доводили все факты героизма красноармейцев и командиров в этих тяжелых боях через печать и агитаторов до всех подразделений армии.

Обстановка под Смоленском с каждым часом становилась все более критической. Враг, несмотря на громадные потери, рвался к городу. Части 16-й армии делали все, чтобы задержать его. Но на стороне гитлеровцев было огромное превосходство в силе, особенно в танках и авиации. Я приказал начальнику штаба армии выслать в Смоленск командиров с целью мобилизации всего населения для создания преград, завалов на пути движения противника в город.

В боях за Смоленск наши красноармейцы овладевали военным мастерством, учились бить врага не числом, а умением. Однажды мы получили сообщение разведки о движении механизированных и танковых колонн противника к деревне Хохлово. В лесу, что непосредственно прилегал к деревне, была устроена засада. Ее организацией руководил начальник артиллерии армии генерал-майор Т. Л. Власов. Орудия, минометы и пулеметы расставили по всей деревне и на опушке леса, в юго-западной части вырыли глубокие рвы и между домами сделали завалы. Вражеский мотоциклетный полк на больших скоростях вышел на дорогу. Между деревней и лесом, достигнув глубоких рвов, фашисты остановились и стали искать проходы. В это время по ним открыли огонь из всех видов оружия. Враг заметался. Наши части со всех сторон бросились в штыки. Бой был короткий и успешный. Большинство мотоциклистов противника было убито, а остальные взяты в плен. Однако при выходе из боя в результате налета вражеской авиации осколком снаряда был тяжело ранен генерал-майор Т. Л. Власов. Его пытались доставить в госпиталь в Смоленск, но по дороге Власов скончался, не приходя в сознание. В результате этого налета погибли командир 1-го дивизиона капитан Фирсов, командир 3-й батареи старший лейтенант Чистяков и несколько других командиров, сержантов и красноармейцев.

15 июля танки противника перерезали автомагистраль Москва—Минск в 15 км западнее Ярцева, и три армии — 16, 19 и 20-я — оказались полуокруженными. Подвоз боеприпасов, горючего и продовольствия прекратился.

В Смоленске противнику удалось переправиться на северный берег Днепра в районе кладбища в полосе 129-й стрелковой дивизии (командир генерал-майор А. М. Городнянский), завязались кровопролитные бои. Могильные плиты, каменные памятники, склепы кладбища служили хорошим укрытием для воинов. Они оказывали упорное сопротивление врагу. Достаточно сказать, что северо-западная часть Смоленска и кладбище три раза переходили из рук в руки. Однако сильно поредевшие части дивизии не в силах были сдерживать наступление многочисленного врага, применявшего танки, огнеметы и минометы в большом количестве. 16 июля это соединение отошло к северо-западному предместью города.

Мы ни на минуту не оставляли мысль выбить фашистов из центральной части города. С этой целью 21 июля в час ночи было организовано и проведено наступление на Смоленск 129-й стрелковой дивизией[7] с севера и 152-й стрелковой дивизией с запада.

Соединения армии в течение ночи и дня 21 июля вели упорный бой за овладение северной частью Смоленска. Одновременно 46-я стрелковая дивизия тремя сводными отрядами вела бои с противником в районе южнее Демидова. К исходу дня 480-й стрелковый полк 152-й стрелковой дивизии занял станцию Смоленск и продвинулся к центру города на один километр; 544-й стрелковый полк достиг Днепра. 129-я стрелковая дивизия в составе четырех неполных батальонов, преодолевая сильное огневое сопротивление гитлеровцев, подходила к северной окраине Смоленска.

[7] Во второй половине июля 1941 г. 129-я и 158-я стрелковые дивизии 19-й армии вошли в состав 16-й армии. Армия переподчинилась Западному фронту.

В городе противник вел сильный минометный и пулеметный огонь, применял средние и тяжелые танки. Между домами через улицы были натянуты проволочные заграждения, некоторые дома заминированы.

Каждый дом и переулок приходилось брать с боем. Дивизии несли большие потери. В некоторых подразделениях потери достигали 40—50 проц. Особенно были велики потери командно-политического состава. Политработники, работники редакций дивизионных и армейской газет находились в подразделениях, ведущих наиболее ожесточенные бои. Они не только собирали материалы о героическом поведении красноармейцев и командиров, но и во многих случаях сами непосредственно принимали командование подразделениями и справлялись с этим хорошо. У наших воинов росла ненависть к врагу: они видели на улицах Смоленска убитые и обезображенные тела красноармейцев, командиров, политработников и жителей города, в том числе и детей.

22 и 23 июля в Смоленске продолжались ожесточенные бои. Противник упорно оборонял каждый дом, на наши атакующие подразделения он обрушил массу огня из минометов и автоматов. Его танки, помимо артогня, извергали из огнеметов пламя длиною до 60 м, и все, что попадало под эту огневую струю, горело. Немецкая авиация днем беспрерывно бомбила наши части. Сильный бой продолжался за кладбище, которое 152-я стрелковая дивизия занимала дважды (ранее 129-я стрелковая дивизия также три раза овладевала им). Бои за кладбище, за каждое каменное здание носили напряженный характер и часто переходили в рукопашные схватки, которые почти всегда кончались успехом для наших войск. Натиск был настолько сильным, что фашисты не успевали уносить убитых и тяжелораненых, принадлежавших 29-й мотодивизии 47-го механизированного корпуса Гудериана.

Командир 152-й стрелковой дивизии полковник Н. Н. Чернышев очень хорошо отзывался о третьем истребительном батальоне добровольцев Смоленска, жителей Заднепровья. Они не только были храбрыми бойцами в условиях города, но и отличными проводниками, показывая, где и как удобнее обойти тот или иной дом и зайти противнику в тыл.

22 июля из штаба войск Западного направления я получил телеграмму с информацией о том, что через сутки начинается одновременное наступление по сходящимся к Смоленску направлениям оперативных групп войск генералов В. А. Хоменко (три стрелковые и две кавалерийские дивизии) и С. А. Калинина (три стрелковые дивизии) из района Белого, группы генерала К. К. Рокоссовского (две стрелковые и одна танковая дивизии) со стороны Ярцево и группы генерала В. Я. Качалова (две стрелковые и одна танковая дивизии) из района Рославля. Это сообщение мы разослали в войска — там оно вызвало новый прилив сил и энергии. Однако эта операция фронта успеха не имела. Перевес в силах явно был на стороне противника. Сказались и неувязки в управлении войсками со стороны командования Западного направления.

Отдельные части 16-й армии продолжали вести бои в самом городе. Ранним утром 26 июля вторая и третья роты горьковчан были введены в Смоленск. Эти роты третьего горьковского добровольческого батальона на разных участках Смоленска вступили в неравный бой с фашистами. Горьковчане проявили в эти дни мужество и воинскую смекалку.

Студент Горьковского пединститута Василий Нестеров, используя опыт боев с белофиннами, вместе со своим другом студентом Института иностранных языков М. Спициным организовал группу снайперов. Студенты Горьковского государственного университета Александр Ауров, Герман Потемкин, Федор Вылекжанин, Абрам Липкин, Борис Мартынов, Борис Кудайкин, Василий Нефедов смело вступили в рукопашную схватку.

27 июля около командного пункта 16-й армии появились танки врага, прорвавшегося из района Духовщина. Отбивать их на командном пункте было нечем, так как батальон охраны штаба армии по мобилизации до сих пор так и не прибыл. На наше счастье, предусмотрительный начальник артиллерии генерал-майор И. П. Прохоров выдвинул к штабу несколько противотанковых орудий, и они отбили атаку вражеских танков.

В ночь на 27 июля противник окончательно замкнул кольцо окружения 16-й и 20-й армий. Командарм П. А. Курочкин и я, члены военных советов А. А. Лобачев и Д. А. Семеновский встретились, чтобы решить, что делать дальше.

Когда мы говорим о дивизиях противника и наших, то надо иметь в виду, что немецкая пехотная дивизия в начале войны имела в своем составе около 17 тыс. человек, наши дивизии насчитывали по 6—7 тыс. человек, а после многодневных боев в них оставалось по 1—2 тыс. человек, а в некоторых частях 16-й армии — не больше сотни. Мы знали, что кольцо окружения будет сжиматься. Куда девать раненых? Противник занял Кардымово, где были армейские госпитали 16-й и 20-й армий, но даже в это очень тяжелое время ни один из нас не произнес: «Надо отступать». Мы сказали: «Будем драться за Смоленск».

В отдельных исторических трудах[7а] без всяких пояснений указывается, что советские войска 16 июля оставили Смоленск. Между тем последние подразделения 16-й армии вышли из Смоленска только в ночь на 29 июля, за исключением одного батальона 152-й стрелковой дивизии под командованием старшего политрука А. С. Туровского. Он впоследствии был партизаном на Смоленщине и там погиб.

31 июля маршал С. К. Тимошенко доносил в Ставку Верховного Главнокомандования: «20-я армия сначала в полуокружении непрерывно атаковывалась крупными силами противника до шести пехотных дивизий, одной танковой дивизией с большим количеством авиации. 25 июля противник усилился двумя свежими дивизиями. За время боев 20-я и 16-я армии понесли огромные потери, в связи с этим 20-я армия, ведя напряженные бои, отходила под сильным давлением противника на восток севернее Смоленска. 28 июля левофланговая 73 сд 20-й армии, отходя, открыла правый фланг и тыл 152 сд 16-й армии, ведущей бой в северной части Смоленска. 152 сд, наблюдая отход 73 сд и находясь, по донесению Лукина, под сильным огневым воздействием противника и ударом его по флангу и тылу, по распоряжению командира начала отход на восток от Смоленска. За 152 сд отошла и 129 сд с северо-восточной части Смоленска»[8].

В это сообщение хочу внести некоторую ясность. Командиры дивизий: 152-й — Н. Н. Чернышев, 129-й — А. М. Городянский и 46-й — А. А. Филатов были дисциплинированными командирами, проверенными в тяжелых боях, и без моего приказа они никогда бы не оставили Смоленска. Части и подразделения соединений 16-й армии были отведены из города по мсему разрешению, так как они уже к этому моменту исчерпали все свои возможности для сопротивления врагу. В дивизиях оставалось буквально по две-три сотни людей, у которых уже не было ни гранат, ни патронов. Остатки дивизий могли быть легкой добычей фашистов. Поэтому я отдал приказ оставить Смоленск. Другого выхода в то время не было.

Как известно, к 1 августа одновременными ударами группы генерал-майора К. К. Рокоссовского и силами 20-й и 16-й армий кольцо окружения было прорвано.

6 августа маршал С. К. Тимошенко вызвал меня, А. А. Лобачева и М. А. Шалина на командный пункт 20-й армии. К нашему приезду там уже были маршал С. К. Тимошенко, член военного совета Западного фронта Н. А. Булганин, генералы П. А. Курочкин, К. К. Рокоссовский и член военного совета 20-й армии Д. А. Семеновский. Маршал поздравил нас с завершением боев, награждением орденами Красного Знамени и объявил, что все управление 16-й армии переходит к К. К. Рокоссовскому, который назначается командующим 16-й армией; П. А. Курочкин отзывается Москвой, а я назначаюсь командующим 20-й армией, в которую вливаются соединения и части 16-й.

* * *

Советские люди в районе Смоленска совершили великий подвиг, о котором должен знать и помнить наш народ. Здесь советские войска нанесли удар по гитлеровской стратегии «молниеносной войны». К месту сражения войска Красной Армии прибыва-

---

[7а] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945, т. 2. Воениздат, 1961, с. 69.
[8] ЦАМО, ф. 246, оп. 1525, д. 1, л. 154.

ли не полностью отмобилизованными. Их сосредоточение происходило в период напряженных боев. Приходилось части и подразделения с ходу бросать в бой, не ожидая подхода артиллерии, штабов, тылов, иногда без старших начальников.

Немецко-фашистское командование захватило в свои руки стратегическую инициативу. Гитлеровские войска уже имели опыт ведения войны и обладали огромным преимуществом в танках, минометах и особенно в авиации.

Ценой огромных потерь в живой силе и технике противнику удалось захватить Смоленск, но наступать дальше на Москву враг уже не мог. Ему пришлось приостановить наступление, перейти к обороне. К этому его вынуждала необходимость пополнить потрепанные части людьми и техникой. Для этого требовалось время.

Командиры, политработники и бойцы Советской Армии сражались отважно, мужественно, удивляя врага своим упорством в бою. Даже в окружении при недостатке снарядов и патронов они вели бой до последнего.

У нас, к сожалению, в то время было мало противотанковой артиллерии, минометов, а враг располагал большим количеством танков и бронемашин. Но мы быстро научились уничтожать танки врага бутылками с горючей смесью, связками гранат. Какое надо иметь мужество, чтобы подпустить танк, ведущий смертоносный огонь из орудия и пулеметов, на такое расстояние, чтобы бутылка или связка гранат попала в цель! На такое были способны только наши советские люди!

Самоотверженность, личная храбрость, непоколебимая верность долгу, военной присяге отличали большинство воинов, и особенно командно-политический состав. Их геройству пока по многим причинам не воздано еще должное. Поэтому я считаю своей обязанностью отметить доблесть этих товарищей, которые бесстрашно дрались тогда вместе со мной. И прежде всего хочу сказать о своем ближайшем помощнике — начальнике штаба 16-й армии. Полковник М. А. Шалин — участник гражданской войны, окончил Академию имени М. В. Фрунзе. Это был очень скромный человек. Он никогда себя не выдвигал на первый план, старался держаться в тени. Штабом руководил спокойно, был вежлив, никогда не повышал голоса. Это был начальник штаба армии, о котором можно только мечтать. Работники штаба В. Г. Рощин, Л. К. Данильченко, А. Я. Ряхин — все под стать своему начальнику. Они хорошо знали дело, были храбры, помогали мне и начальнику штаба в трудной обстановке управлять войсками. Начальник артиллерии армии генерал Т. Л. Власов, а после его гибели генерал И. П. Прохоров, начальник инженерной службы Г. П. Ясенский, начальник АБТВ полковник Г. Н. Орел, начальник связи полковник П. Я. Максименко, армейский интендант полковник А. И. Маланкин и многие другие являлись ближайшими моими помощниками и советниками в тяжелые дни боев.

Особо надо сказать о начальнике политотдела армии бригадном комиссаре Константине Леонтьевиче Сорокине. Он хорошо ориентировался в боевой обстановке, никогда не спрашивал, что делать работникам политотдела или редакции армейской газеты, всегда знал, какие поставлены задачи войскам и где больше всего нужно вести политическую разъяснительную работу. Он приходил и докладывал, что им уже сделано и что он намеревается еще сделать. О самых трудных делах он умел рассказывать с юмором, никогда не впадал в панику, любил живую политическую работу с людьми в окопах, на поле боя.

С членом военного совета армии Алексеем Андреевичем Лобачевым мы сработались еще в мирное время в Забайкалье, когда формировали армию. Мы всегда имели с ним единое мнение по вопросу обучения войск. Лобачев не боялся черновой работы, всегда был с красноармейцами и командирами. Прекрасно знал боевые уставы Красной Армии. Алексей Андреевич Лобачев — это комиссар типа Фурманова. Всех их вспоминаю с благодарностью.

Немецкий генерал-майор фон Бутлар пишет: «...в результате упорного сопротивления русских уже в первые дни боев немецкие войска понесли такие потери в людях и технике, которые были значительно выше потерь, известных им по опыту кампаний в Польше и на Западе. Стало совершенно очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника, равно как и географические условия данной страны,

были совсем непохожими на те, с которыми немцы встретились в предыдущих «молниеносных войнах», приведших к успехам, изумившим весь мир» [9].

Упорные бои советских войск в Смоленском сражении позволили выиграть время и создать на дальних и ближних подступах к Москве сильные оборонительные рубежи. На Западном фронте в беспрерывных ожесточенных боях выковалась и родилась советская гвардия. Ее начало положили действия 100, 127, 153 и 161-й стрелковых дивизий.

Смоленское сражение изучено еще недостаточно. Почему-то некоторые исследователи считают, что раз мы уступили поле боя противнику, невзирая на то, какое количество войск с обеих сторон в нем участвовало, как долго оно продолжалось, то надо это сражение считать проигранным. С таким утверждением нельзя согласиться. Да, мы уступили тогда поле боя врагу, но ведь именно в Смоленском сражении враг впервые был остановлен на длительное время и не мог наступать на Москву в течение августа — сентября.

Смоленское сражение — сражение героическое. Оно не позволило гитлеровцам захватить с ходу Москву и в конечном счете осуществить их планы «молниеносной войны».

[9] Мировая война, 1939—1945 годы. Сборник статей. Пер. с нем. М., Изд-во иностранной литературы, 1957, с. 163.

Из истории создания органов управления тылом Советской Армии

Полковник в отставке С. СКРЯБИН

РАБОТАЯ в Центральном архиве Министерства обороны СССР, я обнаружил черновик схемы организации аппарата начальника Главного управления тыла Красной Армии, над которой пришлось поработать и мне в июле 1941 года. Схема эта легла тогда в основу постановления Государственного Комитета Обороны от 28 июля 1941 года о создании самостоятельных органов управления тылом Красной Армии.

...В начале ноября 1939 года, после окончания Военно-хозяйственной академии, я впервые перешагнул порог дома Наркомата обороны, прибыв в распоряжение начальника снабжения Красной Армии корпусного комиссара А. В. Хрулева.

Он спросил меня, где я учился, в каких частях служил, как устроился с квартирой, и лишь после этого перешел непосредственно к служебным делам.

— Будете работать, товарищ капитан, старшим помощником начальника отдела. Сейчас в отделе никого нет: он только создается. Через несколько дней прибудет начальник — бригинтендант Григорий Николаевич Данков, а пока работайте один. Первое вам задание такое: разыщите в Москве Горецкого Константина Ефимовича и попросите его прийти ко мне. Это бывший помощник начальника Центрального управления снабжения Красной Армии, до революции — генерал-майор, Главный интендант русской армии.

Поиск Горецкого не составил большого труда: Горсправка дала точный адрес. Он жил на Тишинской площади в многоэтажном благоустроенном доме. В кратких

словах я рассказал ему о цели визита. Он дал согласие на встречу с А. В. Хрулевым, быстро переоделся, и мы поехали в дом НКО.

После обмена взаимными приветствиями и двухминутной беседы о здоровье и житье-бытье Хрулев сказал:

— Константин Ефимович, я хотел бы поговорить с вами вот по какому вопросу. Месяц назад меня назначили начальником снабжения Красной Армии. Должность для меня новая, незнакомая [1]. У вас же большой опыт руководства органами снабжения, посоветуйте, как лучше наладить работу.

— А какие службы вам подчинены, какими видами снабжения будете ведать? — в свою очередь спросил К. Е. Горецкий.

Хрулев, умолчав о структуре управления, ответил неуверенно:

— По идее Управление должно снабжать армию вооружением, боеприпасами, военно-техническим и инженерным имуществом, продовольствием и фуражом, вещевым и обозно-хозяйственным имуществом. В общем всем тем, чем вы ведали в свое время.

Горецкий подумал, посмотрел на Хрулева, словно прикидывая, не обиделся бы, и сказал:

— Не справитесь вы с этим делом, Андрей Васильевич. Вы берете на себя непосильную задачу. Время теперь не то и армия другая. Когда я занимался снабжением, в армии была трехдюймовая пушка, чуть побольше калибром гаубицы, пулемет «максим» да винтовка. Вот и все вооружение. Ни самолетов, ни танков, ни автомашин, ни прочей техники тогда в таком огромном количестве не было. Ездили мы на лошадке. А сейчас в армии автомобили, самолеты, танки, сложное вооружение, да мало ли что еще может появиться в ближайшем будущем. И самое главное — у вас нет перевозочных средств, без которых вы бессильны. Да и власти маловато, ваши распоряжения будут выполнять только службы интендантского снабжения, так как все остальные вам не подчинены.

— Что же делать? — спросил Хрулев.

— Занимайтесь снабжением войск только продовольствием, фуражом, вещевым и обозно-хозяйственным имуществом. Возьмите еще квартирно-эксплуатационную службу и военную торговлю. От остального откажитесь. Пусть другими видами снабжения занимаются службы по принадлежности.

— Но тогда должность начальника снабжения не будет соответствовать своему назначению, — возразил А. В. Хрулев.

— Правильно. Надо назвать должность «Главный интендант» и организовать Главное интендантское управление. Признаться честно, я за начальника снабжения, но за такого, который являлся бы полным хозяином тыла, т. е. был облечен известными правами и распоряжался бы перевозочными средствами. Идея иметь в Красной Армии человека, который руководил бы всеми видами снабжения, хорошая, но она не доведена до конца.

В доказательство он привел пример из опыта гражданской войны, как в июне 1918 года Советским правительством было создано Центральное управление снабжения Красной Армии, которому были подчинены все основные центральные довольствующие управления. Главный начальник снабжения Красной Армии ведал тогда организацией тыла, подвозом всех видов снабжения и эвакуацией ненужного имущества. По существу, это был начальник тыла Красной Армии.

По лицу Хрулева промелькнула недовольная улыбка. Горецкий заметил это и продолжал.

— Вы не беспокойтесь о том, что в ведении интенданта будет мало служб. Объединив только их, вы сделаете уже большое дело. Сейчас каждый начальник управления, пусть то продовольственного, вещевого или обозно-хозяйственного, подчиняется непосредственно Наркому обороны и идет к нему по всякому пустяку, отвлекая не-

[1] После гражданской войны А. В. Хрулев последовательно занимал должности военного комиссара полка и дивизии, заместителя начальника политуправления военного округа, начальника Центрального военно-финансового управления. В 1938 году он назначается начальником Киевского окружного военно-строительного управления, а 11 октября 1939 года — начальником снабжения Красной Армии.

редко от очень важной работы. А так как Нарком не может принимать часто в силу своей занятости, то целый ряд вопросов остается нерешенным. Все это отрицательно сказывается на снабжении войск. Подчинив эти службы себе, вы станете руководить их деятельностью, отвечать за них, а главное — освободите Наркома от функций снабжения.

Андрей Васильевич поблагодарил Горецкого за консультацию, обещал подумать, но было видно, что с предложением его он не согласен. Да и международная обстановка в это время резко изменилась. В конце ноября 1939 года империалисты Англии и Франции спровоцировали советско-финляндский вооруженный конфликт. Образовался Северо-Западный фронт. Все внимание Хрулева было сосредоточено на обеспечении войск фронта материально-техническими средствами, и предложение Горецкого было забыто. Однако сама жизнь вскоре напомнила о нем сразу же после окончания боевых действий, которые вскрыли ряд серьезных недостатков в организации и работе тыла.

Так, в самом начале войны некоторые участки железных дорог, особенно Волхов — Тихвин и Волховстрой — Петрозаводск, были забиты железнодорожными составами. Причина заключалась не только в их малой пропускной способности, но и в недостатках планирования подачи снабженческих транспортов. Это могло отрицательно сказаться на снабжении фронта. Генеральный штаб принял решение организовать доставку грузов для Северо-Западного фронта и морем — из Архангельска через Мурманск. ЦУП ВОСО подало под погрузку пять кораблей гражданского морского флота. Они сосредоточились на Северной Двине у городских торговых причалов. Но грузили материально-технические средства недопустимо медленно. В Архангельске, куда я прибыл по приказанию А. В. Хрулева, выяснилось, что в порту собрались представители всех служб снабжения: артиллеристы, связисты, инженеры, интенданты продовольственной и вещевой служб, а руководящего центра погрузкой не было. Поэтому каждый, соблюдая очередность, терпеливо пережидал другого, а когда подходила его очередь грузиться, считал себя хозяином и на просьбы об ускорении работы не реагировал. Сведения в центр давались нерегулярно и не всегда отвечали действительности.

Нарком обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, естественно, беспокоился за состояние дел и требовал от Хрулева бóльшей оперативности, а тот нервничал и только пожимал плечами, так как многие службы ему не подчинялись. Когда нагруженные корабли наконец вышли в море, боевые действия уже закончились, и их пришлось возвращать обратно в Архангельск.

Трудности в работе Управления начальника снабжения Красной Армии усугублялись и тем, что аналогичных органов снабжения ни в военных округах, ни в Северо-Западном фронте, ни в армиях не существовало. Опереться в своей работе ему было не на кого. Сведения об обеспеченности войск материальными средствами поступали в центр нерегулярно, а без них нельзя было наладить нормальное снабжение. Малочисленный и к тому же не полностью укомплектованный аппарат Управления снабжения явно не соответствовал тем задачам, которые на него возлагались. Это наглядно показал опыт боевых действий зимой 1939/40 года. В такой обстановке А. В. Хрулев принимает решение ходатайствовать перед Народным комиссаром обороны о создании Главного интендантского управления.

22 июля 1940 года выходит в свет приказ Народного комиссара обороны СССР о реорганизации Управления начальника снабжения Красной Армии в Главное интендантское управление Красной Армии. Главным интендантом Красной Армии назначается генерал-лейтенант интендантской службы А. В. Хрулев. В его подчинение передавались управления продовольственного, вещевого и обозно-хозяйственного снабжения, квартирно-эксплуатационное управление, технический комитет, а также инспекции по пожарной охране и котловому надзору Красной Армии. Главному интенданту подчинялись Военно-хозяйственная академия и Ярославское военно-хозяйственное училище. Были значительно расширены права и обязанности Главного интенданта, увеличены штаты управления, созданы новые отделы.

Создание Главного интендантского управления явилось еще одним важным шагом вперед на пути организации централизованного управления тылом Красной Армии.

Вступив в должность Главного интенданта, А. В. Хрулев развернул бурную организаторскую деятельность по наведению порядка в войсковом хозяйстве, в расходовании материальных средств. Под его руководством разрабатываются Положение о войсковом хозяйстве и Наставление по учету и отчетности материальных средств, проводится инвентаризация вещевого и обозно-хозяйственного имущества, устанавливается твердый контроль за подготовкой кадров в Военно-хозяйственной академии и училище, через «Интендантский журнал» широко распространяется передовой опыт ведения войскового хозяйства.

Нельзя не отметить характерную черту Андрея Васильевича, как и многих других партийных, советских, военных и хозяйственных работников, выдвинутых волей партии на высокие руководящие посты. Это — жажда знаний. Он хорошо понимал, что без хорошей теоретической подготовки руководить снабжением армии будет очень трудно. Поэтому сразу же по окончании финских событий приступил к глубокому изучению теории организации тыла и снабжения, посвящая этому каждую свободную минуту. За 1940 год он прочел все труды профессора Ф. А. Макшеева, К. Е. Горецкого и Н. Н. Янушкевича, «Руководство по организации войскового и оперативного тыла Красной Армии», материалы по истории интендантского снабжения в первую мировую войну и многое другое. В то время по его заданию мне часто приходилось ездить в Библиотеку имени В. И. Ленина за различными материалами, которые требовались Андрею Васильевичу при изучении того или иного вопроса деятельности тыла Красной Армии. По его настоянию К. Е. Горецкий был зачислен в штат на должность научного консультанта Главного интендантского управления. Он часами просиживал в кабинете Хрулева, рассказывал о том, как был организован тыл и снабжение в гражданскую войну, в различных войнах и кампаниях русской армии. Тот внимательно слушал его и как губка впитывал каждое слово.

К лету 1941 года А. В. Хрулев достаточно глубоко освоил теорию тыла и снабжения. В последующем это позволило ему со знанием дела заниматься вопросами реорганизации органов тыла Красной Армии, а также работой тыла в годы Великой Отечественной войны.

В памяти возникает июль 1941 года. На фронтах шли ожесточенные бои.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин требовал от Главного интенданта А. В. Хрулева высокой оперативности в работе и упорядочения снабжения войск, но тот был бессилен выполнить все задачи, так как органы ВОСО, управление снабжения горючим, дорожное, санитарное, ветеринарное и другие управления ему не подчинялись. Жизнь вызывала необходимость коренного изменения организации материально-технического обеспечения войск.

Однажды, кажется, это было 25 июля, А. В. Хрулев вернулся от И. В. Сталина сильно расстроенным. Очевидно, у них состоялся не совсем приятный разговор. Андрей Васильевич сразу же вызвал полковника Г. Н. Данкова, его помощника полковника К. Ф. Ремизова, научного консультанта К. Е. Горецкого и меня.

— Что будем делать, Константин Ефимович? — обратился он к Горецкому, когда мы вошли к нему в кабинет. — Задыхаюсь от трудов, а чувствую, что делаю не то, что нужно.

— Надо переходить на штаты военного времени, — спокойно ответил Горецкий.

— Но у нас их пока нет.

— Значит, надо срочно разработать. Принципиальная схема управления тылом в военное время у меня имеется. Правда, она несколько устарела, но если разрешите, мы поработаем над ней с товарищами и завтра доложим свои соображения.

Когда К. Е. Горецкий развернул перед нами схему, разработанную им еще в 1918—1919 гг., в бытность председателем Технического комитета Центрального управления снабжения Красной Армии, мы поразились, настолько актуальными оказались

поднимаемые проблемы, а также точность расчетов и аргументации. Схема была выполнена на прекрасной бумаге каллиграфическим почерком.

Хрулев согласился с предложением Горецкого и посоветовал нам использовать в работе еще и «Положение о полевом управлении войск в военное время», изданное в 1914 году. Этот документ заслуживал внимания, и о нем следует сказать несколько слов. В русской армии в соответствии с Положением была должность Главного начальника снабжения фронта, который ведал устройством тыла фронта и армий. Ему подчинялись не только все службы тыла и местные организации, но и гражданская власть на территории действий фронта.

Главный начальник снабжения подчинялся непосредственно главнокомандующему войсками фронта. Начальнику штаба фронта он сообщал только общие данные о степени обеспеченности армий. Его канцелярия, по существу, являлась штабом тыла фронта. Таким образом, у главнокомандующего фронтом фактически было два штаба: один руководил военными действиями, другой — тылом и снабжением.

Для нас, работников отдела, «Положение о полевом управлении войск в военное время» явилось хорошим, наглядным подспорьем. Оно ориентировало, в каком направлении следует вести разработку организационной структуры тыла. Кроме того, мы использовали и другие материалы, обобщающие опыт организации тыла и снабжения в период гражданской войны.

Проштудировав все эти документы, мы быстро вычертили на листе бумаги карандашом принципиальную схему организационной структуры службы тыла на военное время, а также составили предварительные наметки о правах и обязанностях начальствующего состава тыла в центре, во фронтах и армиях.

Службу тыла Красной Армии по предлагаемой схеме возглавлял начальник тыла, он же заместитель Народного комиссара обороны. При нем имелись Главное управление тыла (возглавлял его начальник тыла) в составе штаба, Управления военных сообщений, Автодорожного управления, а также Инспекции начальника тыла. Начальнику тыла подчинялись: Главное интендантское управление, Управление снабжения горючим, Главное военно-санитарное и Ветеринарное управления.

По такой же схеме мы разработали структуру органов тыла фронта и армии. Только вместо штабов тыла в них предлагалось создать организационно-плановые отделы. Во главе отдела стоял начальник тыла, который являлся одновременно и заместителем командующего войсками. Начальник тыла фронта подчинялся командующему войсками фронта и начальнику тыла Красной Армии.

Когда схема и другие документы были готовы, Г. Н. Данков доложил о них А. В. Хрулеву. Андрей Васильевич в принципе одобрил их, сделал небольшие замечания и приказал срочно доработать. На следующий день, 27 июля, А. В. Хрулев представил документы заместителю Председателя Совета Народных Комиссаров А. И. Микояну, который ведал тогда вопросами снабжения армии, и высказал свои соображения о необходимости быстрейшего улучшения снабжения войск и создания надежной структуры органов тыла. В основу предложений были положены рекомендации, разработанные отделом. Одновременно Андрей Васильевич передал Анастасу Ивановичу для ознакомления «Положение о полевом управлении войск в военное время».

В тот же день А. И. Микоян доложил проект реорганизации органов тыла И. В. Сталину, после чего позвонил А. В. Хрулеву и сообщил, что Верховный Главнокомандующий согласен с предложением и приказал подготовить по этому вопросу соответствующий проект постановления Государственного Комитета Обороны.

Получив такие указания, Андрей Васильевич немедленно вызвал к себе работников отдела, а также научного консультанта. Рассматривая еще раз схему организации структуры тыла, он взял карандаш и в подчинение начальника тыла включил еще одну службу — артиллерийского снабжения.

К. Е. Горецкий категорически возразил, доказывая, что нельзя отождествлять эту службу с вещевым или продовольственным снабжением. В конце концов А. В. Хрулев согласился с доводами и приказал мне срочно перечертить схему на чистый лист, а сам тут же позвонил И. В. Сталину и попросил принять его по срочному делу.

Я пошел провожать Андрея Васильевича. Он часто и раньше, во время финских событий, ходил в Кремль пешком. И. В. Сталин уважал Хрулева и почти всегда принимал вне очереди. Отношения между ними, по свидетельству секретаря И. В. Сталина А. Н. Поскребышева, были дружескими.

...Было уже три часа ночи, когда дверь комнаты, где мы с Горецким продолжали обсуждать новый проект, неожиданно раскрылась и к нам вбежал радостно возбужденный Андрей Васильевич. Не говоря ни слова, он разложил на столе схему. В левом углу ее синим карандашом размашистым почерком было написано: «Утверждаю. А начальником тыла Красной Армии назначаю А. В. Хрулева. Сталин. 28.7.41 г.».

Эта схема и легла в основу постановления Государственного Комитета Обороны о создании самостоятельных органов управления тылом Красной Армии. Но поскольку она была начерчена карандашом на скорую руку, то на другой день уже в более спокойной обстановке я начертил тушью второй экземпляр схемы организации аппарата начальника Главного управления тыла Красной Армии, которую Народный комиссар обороны СССР И. В. Сталин вторично утвердил 30 июля 1941 года [2]. Одновременно было утверждено и «Положение об управлении Тылом Красной Армии в военное время» [3].

Еще раньше, 28 июля, А. В. Хрулев поручил полковнику Г. Н. Данкову разработать проект приказа Наркома обороны о создании самостоятельных органов управления тыла, а К. Е. Горецкому написать Положение о создаваемых органах тыла Советской Армии. Сотрудники отдела дружно приступили к работе. К утру проекты этих документов были готовы, а с 29 по 31 июля они окончательно дорабатывались в Генеральном штабе. 1 августа 1941 года вышел в свет приказ НКО «Об организации Главного управления тыла Красной Армии. Об организации управлений тыла фронта и армии. Положение об управлениях» [4].

С этого момента А. В. Хрулев делами Главного интендантского управления уже не руководил, передав их своему заместителю генерал-майору П. Д. Давыдову. Все последующие дни были заняты оформлением решения Государственного Комитета Обороны через Генеральный штаб и подбором людей для укомплектования новых органов управления тылом Советской Армии.

Заместителями начальника тыла были назначены генерал-майоры М. В. Захаров и П. А. Ермолин, военным комиссаром — дивизионный комиссар В. А. Баюков, начальником штаба тыла — генерал-майор П. В. Уткин.

Проведенная Центральным Комитетом партии коренная реорганизация органов тыла в центре, во фронтах и армиях в начале войны имела исключительно большое значение. Она полностью соответствовала условиям ведения войны. Вооруженные Силы получили мощный и разветвленный аппарат управления тылом. Объединение в одних руках организации и управления тылом, подвоза и эвакуации позволяло более оперативно решать вопросы работы тыла, упорядочить снабжение войск материальными средствами, рационально использовать все виды транспорта и обеспечить твердый воинский порядок в тылу.

Новая организация тыла Советской Армии целиком и полностью оправдала себя в годы Великой Отечественной войны.

---

[2] ЦАМО СССР, ф. 67, оп. 12018, д. 147, лл. 1—10.
[3] Там же, ф. 2, оп. 795437, д. 5, лл. 545—547.
[4] Там же.

К 35-летию Львовско-Сандомирской операции

Во Львовско-Сандомирской операции (13 июля — 29 августа 1944 г.) войска 1-го Украинского фронта (в него входили 1, 3 и 5-я гвардейские, 13, 18, 38 и 60-я общевойсковые, 2-я воздушная армии, 1-я, 3-я гвардейские и 4-я танковые армии, две конно-механизированные группы, а также 1-й чехословацкий армейский корпус, личного состава было 1 110 тыс. человек, орудий и минометов — 16 100, танков и САУ — 2050, боевых самолетов — 3250) [1] в тесном взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом решали важную стратегическую задачу — разгром группы армий «Северная Украина» (в нее входили 1-я и 4-я танковые армии, а также 1-я армия хортистской Венгрии. С воздуха группу армий поддерживала авиация 4-го воздушного флота; личного состава было 900 тыс. человек, орудий и минометов — 6300, танков и штурмовых орудий — 900, боевых самолетов — 700) [2].

В ходе операции было нанесено тяжелое поражение крупной группировке немецко-фашистских войск, освобождены западные области Украины и юго-восточные районы Польши, войска фронта форсировали Вислу, захватили оперативный плацдарм западнее Сандомира и создали благоприятные условия для последующего наступления.

Львовско-Сандомирская стратегическая операция характерна тем, что она проводилась войсками одного фронта, который наносил одновременно два мощных удара с привлечением танковых армий на рава-русском и львовском направлениях с целью рассечения группировки противника и окружения его частью сил в районе Броды.

В области стратегии и оперативного искусства эта операция дала яркие примеры искусного выбора направления гравного удара, решительного массирования на нем сил и средств фронта, использования танковых армий и умелого переноса усилий в ходе операции на другое направление, форсирования рек с ходу на широком фронте.

Поучительным является ввод в сражение 5-й гвардейской армии на завершающем этапе операции на глубине 270 км с целью закрепления и расширения оперативного плацдарма на Висле, когда обстановка для наших войск, действовавших на плацдарме, сложилась крайне неблагоприятно. Особенностью ввода в сражение этой армии явилось то, что часть ее сил (один стрелковый корпус) использовалась для разгрома крупной вражеской группировки, наносившей контрудар, а главные силы были введены для расширения и закрепления плацдарма.

В области тактики заслуживают внимания искусное проведение разведки боем, стремительный прорыв тактической зоны обороны, преследование противника в быстром темпе с форсированием водных преград с ходу и на широком фронте.

Опыт Львовско-Сандомирской операции не потерял своего значения и сегодня. Ниже приводится ряд малоизвестных важных документов, рассказывающих об участии танковых армий в этой операции. Они подготовлены к публикации полковником **Е. Симаковым.**

В соответствии с планом операции, представленным в Ставку ВГК командованием 1 УФ, танковые армии планировалось использовать в первый ее день на направле-

---

[1] История второй мировой войны 1939—1945, т. 9. Воениздат, 1978, с. 77, 81.
[2] Там же.

ниях главных ударов для завершения прорыва тактической зоны. Ставка ВГК, утвердив план в основном, потребовала, чтобы танковые армии в случае успешных боевых действий вводились в прорыв только через день (док. № 1). В связи с этими указаниями командующий фронтом уточнил свое решение, и танковые армии вводились в прорыв на глубине 20—25 км на второй день операции (док. № 2).

Боевые действия танковых армий на львовском направлении начались 15 июля вводом в прорыв в полосе 60-й армии передовых отрядов 3 гв. ТА. Продвигаясь вперед, они несколько расширили прорыв. 16 июля в него вошли основные силы танковой армии. Отражая многочисленные атаки врага, пытавшегося ликвидировать образовавшийся так называемый колтовский коридор, танкисты продвигались вперед.

Иная обстановка сложилась в полосе 38 А. Здесь противник упорно сопротивлялся, и вводить в бой танковые армии было нецелесообразно. Командующий 1 УФ решил ввести 4 ТА в прорыв в колтовском коридоре вслед за третьей (док. № 3).

К 18 июля войска 1 УФ, прорвав вражескую оборону на фронте 200 км, продвинулись на обоих направлениях на глубину до 80 км, форсировали Западный Буг и окружили в районе Броды восемь дивизий врага. Создались предпосылки быстрого разгрома львовской группировки противника.

Уточняя задачи танковым армиям, 19 июля командующий фронтом приказал 3-й гвардейской и 4-й танковым армиям совершить обходный маневр и атаковать Львов с севера и юга (док. № 4). Выполняя эту задачу, армии 20 июля перешли в наступление. 4 ТА, обходя Львов с юга, 22 июля завязала бои на юго-восточной окраине города. Однако противник, подтянув сюда резервы, сорвал попытку наших войск взять город с ходу. Учитывая сложившуюся обстановку, командующий фронтом изменил задачу 3 гв. ТА и приказал главным ее силам обойти Львов с севера и вывести свои соединения в район Яворов, Мостиска, Судовая Вишня и тем самым отрезать пути отхода львовской группировке на запад (док. № 5). Совершив 120-километровый марш, армия к 24 июля вышла в указанный район.

Планируя дальнейшие действия войск, командование фронта определило новые задачи танковым армиям: 1 гв. ТА двигаться западнее реки Сан в район Домбровица, Сандомир, где захватить переправы через Вислу; 3 гв. ТА, действуя левее первой, выйти к Висле в районе устья реки Вислока, где и переправляться, затем обойти Краков с севера; 4 ТА после захвата Львова двигаться в район Перемышль, Самбор и отрезать пути отхода станиславско-дрогобычской группировке противника.

Однако Ставка ВГК этот план не утвердила, приказав в первую очередь разгромить львовскую группировку врага и не допустить ее отхода за реку Сан или Самбор (док. № 6).

Выполняя указание Ставки ВГК, военный совет фронта решил усилить львовское направление, для чего перебросил сюда из состава северной группировки войск 1 гв. ТА (док. № 7). Это решение было выполнено и Львов освобожден.

После освобождения Львова и Перемышля (27 июля) танковые армии были нацелены на форсирование Вислы и захват плацдармов на ее западном берегу.

Немецко-фашистское командование, стремясь приостановить стремительное наступление наших войск и восстановить фронт по Висле, перебросило в этот район несколько пехотных дивизий и бригад. Активнее стала и гитлеровская авиация. В связи с этим потребовалось активизировать действия 2-й и 8-й воздушных армий, в результате они обеспечили успешное выполнение задач.

К концу июля войскам фронта удалось форсировать Вислу, захватить и расширить плацдарм. Этому во многом способствовало умелое использование трех танковых армий.

№ 1

Из директивы Ставки Верховного Главнокомандования
Командующему 1-м Украинским фронтом
Копия: товарищу Жарову [3]

10 июля 1944 г.

Ваш приказ от 7.7.44 Ставка утверждает за исключением некоторых пунктов, по которым даются Вам следующие указания:

[3] Условная фамилия Маршала Советского Союза Г. К. Жукова.

1. Танковые армии и конно-механизированные группы использовать не для прорыва, а для развития успеха после прорыва. Танковые армии, в случае успешного прорыва, ввести через день после начала операции, а конно-механизированные группы через два дня после начала операции, вслед за танковыми армиями...

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин Антонов [4]

ЦАМО СССР, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, л. 400.

№ 2

Боевое распоряжение командующего 1-м Украинским фронтом
Командующим 1[-й] гв[ардейской], 3-й гв[ардейской] и 4-й танковыми [армиями]
Копия: начальнику Генерального штаба К[расной] А[рмии]

11 июля 1944 г.

Приказываю:

Ввод в прорыв танковых армий планировать на второй день операции по особому распоряжению.

[Маршал Советского Союза] Конев [И. С.] [Генерал-лейтенант] Крайнюков [К. В.] [Генерал армии] Соколовский [В. Д.]

ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 56, л. 237.

№ 3

Боевое распоряжение командующего 1-м Украинским фронтом
Командарму 4-й танковой
Копия: командармам 3-й гвардейской танковой, 60-й и 38-й, тт. Жарову, Антонову

17 июля 1944 г.

Приказываю:

С занятием 60-й армией [города] Золочев войти в прорыв из-за левого фланга 3-й гвардейской танковой армии и, развивая стремительное наступление в направлении Куравице, Дзвиногруд, Ставчаны, Городок, громить львовскую группировку противника. Во фронтальные бои за г. Львов не ввязываться, обходить Львов с юга, отрезать пути отхода противника из Львов[а] на запад и юго-запад. Держать связь с командармом 3-й танковой.

В дальнейшем выполнять задачу согласно моей директиве от 7 июля 1944 г.

[Об] отданных распоряжениях донести.

[Маршал Советского Союза] Конев [И. С.] [Генерал-лейтенант] Крайнюков [К. В.] [Генерал армии] Соколовский [В. Д.]

ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 56, л. 249.

№ 4

Боевое распоряжение командующего 1-м Украинским фронтом
Командармам 3[-й] гв[ардейской] танковой, 4-й танковой
Копия: тт. Жарову, Антонову

19 июля 1944 г.

Обстановка для стремительных действий Вашей армии сложилась благополучно. [В] районе Львов[а] у противника резерва нет.

Приказываю:

1. Командарму 3-й танковой не позднее утра 20. 7 обходным маневром с севера и северо-запада овладеть Львовом. Группе генерала Баранова приказываю 19. 7 овладеть Жолкев.

2. Командарму 4-й танковой стремительным ударом в обход г. Львов[а] с юга во взаимодействии с 3-й танковой овладеть г. Львов[ом]. Обеспечить операцию с юга с направлений Перемышль, Миколюв, 93 тбр оставить в районе Колтув до ликвидации противника.

3. [Об] отданных распоряжениях исполнении донести.

[Маршал Советского Союза] Конев [И. С.] [Генерал-лейтенант] Крайнюков [К. В.] [Генерал армии] Соколовский [В. Д.]

ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 56, лл. 258, 258 об.

[4] Генерал армии А. И. Антонов — первый заместитель начальника Генерального штаба.

№ 5

Боевое распоряжение командующего 1-м Украинским фронтом
Командарму 3[-й] гв[ардейской] танковой
Копия: тт. Жарову, Антонову

22 июля 1944 г.

1-я гв[ардейская] танковая армия овладела Олешице, Любачув и стремительно наступает на Ярослав, чем создана выгодная обстановка для глубокого охвата львовской группировки противника и ее разгрома.

Приказываю:

1. Прикрыться [от противника со стороны] Львова.
2. Главными силами армии обходить Львов в район Яворов, Мостиска, Судовая Вишня и отрезать пути отхода львовской группировке противника на запад. Яновский лесной массив обойти с севера. 31 тк уничтожить группировку противника в районе Стар. и Нов. Яричев, Дзедзилув и после выполнения задачи оставаться в районе Дзедзилув, Нов. Яричев.

Исполнение донести.

[Маршал Советского Союза] Конев [И. С.] [Генерал-лейтенант] Крайнюков [К. В.] [Генерал армии] Соколовский [В. Д.]

ЦАМО, ф. 236, оп. 2712, д. 56, л. 283

№ 6

Из директивы Ставки Верховного Главнокомандования
Товарищу Жарову
Командующему 1[-м] Украинским фронтом [Маршалу Советского Союза] тов. Коневу [И. С.]

24 июля 1944 г.

Ставка Верховного Главнокомандования считает Ваш план использования танковых армий и кав. корпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок.

Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования п р и к а з ы в а е т в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор...

Имейте в виду, что, не овладев Львовом, как важным железнодорожным узлом, мы не можем развить серьезное наступление дальше на запад в сторону Кракова...

Ставка Верховного Главнокомандования
И. Сталин Антонов

ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 36, лл. 414—415.

№ 7

Боевое распоряжение командующего 1-м Украинским фронтом
Командарму 1-й танковой
Копия: Командармам 3-й танковой, 13-й
тт. Жарову, Антонову

24 июля 1944 г.

Львовско-станиславская группировка противника отходит в направлении Перемышль и Самбор.

С целью отрезать основные пути отхода львовской группировки противника на запад, во изменение моей директивы от 23. 7. 44 приказываю:

1. Закончить форсирование р. Сан и нанести удар в общем направлении на Перемышль с задачей к исходу 24. 7 овладеть переправами Дубецко, Кшивче, западной частью Перемышль, где организовать прочную оборону фронтом на восток и юго-восток; не допустить отхода противника за р. Сан.
2. Одновременно овладеть Ярослав и для обеспечения себя с запада овладеть Пшевурск, Каньчуга, Яворник Польски.
3. Иметь подвижный резерв в районе Быстровице, Баратын.
4. Установить боевое взаимодействие с группой генерала Баранова, имеющей задачу овладеть переправами через р. Сан на участке Санок, Дынув.
5. Получение, исполнение доносить.

[Маршал Советского Союза] Конев [И. С.] [Генерал-лейтенант] Крайнюков [К. В.] [Генерал армии] Соколовский [В. Д.]

ЦАМО, ф. 236, оп. 2673, д. 1033, лл. 191—192.

*За честь гвардейского знамени**

...Лязгая гусеницами, вражеский танк «утюжил» окопы. И как только темная и смрадная громада прошла над головой, комбат Ф. Ф. Коврижко спокойно поджег паклевый фитиль, быстро распрямился в тесном полузасыпанном укрытии и с силой метнул стеклянную фляжку с бензином. Бросок оказался точным, и корму танка охватило пламя.

Вскоре на участке обороны 85-го стрелкового полка 100-й стрелковой дивизии полыхало несколько десятков фашистских машин. Их подожгли самодельными противотанковыми средствами комбаты Бартош и Тертычный, политруки Оськин и Шнейдерман, командиры рот Блошицкий, Насад, Приходько, Сердюков, красноармейцы Иванов, Селец, Середа. Гитлеровцы откатились на исходный рубеж. Не прорвались захватчики и на другом участке обороны этой дивизии, хотя наступали силами двух пехотных и одного танкового полков. Когда их бесплодные атаки выдохлись, перед позициями 355-го стрелкового полка остались 34 горящих танка...

Так встретило врага 26 июня 1941 года на подступах к Минску одно из старейших соединений Красной Армии. Оно было сформировано на базе нескольких частей, в том числе полков прославленной 44-й имени Николая Щорса дивизии, и всегда с честью несло Боевое Знамя. За успешные и героические действия при прорыве линии Маннергейма в 1940 году 100-я стрелковая дивизия удостоена ордена Ленина, а 11 ее воинов — звания Героя Советского Союза. Бойцы, командиры и политработники бережно хранили боевые традиции, а в борьбе с фашистами еще более приумножили славу дивизии. В боях на белорусской земле они впервые применили бутылки с бензином против танков врага. Здесь же 18 дней сдерживали натиск фашистов и ни разу не отошли без приказа.

Пополнившись вооружением, техникой и людьми, в том числе добровольцами из коммунистов и комсомольцев Москвы и Ленинграда, дивизия в августе вновь вступила в бой в районе Ельни и опять отличилась как в обороне, так и в наступлении. В Ельнинской операции, как и в боях под Смоленском, высоким ратным мастерством, боевыми подвигами, умением навязать противнику свою волю, отражать его массированные удары блеснули и другие стрелковые соединения. Четыре из них 18 сентября 1941 года приказом Наркома обороны № 308 были переименованы в гвардейские [1]. 100-я стрелковая дивизия (командир генерал-майор Н. И. Руссиянов) стала называться 1-й гвардейской ордена Ленина стрелковой дивизией. Далее в приказе говорилось, что указанным соединениям вручаются особые гвардейские знамена.

Главной особенностью этих боевых стягов являлось то, что в центре полотнища находился портрет В. И. Ленина (см. фото). Так впервые официально на Боевом Знамени появилось изображение вождя Коммунистической партии и создателя Советского государства. Образ В. И. Ленина, красный цвет полотнища, лозунги «За нашу Со-

---

* Продолжение цикла статей о традиции верности Боевому Знамени. Начало см. «Военно-исторический журнал», 1978, № 9, 11; 1979, № 1, 3, 5.

[1] Несколько раньше, в августе 1941 года, по решению Ставки ВГК были сформированы восемь полков реактивной артиллерии («катюш»), которые получили наименование «гвардейские минометные полки (ГМП) артиллерии Резерва ВГК».

ветскую Родину» и «Смерть немецким оккупантам» символизировали назначение советской гвардии.

Появление советской гвардии не простое возрождение старой русской гвардии и ее традиций, а качественно новый этап в ее развитии. Из славного прошлого на вооружение бралось лишь то лучшее, чем выделялись гвардейцы: беспримерное мужество, несгибаемая воля к победе, высокое ратное мастерство. В то же время советские гвардейцы являлись преемниками традиций красногвардейцев с их революционным энтузиазмом, самоотверженностью, идейной убежденностью и нормами поведения в бою. Все эти качества, дополненные пламенным советским патриотизмом и готовностью идти на любые жертвы ради коммунистических идеалов, характеризовали облик гвардейца нового типа.

В суровое время, когда гитлеровцы находились на подступах к Москве, состоялось первое вручение гвардейского Знамени 1-й гвардейской танковой бригаде (бывшей 4-й), которой командовал генерал-майор М. Е. Катуков. Она отличилась в октябрьских боях с танковыми войсками фашистского генерала Гудериана, рвавшимися из-под Орла к Москве. Танкисты получили задачу задержать врага на подступах к Мценску и отлично ее выполнили, хотя гитлеровцы имели почти десятикратное превосходство. Используя метод подвижной обороны, действуя из засад, внезапно контратакуя, они больше чем на неделю задержали противника и уничтожили 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов [3]. Потери 4-й танковой бригады исчислялись единицами. 11 ноября 1941 года она была преобразована в гвардейскую и открыла счет подобным частям и соединениям в танковых войсках. На торжественную церемонию вручения Знамени, состоявшуюся 21 ноября, собрать весь личный состав бригады не было возможности: танкисты находились на переднем крае обороны. Для приема гвардейского Знамени подразделения послали представителей — особо отличившихся воинов, показавших в боях подлинное гвардейское мастерство. Получив Знамя, они дали клятву: «Нам выпала историческая задача защищать Москву, преградить путь фашистским захватчикам... раз навсегда отучить от посягательств на нашу Родину. ...С полученным красным знаменем мы без страха пойдем туда, где всего тяжелее; невзирая ни на какие опасности, мы не поддадимся панике, не дрогнем перед врагом и приложим все усилия, чтобы задержать его и истребить. Мы будем мужественно и храбро выполнять свой долг перед Родиной и с честью оправдаем высокое звание гвардейца» [4].

Танкисты сдержали слово. Они вновь отличились в контрнаступлении под Москвой, а в конце

[3] М. Е. Катуков. На острие главного удара. Воениздат, 1976, с. 68.
[4] «Красная звезда», 1941, 22 ноября.

войны Боевое Знамя 1-й гвардейской танковой бригады украшали два ордена Ленина, ордена Красного Знамени, Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого.

Еще в июльские дни «Правда» писала: «Великая сила нашей Родины в том, что героические поступки носят не единичный, а массовый характер, что они тысячи раз повторяются на всем необозримом фронте в стрелковых полках, в авиации, у артиллеристов и танкистов, на боевых кораблях...»[5]. Подтверждением этого явился непрерывный рост числа гвардейских полков, дивизий и бригад, особенно после разгрома гитлеровцев в Московской битве. К концу апреля 1942 года гвардейские Знамена имелись в формированиях всех видов Вооруженных Сил и подавляющего большинства родов войск, что имело огромное мобилизующее значение. Каждый боец и командир считал делом чести заслужить звание гвардейца, стремился стать мастером своего дела, показать лучшие боевые качества в схватках с врагом.

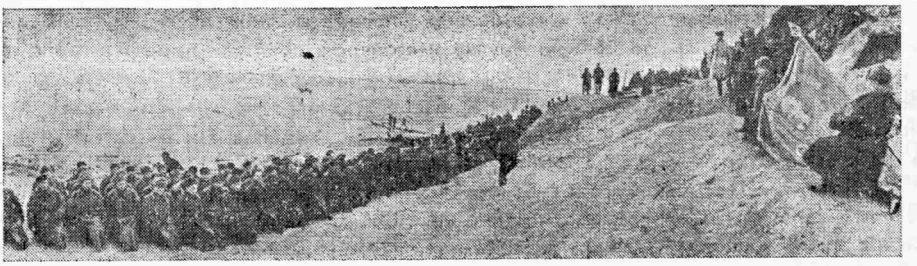
Важной вехой в истории советской гвардии стало введение 21 мая 1942 года отличительных воинских званий (гвардии красноармеец, гвардии лейтенант и т. д.), а также особого нагрудного знака «Гвардия»[6]. Изображенные на нем красное знамя, лавровый венок и пятиконечная звезда как бы символизировали гвардейское Боевое Знамя и напоминали бойцам об их принадлежности к лучшим частям Красной Армии. Производство в гвардейцы проходило торжественно. Воинам, проявившим доблесть в боях, перед строем вручался нагрудный знак, и они давали клятву верности гвардейскому Знамени.

Постепенно складывались и торжественные ритуалы вручения гвардейских знамен. На это торжество командование стремилось собрать по возможности весь личный состав. Представители Народного комиссариата обороны вручали знамена от имени Президиума Верховного Совета СССР, оглашали приказ Наркома о преобразовании части (соединения) в гвардейскую и обращались с приветственной речью. Так, член Политбюро и секретарь ЦК ВКП(б), член военного совета Ленинградского фронта А. А. Жданов, вручая Знамя 45-й гвардейской стрелковой дивизии, сказал: «Советская гвардия — это цвет нашей армии, ее отборная передовая часть. Советский гвардеец — образец того, какой должна быть вся наша Красная Армия. Гвардеец — храбрый советский воин, достигнувший высокого военного мастерства и неперестающий его умножать. Его характерные черты — беззаветная храбрость, стойкость, упорство. Его любовь к Родине безгранична. Воля его к победе неукротима, ненависть к врагу беспредельна, боевой дух неиссякаем. Гвардеец идет в первых рядах советских воинов, сокрушающих немецко-фашистские войска и освобождающих советскую Родину... Берегите это Знамя как святыню. Это Знамя—Знамя верности Родине, народу... Под этим Знаменем стойко, не зная страха, бейте фашистскую нечисть, умно-

Клятва у гвардейского Знамени в 17-м гвардейском штурмовом авиаполку. Карельский фронт. 1942 г.

[5] «Правда», 1941, 26 июля.

[6] 19 июля 1942 года для плавающего состава гвардейских кораблей Военно-Морского Флота вводились отличительные знаки: для начальствующего состава — нагрудная колодочка, обернутая оранжевой лентой с черными полосами, а для рядового — такая же лента на бескозырке.



Вручение гвардейского Знамени 39-й гвардейской стрелковой дивизии. Январь 1943 г. Сталинград.

жайте славные традиции русской гвардии, совершенствуйте свое боевое оружие. Несите гордо это Знамя вперед, к победе!» [7].

Приняв Знамя, командир части целует край полотнища, становится на колено и произносит клятву от имени всех воинов. Весь строй слушает его коленопреклоненно. Командир передает Знамя знаменосцу, который в сопровождении ассистентов проносит его перед строем. Затем гвардейцы проходят торжественным маршем перед представителями Наркома обороны. Ритуал вручения Знамени вызывал высокие чувства у защитников Родины. Их хорошо выразил поэт Александр Жаров:

Становились бойцы на колени
После боя в торжественный час.
Нам тогда показалось, что Ленин
Называет гвардейцами нас...
С командиром взволнованным вместе
Принимая святыню свою,
Поклялись мы со славой и честью
Пронести ее в новом бою [8].

Пронося со славой и честью воинские знамена на полях сражений, гвардейцы набирались опыта, становились все сильнее. У них складывались свои боевые традиции, заповеди, неписаные законы: «Там, где гвардия наступает, — врагу не устоять»; «Там, где гвардия обороняется, — враг не пройдет»; «Позиция гвардейца — неприступная крепость»; «Гвардия умрет, но без приказа не отступит»; «Гвардия умирает, но не сдается»; «Честь гвардейца — выше смерти». Эти заповеди и законы широко пропагандировались командирами и политработниками, как эстафета передавались от ветеранов молодым воинам, что играло важную роль в морально-психологической подготовке бойцов. Так, в октябре 1942 года в Сталинграде командование 33-й гвардейской стрелковой дивизии после двухмесячных непрерывных боев организовало митинг с представителями частей, посвященный законам гвардии. О том, как они выполняются, рассказали и командиры, и бойцы. Своим опытом поделился гвардии красноармеец П. О. Болото, уничтоживший вместе с тремя однополчанами в одном бою 15 танков [9]. Ярким было выступление командира дивизии коммуниста генерал-майора А. И. Утвенко: «А что такое гвардейское знамя? Оно тогда гвардейское, когда оно осеняет головы людей, совершивших гвардейские подвиги. А что такое гвардейский подвиг?.. Это значит вырвать из рук врага победу даже тогда, когда это кажется почти невозможным. Там, где наступает гвардия, враг не устоит, там, где обороняется гвардия, враг не пройдет, — вот как мы должны понимать слово «гвардия»... Через тяжелые бои мы прошли и тяжелые бои нам предстоят. В этих боях мы должны приумножить славу нашей гвардии» [10].

---

[7] «На страже Родины» (газета Ленинградского фронта), 1942, 6 ноября.
[8] «Во славу Родины» (газета 3-й гвардейской танковой армии), 1943, 6 сентября.
[9] Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1942 г. гвардии младшему сержанту П. О. Болото присвоено звание Героя Советского Союза.
[10] Законы советской гвардии. Воениздат, 1942, с. 4—5, 8.

Неодолимой преградой для врага были в Сталинграде гвардейские части и соединения. Особенно высокую боевую выучку и стойкость показали прославленные 13, 35 и 39-я гвардейские дивизии. Гвардейцы мужественно сражались за каждую улицу, каждый дом. И как священный памятник беспримерного героизма в городе для потомков сохранена надпись: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Родимцева. Выстояв, мы победили смерть». На них равнялись другие защитники волжской твердыни.

Доблесть и героизм, высокое боевое мастерство бойцов и командиров стали массовым явлением, и не случайно именно со Сталинградом связано рождение гвардейских армий, многих механизированных и танковых корпусов. После битвы на Волге этого почетного звания удостоены шесть общевойсковых армий, а всего — 183 части, соединения и объединения [11].

В июне 1943 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ об утверждении образцов, описания и Положения о Красных знаменах гвардейских армий и корпуса (см. нижнее фото на с. 65) [12]. В Положении говорилось, что гвардейское Красное знамя обязывает личный состав гвардейских армий и корпусов быть образцом для всех других частей и соединений Красной Армии, указывалось, что оно всегда должно находиться со штабом армии или корпуса.

Создание крупных гвардейских формирований знаменовало новый этап в строительстве Советских Вооруженных Сил и свидетельствовало об их возросшей мощи. Ставка ВГК возлагала на гвардейские соединения и объединения большие надежды и требовала использовать их на направлении главных ударов при наступлении, а в обороне — для нанесения решительных контрударов. И гвардейцы оправдали это доверие.

Для большего подъема морального духа, создания наступательного порыва воинов командование гвардейских частей и соединений использовало вдохновляющую силу Боевых Знамен. Перед началом крупных операций они выносились к личному составу. В 8-й гвардейской армии (командующий генерал-полковник В. И. Чуйков) перед Берлинской операцией партийный актив объединения единодушно принял решение: «В ночь накануне наступления все части и соединения выносят на передний край в первую траншею боевые гвардейские знамена, чтобы каждый боец видел, что он идет в этот бой вместе со своими товарищами, бойцами и командирами, со святыней части — боевым Красным знаменем — символом революционных идеалов...» [13]. 16 апреля на рассвете Боевые Знамена были доставлены на передний край. Бойцы клялись у Знамени, что с честью выполнят поставленные задачи. Взвивались в небо осветительные ракеты. На этот раз они были кстати: в их свете Ленин, как живой, смотрел на воинов с алых полотнищ, словно призывая к решительным действиям в заключительном сражении с ненавистным врагом.

В авиационных частях и соединениях гвардейские стяги выносились на поле аэродрома и находились развернутыми в районе старта все время, пока летчики выполняли сложные задания. Так было сделано в 140-м гвардейском штурмовом авиационном полку. Два дня летчики вели штурмовку прорвавшихся вражеских танков и два дня святыня полка вдохновляла их на ратные подвиги.

Отношение к Боевому Знамени как к святыне — одна из характерных черт гвардейцев. И если обстановка в ходе боевых действий складывалась так, что Знамени угрожала опасность, то они шли на любые жертвы, чтобы сохранить его. В июле 1942 года на Закавказском фронте 68-й гвардейский тяжелый артиллерийский полк РГК вел ожесточенные бои. Ответственность за сохранность Знамени командование возложило на секретаря бюро ВЛКСМ части младшего политрука С. И. Овечкина. В районе города Кашары, когда он в сопровождении пятерых воинов ехал на машине, неожиданно появилась большая группа прорвавшихся гитлеровцев. Завязался неравный бой. Наши воины покинули горящую машину, укрылись в строении и заняли круговую оборону. С. И. Овечкин метким выстрелом из нагана уничтожил офицера, возглавившего атаку. Оставив на поле боя 9 трупов, фашисты отошли, но вскоре от-

[11] История второй мировой войны 1939—1945, т. 6. Воениздат, 1976, с. 82.

[12] Полотнища гвардейских знамен корпусов и армий отличались от стягов гвардейских полков и дивизий не только оформлением, но и размером — были на 30 см длиннее.

[13] В. И. Чуйков. Конец третьего рейха. М., «Советская Россия», 1973, с. 185.

крыли огонь, из орудий. Строение рухнуло, погибли гвардейцы Шепов и Янушевич. Оставшиеся в живых решили закопать полотнище, уложенное в сумку от противогаза, и сражаться до последнего патрона, а в последний момент поджечь строение и погибнуть вместе со Знаменем. Однако гитлеровцы, выпустив еще несколько снарядов и разрушив окончательно здание, отошли, посчитав, что все наши воины погибли. Поздно ночью гвардейцы С. И. Овечкин и И. П. Шапошников выбрались из развалин. Десять дней продолжался их трудный путь по тылам врага. Они сумели выйти из окружения и доставили в родной полк Боевое Знамя. С ним 68-й гвардейский тяжелый артполк РГК отличился в боях за город Орджоникидзе, стал Краснознаменным и прошел в парадном строю по Берлину в честь победы над фашистской Германией.

За мужество и верность воинскому долгу командование Закавказского фронта приказом по войскам наградило С. И. Овечкина орденом Красного Знамени.

Советские гвардейцы высоко держали в годы войны честь своих Боевых Знамен и вписали в историю немало ярких страниц. Подвиги двадцати восьми героев-панфиловцев, Александра Матросова, Юрия Смирнова, Алексея Маресьева, Якова Павлова, Александра Покрышкина и многих других получили широкую известность, имели тысячи последователей. К концу войны советская гвардия представляла несокрушимую силу. Под ее знаменами было 17 армий, 82 корпуса, 215 дивизий и большое количество других формирований различных родов войск [14]. На полотнищах этих знамен появлялись почетные наименования «Сталинградские», «Белгородские», «Харьковские», «Киевские», «Минские», «Варшавские», «Будапештские», «Венские», «Берлинские», «Пражские» и многие другие свидетельства славных побед.

Безграничную стойкость, высокое воинское мастерство, массовый героизм гвардейских частей, соединений и объединений Советское правительство отмечало высокими наградами. Например, 8-я гв. стрелковая дивизия в ходе Московской битвы была награждена орденом Красного Знамени, 13-я гвардейская стрелковая дивизия за бои под Сталинградом — орденом Ленина. Старейшее соединение Советских Вооруженных Сил — 55-я гвардейская Иркутская ордена Ленина, трижды Краснознаменная стрелковая дивизия имени Верховного Совета РСФСР первой была награждена орденом Суворова за боевые отличия при разгроме врага под Новороссийском.

Советская гвардия, созданная волею Коммунистической партии в самое трудное для нашей Отчизны время, внесла большой вклад в разгром фашистской Германии и милитаристской Японии. Она покрыла неувядаемой славой свои Боевые Знамена, ее действия стали эталоном ратной доблести, несгибаемой воли к победе, любви и преданности социалистической Родине. «Без этого патриотизма, — указывал в свое время В. И. Ленин, — мы не добились бы защиты Советской республики...» [15]. Слова великого вождя Коммунистической партии, чей образ вдохновлял на подвиги тысячи патриотов, в полной мере можно отнести и к победе советского народа в Великой Отечественной войне.

Гвардейские знамена и в наши дни являются Боевыми Знаменами гвардейских частей и соединений. Воины-гвардейцы в мирное время приумножают их славу, оберегают их честь, но об этом рассказ в последующих статьях.

Старший научный сотрудник ЦМВС СССР ***В. Рыбкина***

[14] Подсчитано по кн.: «Советская Военная Энциклопедия», т. 2. Воениздат, 1976, с. 498.
[15] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 124.

Некоторые уроки и выводы из операций вооруженных сил США и Англии во второй мировой войне

(Материалы для слушателей и курсантов ввузов)

Профессор, доктор военных наук генерал-лейтенант М. КИРЬЯН

ВООРУЖЕННЫЕ силы США и Англии в 1941—1945 гг. провели значительное количество наступательных и оборонительных операций в Северной Африке, в Западной Европе, на Средиземном море и на Тихом океане.

В данной статье некоторые уроки и выводы из военных действий армий США и Англии будут рассмотрены на опыте операций под Эль-Аламейном, в Сицилии, Нормандии, Арденнах и в бассейне Тихого океана.

Операция под Эль-Аламейном. В ходе двухнедельного наступления в конце октября — начале ноября 1942 года британские войска разгромили противостоящую группировку итало-немецких войск под Эль-Аламейном и изгнали их из Египта. В последующие три месяца они заняли территорию Киренаики, Триполитании и достигли границы Туниса. В результате обстановка в Северной Африке и на Средиземном море изменилась в пользу союзников. Эта операция внесла определенный вклад в развитие военного искусства. Заслуживают особого внимания способы достижения внезапности. Поскольку на открытой пустынной местности невозможно скрыть мероприятия по подготовке к наступлению, внезапность обеспечивалась скрытием направления главного удара и времени перехода в наступление. На левом фланге оборудовали район, в котором имитировали сосредоточение танковых войск, соорудили ложные склады, трубопроводы и другие объекты. Все это ввело противника в заблуждение, так как главный удар наносился на правом фланге. Чтобы обеспечить прорыв обороны и развить успех, было создано значительное превосходство над противником в силах и средствах.

На участке прорыва шириной 9 км было сосредоточено свыше 1000 орудий. Из них более половины имели калибр 76 мм и больше. Следует отметить мощную и длительную предварительную авиационную подготовку (20—23 октября). В ходе нее противник понес значительные потери, особенно на аэродромах, коммуникациях и в районах сосредоточения войск. Вместе с тем 20-минутная артиллерийская подготовка должной эффективности не имела. Система огня обороны была подавлена недостаточно, рубеж атаки занят на большом удалении от переднего края, и наступающие войска отстали от огневого вала. Проделывание проходов в минных полях к началу наступления саперы не завершили, и мины снимались уже в ходе наступления. Это замедлило темпы продвижения. Преждевременный ввод в сражение танковых соединений, предназначенных для развития успеха, также не дал должного резуль-

тата. Танковые войска несли большие потери от неподавленной противотанковой артиллерии. Все это вынудило английское командование приостановить наступление и перегруппировать силы до завершения прорыва обороны. Наступление возобновилось лишь 2 ноября после четырехчасовой артподготовки при поддержке корабельной артиллерии и полном господстве авиации. Хотя и в этом случае полностью прорвать оборону не удалось, все же 4-я индийская дивизия сумела вклиниться в оборону на 8 км. В образовавшуюся брешь ввели главные силы для развития успеха, но отсутствие должного опыта в организации преследования и нерешительность командования позволили противнику организованно отводить войска на заранее подготовленные рубежи.

В буржуазной историографии значение операции под Эль-Аламейном сильно преувеличивается. Дж. Фуллер, Б. Питт и другие военные историки считают, что она — «самое решающее сухопутное сражение... союзников»[1] и одна из выдающихся операций, изменивших ход второй мировой войны. Ее даже сравнивают со Сталинградской битвой. Однако это не соответствует действительности. Наступление в этой операции осуществлялось в сравнительно узкой (60 км) прибрежной полосе силами одной армии, поддерживаемой авиацией и военно-морским флотом. Армия Роммеля насчитывала всего 80 тыс. человек, в то время как фашистская группировка под Сталинградом — более 1 млн. Потери немецко-итальянских войск в сражении под Эль-Аламейном составили 55 тыс. человек, 320 танков и около тысячи орудий, а под Сталинградом — более 800 тыс. человек, 2000 танков, 10 тыс. орудий и минометов, 3000 боевых самолетов.

Для проведения **Сицилийской десантной операции** (июль—август 1943 г.) были созданы объединенные англо-американские силы. Сухопутные войска были сведены в 15-ю группу армий. На Сицилии находилась 6-я итальянская армия. В ночь на 10 июля 1943 года началась высадка морских десантов. Из-за слабого сопротивления противника уже в первый день английские войска заняли плацдарм 100 км по фронту и 10—15 км в глубину, американские войска — 3 плацдарма, каждый 12—15 км по фронту и 3—5 км в глубину. В ночь на 12 июля союзники произвели выброску воздушного десанта. К 17 августа остров был очищен от войск противника.

Сицилийская операция готовилась более трех месяцев. Группировка англо-американских войск включала 478 тыс. человек, из которых в первом эшелоне высаживалось 160 тыс. солдат и офицеров, 600 танков, 1800 орудий и 14 тыс. автомашин. Высадку обеспечивали 4000 боевых и 900 транспортных самолетов, свыше 3000 кораблей. Группировка итало-немецких войск на Сицилии насчитывала 255 тыс. человек.

При подготовке операции большое внимание уделялось достижению внезапности. В целях дезинформации противника был разработан ложный план вторжения, где главный удар намечался против войск на Сардинии. Этот план «попал» в руки германского командования, которое провело соответствующую перегруппировку сил. В успехе операции важную роль сыграла предварительная авиационная подготовка. Самолеты наносили удары в течение 50 суток. В результате противник был деморализован и не оказал значительного сопротивления. Тем не менее наступление англо-американских войск велось нерешительно, что позволило немецко-фашистскому командованию эвакуировать из Силиции основную массу войск. Неудачно действовали и воздушные десанты. Двухтысячный десант, выброшенный в районе севернее Джелы, поставлен-

[1] Дж. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. Пер. с англ. М., Изд-во иностранной литературы, 1956, с. 313.

ную задачу не выполнил. Таким образом, несмотря на подавляющее превосходство в силах и средствах, была упущена возможность быстрого исхода итальянской кампании.

Некоторые авторы книг, издаваемых в западных странах, преувеличивают важность высадки и действий союзников в Сицилии, считая, в частности, что они вынудили гитлеровское командование прекратить наступление своих войск под Курском. Так, английский историк А. Ситон в книге «Русско-германская война 1941—1945» утверждает, что после высадки союзников в Сицилии гитлеровское командование стало уделять главное внимание борьбе против них. Автор изданной в ФРГ книги «Вторая мировая война» Л. Грухман пишет, будто 13 июля 1943 года немцы прекратили наступление под Курском, чтобы «перебросить силы в район Средиземного моря». Эти же мысли высказываются и в работах таких буржуазных историков, как А. Кларк, М. Говард, Э. Зимке, Д. Страусон и другие. Однако факты говорят о другом. 10 июля сразу после высадки союзников в Сицилии из ставки Гитлера последовало указание, что операция «Цитадель» будет продолжаться. Окончательное решение о прекращении наступления под Курском было принято лишь 19 июля 1943 года, когда возникла угроза разгрома советскими войсками противника на Орловском выступе. На советско-германском фронте по-прежнему находились основные силы фашистской Германии (72 проц. действующей армии). В течение июля отсюда не было снято ни одной их дивизии, а наоборот, еще одна переброшена сюда с Запада. Все это облегчило высадку и действия союзных войск в Сицилии.

Высадка союзных войск в Нормандии (операция «Оверлорд») и последующее их наступление в Западной Европе осуществлялись в весьма выгодной обстановке. Советская Армия развернула мощное наступление на всем советско-германском фронте, по-прежнему приковывая основные силы вермахта (228 дивизий и 23 бригады). Союзники в течение двух лет откладывали создание второго фронта в Европе и открыли его лишь тогда, когда стало ясно, что Советская Армия сможет одна разгромить фашистскую Германию. То, что они располагали значительным количеством времени и большим превосходством позволило союзникам всесторонне подготовиться к боевым действиям.

Операция «Оверлорд» началась 6 июня 1944 года. За два месяца до высадки была осуществлена предварительная авиационная подготовка. В ночь на 6 июня самолеты союзников нанесли мощные удары по гитлеровской обороне. В период непосредственной авиационной подготовки, продолжавшейся несколько часов, на противника было сброшено 9400 т бомб, затем последовала выброска и высадка трех воздушно-десантных дивизий (на удалении 10—15 км от берега) для содействия высадке войск. К утру 6 июня флот, не встречая сопротивления, вышел в районы развертывания у побережья Франции. Сначала высадились штурмовые группы, потом главные силы. Дивизии действовали на участке 6—10 км, имея в составе первого эшелона 1—2 усиленных полка (бригады). В первый день высадилось 5 пехотных дивизий. В течение 6—12 июня союзные войска объединили плацдармы в один — 80 км по фронту и 17 км в глубину. К концу июня он был расширен до 100 км по фронту и 20—40 км в глубину.

Нормандская операция, положившая начало второму фронту в Европе, явилась самой крупной десантной операцией второй мировой войны. Она внесла определенный вклад в развитие военного искусства. Англо-американскому командованию удалось решить такие проблемы, как скрытность подготовки и внезапность высадки десанта, согласование действий крупных сил флота, сухопутных войск и авиации при высадке, переброска большого количества войск и грузов через Ла-Манш и высадка их

на необорудованное побережье. В обеспечении внезапности решающую роль сыграли умело проведенные мероприятия оперативной маскировки, с помощью которых удалось ввести противника в заблуждение относительно района высадки и скрыть от него время начала десантной операции. Особого внимания заслуживают скрытность разработки плана операции, распространение ложных сведений, периодический выход кораблей в море и их возвращение в порты, имитация высадки «крупного» морского десанта в районах Булони и мыса Антифер, подавление радиотехнических средств противника. Успех высадки во многом определялся подавляющим превосходством союзников над врагом в силах и средствах (по пехоте в 2—2,5 раза, по танкам — в 4—6 раз, по авиации — в 10—20 раз). Для высадки обычно создавались комбинированные оперативные объединения, включающие десантные войска, морские и воздушные силы (кроме стратегических).

Для подавления авиации и нарушения коммуникаций гитлеровцев в Северной Франции авиация союзников в течение нескольких месяцев наносила массированные удары по аэродромам, железнодорожным узлам и пунктам управления. Прикрытие высадки осуществлялось массированными ударами авиации и корабельной артиллерии. Было создано несколько отрядов кораблей огневой поддержки (окоп), каждый из которых включал 1—2 линкора, 4—5 крейсеров и до 10 эсминцев. Их задачей являлось обеспечение высадки морских десантов путем проведения артиллерийской подготовки участка (района) высадки и огневой поддержки действий высаженных войск на берегу. Для авиационной подготовки и поддержки привлекались крупные силы авиации (свыше 11 тыс. самолетов). Подавление противника авиацией и завоевание господства в воздухе позволяли достичь высоких темпов высадки.

Для высадки назначались участки протяженностью 60—100 км для армий, 17—70 км для корпусов, 6—10 км для дивизий. Построение при высадке было следующее: армий — в один эшелон, корпусов — в один-два, дивизий — в два-три эшелона. Подразделения и части грузились на корабли и суда со средствами усиления. Районы высадки выбирались там, где оборона была слабее, а побережье позволяло высаживать десанты на необорудованный берег. Управление десантом осуществлялось либо с береговых командных пунктов, либо с флагманского корабля, где также находились представители командования сухопутных войск и авиации. Обеспечение десантов включало оперативную разведку, оперативную маскировку, материальное и техническое оснащение.

После высадки союзные войска развернули стратегическое наступление в Западной Европе.

Оборонительная операция в Арденнах. В середине сентября 1944 года соединившиеся в районе Дижона 1-я французская армия, наступавшая с юга, американские части, наступавшие с севера, продолжали наступление к германской границе. В ходе боевых действий немецко-фашистскому командованию удалось избежать окружения и не только отвести свои войска, но и перейти в декабре в контрнаступление в Арденнах с целью разгромить союзников в Бельгии и Голландии, вынудить США и Англию заключить сепаратный договор, высвободив тем самым силы для борьбы с Советской Армией. Переход противника в наступление для союзников был неожиданным. Их войска оказались растянутыми по фронту и в глубину. Мощным ударом гитлеровцы в период 16—18 декабря прорвали оборону союзников и к 25 декабря продвинулись на 90 км. Потери союзных войск составляли 77 тыс. человек. Перебросив силы с других направлений, союзное командование нанесло контрудар по наступающей группировке. К концу декабря наступление немцев было приостановлено, однако положение союзников оставалось

тяжелым. В этой обстановке У. Черчилль обратился с посланием к И. В. Сталину с просьбой о помощи. Ускорив начало наступления, советские войска вынудили немецко-фашистское командование перебросить на восточный фронт силы, действовавшие против союзников. Это позволило последним избежать поражения.

К обороне в Арденнах союзники переходили под ударами противника. Группы армий оборонялись в тех полосах, в которых они вели наступление (200—400 км), имея одноэшелонное построение и резерв из 3—6 дивизий. Полевые армии строились в два эшелона (по две-три дивизии). Глубина оперативного построения группы армий достигала 100 км, полевой армии — 50 км. Тактическая глубина обороны состояла из отдельных опорных пунктов, в инженерном отношении она была оборудована слабо. В оперативной глубине создавались промежуточные оборонительные рубежи. Наступление вражеских войск отражалось сначала ударами авиации, затем артиллерией и пехотой. Стратегическая авиация наносила удары в основном по аэродромам. Для предотвращения дальнейшего вклинения войск противника в глубину обороны к участку прорыва с других направлений было переброшено 15 дивизий.

Благоприятная обстановка, созданная активными действиями Советской Армии, позволила союзникам до 10 марта 1945 года силами 21-й группы армий очистить от гитлеровцев пространство между Рейном и Маасом, выйти к Руру и в начале апреля завершить окружение 325-тысячной группировки врага, которая вскоре капитулировала. Продолжая практически беспрепятственно продвигаться, союзники во второй половине апреля — начале мая достигли Эльбы, где встретились с войсками Советской Армии.

* * *

Наступательные операции, проведенные англо-американскими вооруженными силами в Западной Европе, — наиболее значительные операции, осуществленные ими на континентальном ТВД во время второй мировой войны. Наступление велось на широком фронте и на большую глубину. Успешному продвижению союзных войск способствовало слабое сопротивление противника и отсутствие у него сильной глубокой обороны. В таких условиях войска союзников действовали обычно в одном стратегическом эшелоне при наличии резервов групп армий (несколько дивизий). В первых эшелонах армии обычно находилось по два корпуса, во вторых — по одному. Боевой порядок их строился в 2—3 эшелона. Бронетанковые дивизии и бригады располагались чаще во втором и третьем эшелонах корпусов. Направления главных ударов выбирались с таким расчетом, чтобы они по кратчайшему пути выводили к важным экономическим и политическим центрам. На них сосредоточивалось до 2/3 сил и средств и почти вся авиация.

Перед началом наступления проводилась авиационная подготовка (предварительная и непосредственная). В ходе предварительной подготовки, длившейся 5—10 суток, тактическая авиация наносила удары по объектам противника на глубину до 300 км, а стратегическая — до 500 км. Во время непосредственной подготовки, проводимой в течение 5—6 часов перед атакой главных сил, наносились удары по главной полосе обороны на участке прорыва (плотность до 300 т бомб на 1 км фронта прорыва). Артиллерийская подготовка (плотность 100—120 орудий и минометов на 1 км фронта) проводилась от 30 минут до нескольких часов. Поддержка атаки осуществлялась последовательным сосредоточением огня или огневым валом на глубину 2—4 км. Далее артиллерия переходила к сопровождению пехоты и танков.

Наступательная операция группы армий обычно начиналась фронтальными ударами на одном-двух направлениях силами полевой армии.

Прорыв тактической зоны осуществляли пехотные соединения при поддержке танков, артиллерии и авиации. После прорыва тактической зоны удары развивались либо по параллельным, либо по расходящимся направлениям. Бронетанковые дивизии вводились для развития успеха в глубину как самостоятельно, так и совместно с пехотными. В ходе развития успеха бронетанковые соединения отрывались от пехотных на несколько десятков километров, в связи с чем для управления 2—3 дивизии объединялись во временные корпусные группы. При развитии наступления широко применялись обходы и охваты. Характерной особенностью наступления являлось стремление к полному огневому подавлению обороны противника. При малейшем его сопротивлении пехота и танки останавливались и огневое поражение возобновлялось. Размах операции составлял: группы армий — 120—250 км по фронту и 120—360 км в глубину; полевой армии — 50—150 км по фронту и 60—200 км в глубину. Средние темпы наступления достигали 5—10 км в сутки.

В ходе наступления союзные войска преодолевали ряд значительных водных преград. Чаще всего они форсировались с планомерной подготовкой. В отдельных случаях войска захватывали плацдармы с ходу. Наибольший интерес представляет форсирование Рейна. Для этого была проведена большая подготовка. С целью обеспечения внезапности практиковалась имитация ложных участков, тщательно скрывались истинные участки, куда сосредоточивались переправочные средства. Части и подразделения проходили специальную подготовку. Перед форсированием проводилась авиационная и артиллерийская подготовка. Форсирование Рейна на различных направлениях осуществлялось по-разному: части 1, 3 и 7-й американских армий с ходу захватили несколько плацдармов, которые затем расширили и использовали для переправ главных сил. На других участках форсирование осуществлялось с планомерной подготовкой. Так, в полосе 2-й английской армии оно проводилось после часовой артиллерийской подготовки 23 марта, а к утру 24 марта части 30-го корпуса захватили плацдарм глубиной до 4 км, который затем использовали главные силы.

В ходе стратегического наступления союзников широкое применение нашли воздушные десанты, высаживаемые с целью содействия сухопутным войскам путем захвата и удержания важных объектов и рубежей в глубине расположения противника; содействия высадке морских десантов (Сицилийская операция 1943 г., Нормандская операция 1944 г.); расширения захваченных плацдармов (Рейнская операция 1945 г.); дезорганизации тыла, срыва мобилизационных мероприятий.

Состав десантов: воздушно-десантная дивизия — армия. Глубина высадки зависела от целей операции. При содействии высадке морских десантов она составляла 15—20 км, при содействии наступлению сухопутных войск и решении задач по дезорганизации тыла — до 100 км и более. Высадка осуществлялась чаще ночью, реже днем (при дневной высадке труднее достигалась внезапность, но значительно большими были кучность и организованность действий десантов). Она обеспечивалась мощными авиационными ударами. Десантирование осуществлялось обычно несколькими рейсами. Так, например, в наиболее крупной воздушно-десантной операции — Арнемской — первым рейсом десантировались первые эшелоны трех дивизий, выбрасываемые одновременно в течение полутора часов в трех районах на глубине 30, 60 и 100 км, вторым рейсом — вторые эшелоны дивизий, выбрасываемые в течение двух часов. Сразу после высадки начинались боевые действия. Воздушные десанты действовали от нескольких часов (на Сицилии) до нескольких суток (в Нормандии и Голландии).

Военно-воздушные силы США и Великобритании, кроме участия в операциях сухопутных войск, широко использовались самостоятельно для нанесения ударов по важнейшим центрам Германии. Главной их задачей было завоевание господства в воздухе, без которого не проводилась ни одна операция. Основными способами завоевания господства являлись удары по аэродромам и воздушные сражения. ВВС прикрывали ударные группировки с воздуха, обеспечивали прорыв обороны противника, отражение контрударов, ввод в сражение вторых эшелонов и резервов, вели воздушную разведку, воспрещали маневр и подход резервов противника, нарушали его коммуникации. Авиации принадлежала главная роль в подавлении обороны. Обычно в интересах группы армий действовала воздушная армия. В ходе наступления в Западной Европе практиковалось закрепление полка истребителей-бомбардировщиков за танковой дивизией [2].

В налетах на территорию Германии главная роль отводилась стратегической авиации. Для этих целей в Англии было создано специальное бомбардировочное командование, а в составе ВВС США — стратегические воздушные армии. При этом основной объем задач выполняли бомбардировочная авиация Англии и стратегическая авиация США, действовавшая с английских (8 ВА) и итальянских (15 ВА) аэродромов. После высадки в Нормандии в стратегических бомбардировках принимала участие и тактическая авиация. Соединения стратегической авиации наряду с ударами по городам и промышленным объектам принимали также участие в непосредственной поддержке сухопутных войск и флота.

* * *

Наступление на Тихоокеанском ТВД велось на большом пространстве в несколько тысяч километров по фронту и в глубину преимущественно военно-морскими и военно-воздушными силами, а также сухопутными войсками, которые использовались при высадке десантов для захвата островов и военно-морских баз. Десантные операции до 1943 года носили оперативно-тактический характер. Они преследовали цель осуществить последовательно вытеснение японских войск из захваченных ими районов. Значение этих действий заключалось в создании благоприятных условий для последующего наступления в Юго-Восточную Азию и непосредственно в Японию.

Наиболее крупной десантной операцией 1945 года стала Окинавская, на примере которой кратко рассмотрим некоторые черты военного искусства. Окинавская операция («Айсберг») американских войск проводилась с 25 марта по 21 июня 1945 года. Целью ее являлись выход на ближние подступы к Японии и создание благоприятных условий для последующего вторжения на ее территорию. К операции привлекалась 10-я армия (452 тыс. человек), 5-й флот, 57-е и 58-е авиационные соединения, два соединения плавучего тыла (всего 1500 кораблей, 1727 самолетов). Кроме того, в операции участвовало 700 самолетов стратегической авиации.

Высадка непосредственно на Окинаву началась 1 апреля 1945 года после мощной авиационной и артиллерийской подготовки. К исходу дня было высажено 60 тыс. человек и переправлено большое количество танков и артиллерии. Через 5 дней американские войска овладели центральной частью острова. Затем наступление затормозилось, и только 21 июня организованное сопротивление японских войск было прекращено. Хотя эта операция — последняя десантная операция второй мировой войны, она не отличалась высоким искусством. Несмотря на то что перед высадкой предварительно подавили японскую авиацию и оборону

[2] Дж. Фуллер. Указ. соч., с .433.

на Окинаве, а сама высадка проходила в условиях отсутствия противодействия противника, при подходе к главной полосе наступление затормозилось. Чтобы захватить весь остров при 4—6-кратном превосходстве в силах и средствах, потребовалось около трех месяцев. Значительный урон американскому флоту нанесла японская авиация.

Десантные операции меньшего масштаба на Тихом океане проводились несколькими дивизиями при поддержке крупных сил авиации и флота. Для них также была характерна длительная подготовка, создание значительного превосходства над врагом, увязка действий сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил при переходе, высадке десантов и действиях на берегу. Выявилась важная роль авианосной авиации, широко привлекаемой для обеспечения высадки десантов. Недостаток полевой артиллерии компенсировался при высадке и действиях на берегу огнем корабельной артиллерии. Высадка войск обеспечивалась авиационной и артиллерийской подготовкой. Вместе с тем наступление велось в низком темпе. Причинами этого были сложные условия местности, вынуждавшие двигаться, как правило, вдоль дорог, отсутствие опыта боевых действий в джунглях, сопротивление, оказываемое японскими солдатами, нерешительность и осторожность в действиях командиров и солдат. Специфика местности исключила возможность широкого применения танков. Положительно зарекомендовали себя такие новые средства борьбы, как реактивные снаряды, радиолокационное оборудование и др.

* * *

Анализ военных действий западных союзников в годы второй мировой войны показывает, что стратегические концепции англо-американцев обусловливались политическими целями. Так, например, после открытия второго фронта они стремились сломить сопротивление немецко-фашистских войск и опередить советские войска для того, чтобы первыми вступить в страны Центральной Европы и укрепить свои позиции в них. На Тихом океане наряду с разгромом японских войск они осуществляли разоружение сил внутреннего сопротивления, стремясь тем самым установить в освобождаемых странах угодный для себя режим.

В военной области эти действия обогатили военное искусство их вооруженных сил целым рядом способов и приемов, не утративших своего значения и сегодня. Особенно следует отметить опыт коалиционного руководства вооруженными силами, согласования действий формирований различных видов вооруженных сил и родов войск, всесторонней подготовки и обеспечения операций, достижения внезапности. Получен большой опыт подготовки и ведения морских десантных операций.

К слабым сторонам военного искусства армий союзников относятся весьма длительные сроки подготовки операций, стремление создать абсолютное превосходство в силах над противником, большая продолжительность авиационной подготовки, недостатки в организации взаимодействия пехоты, танков, артиллерии и авиации при прорыве обороны противника, низкое искусство организации преследования, отсутствие должного маневра силами на главные направления.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СОВЕТСКИХ ВОИНОВ В 1941—1942 гг.

(По опыту Войск ПВО страны)

С НАЧАЛОМ Великой Отечественной войны вся деятельность политорганов и партийных организаций Войск ПВО страны, как и всех Советских Вооруженных Сил, была перестроена и направлена на усиление идейной закалки воинов, на то, чтобы как можно доходчивее разъяснить им сложившуюся обстановку, справедливый, освободительный характер и благородные цели войны со стороны Советского государства, усилить работу по воспитанию у личного состава ненависти к врагу, железной стойкости, мужества и героизма, самоотверженности и боевой активности, самообладания и умения сохранять выдержку и спокойствие в самых сложных условиях. В период, когда противник наступал, это было особенно важно.

Решая эту задачу, командиры, политические отделы и партийные организации руководствовались ленинским учением о защите социалистического Отечества, важнейшими документами Коммунистической партии и Советского правительства, Главного политического управления Красной Армии, принятыми в первые месяцы войны, и прежде всего такими, как Заявление Советского правительства от 22 июня 1941 года, директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, выступление по радио Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина 3 июля 1941 года, ряд директив ГлавПУ РККА, определивших основные направления перестройки и конкретное содержание организационно-партийной и идеологической работы в связи с нападением на нашу Родину фашистской Германии.

В целях подавления боевого и морального потенциалов Красной Армии и советского народа гитлеровское командование использовало мощную авиационную группировку. Только на московском направлении было сосредоточено 1600 боевых машин, а для бомбардировки непосредственно Москвы выделена авиационная группа из 300 бомбардировщиков новейших типов, укомплектованная лучшими кадрами [2].

Разъясняя воинам всю глубину опасности, нависшей над Родиной и ее славной столицей, командование и политотдел 1-го корпуса ПВО, оборонявшего Москву, обратились к личному составу соединения с воззванием, в котором говорилось: «Партия и правительство возложили на нас, зенитчиков-артиллеристов, вносовцев, аэростатчиков и прожектористов, почетную обязанность — охранять Москву — сердце страны социализма, штаб мировой социалистической революции. Выполнение этой великой задачи является делом чести, доблести и геройства каждого бойца, командира и политработника нашего соединения... Будьте же начеку, сыны советского народа! Враг может появиться неожиданно, в любую минуту! Смерть взбесившимся фашистским гадам!» [3].

Политическое управление Московского фронта ПВО (начальник генерал-майор С. С. Новаев), политорганы соединений и

---

[2] На страже неба столицы. Воениздат, 1968, с. 93—94.

[3] ЦАМО, ф. 741, оп. 276293, д. 15, лл. 163—164.

частей усилили внимание к подготовке агитаторов и пропагандистов, потребовали от замполитов оперативнее доводить до личного состава наиболее важные газетные материалы. Учитывая специфику службы зенитчиков, их большую разбросанность по точкам и постам, было принято решение организовать ежедневное слушание ими последних известий и сводок Совинформбюро по радио. В подавляющем большинстве землянок появились репродукторы. В зенитно-артиллерийских частях, например, процент охвата расчетов радиофикацией составил 90—100 [4].

Используя наиболее эффективные формы партийно-политической работы, командиры, политорганы, партийные и комсомольские организации стремились к утверждению у воинов высокого чувства ответственности за защиту своей Родины. В Московском фронте ПВО для этой цели наряду с другими мероприятиями использовались, где это было возможно, красноармейские собрания. С докладами на них выступали генералы и офицеры политуправления и штаба фронта, руководящий состав частей и подразделений. Собрания оказывали огромное воздействие на личный состав, вызывали у него прилив энтузиазма, мобилизовывали военнослужащих на самоотверженное выполнение своего воинского долга.

В Ленинградской армии ПВО вопросы идейного воспитания личного состава, а также воинской чести и доблести широко поднимались на страницах газеты «Защита Родины». Регулярно печатая материалы о воинах ПВО, она всегда помещала их под броскими, крупно набранными шапками. Например: «Ежели не сбил ты фрица, чем будешь ты гордиться?», «Герой-зенитчик только тот, кто сбил немецкий самолет!» [5].

Гордость за свою часть, свой род войск воспитывали у воинов талантливо написанные армейскими самодеятельными поэтами и композиторами, служившими в Ленинградской армии ПВО, марши и песни вносовцев, зенитчиков, 110, 84 и 43-й зенитно-артиллерийских бригад. Они исполнялись на концертах художественной самодеятельности, в строю, поднимая моральный дух личного состава в сложной блокадной обстановке.

Огромное воздействие на воинов оказывали письма-обращения трудящихся блокадного Ленинграда к зенитчикам. Так, работницы фабрики «Большевичка» писали: «Товарищи бойцы! Будьте стойки в бою и помните о нас...» В своем ответе зенитчики заверили: «Мы клянемся, что на подступах к нашему славному городу злобный и коварный враг получит сокрушительный удар и будет уничтожен» [6].

Политотдел Ладожского дивизионного района ПВО (начальник полковник Н. К. Карташов) и партийно-политические работники входивших в него частей в своей повседневной практической деятельности первостепенное внимание уделяли воспитанию у личного состава непоколебимой веры в нашу победу, направляли энергию и силу воинов на отпор врагу, заботились о дальнейшем укреплении дисциплины, повышении бдительности. В войсках велась широкая пропаганда ленинских идей о защите социалистического Отечества, всесторонне и глубоко разъяснялись справедливый характер войны со стороны СССР, преимущество социалистического строя перед капиталистическим. В устных и печатных выступлениях умело использовались богатейшие материалы из героического прошлого нашей Родины, революционные, боевые и трудовые традиции советского народа. К агитационно-пропагандистской работе политотдел привлекал и комсомольский актив. На 1 января 1942 года ее вели 585 человек (290 коммунистов, 250 комсомольцев и 45 беспартийных), а ровно через год это число увеличилось до 1448 (813 коммунистов, 407 комсомольцев и 228 беспартийных) [7]. Это позволяло политотделу района обеспечивать повседневное политическое влияние на личный состав большого количества зенитных батарей, прожекторных, вносовских и пулеметных расчетов, разбросанных на большой территории.

Особое внимание политотдел уделял тем подразделениям и частям, которые решали наиболее сложные и ответственные задачи. Так, например, когда 251-му отдельному зенитно-артиллерийскому дивизиону в мае 1942 года была поставлена боевая задача прикрыть от ударов с воздуха перевалочную базу Кобона, слу-

[4] ЦАМО, ф. 218, оп. 40939, д. 4, л. 103.
[5] Там же, ф. 285, оп. 708738, д. 3, л. 31.
[6] На защите города Ленина. Л., 1966. с. 302.
[7] ЦАМО, ф. Ладожск. р-на ПВО, оп. 31072, д. 3, лл. 104—105.

жившую одним из основных пунктов снабжения Ленинграда через Ладожское озеро, в эту часть была направлена группа работников политотдела района в составе батальонного комиссара В. Белова, старших политруков К. Козлова, И. Соколовского. Вместе с офицерами дивизиона И. Каганом, М. Козловым, Н. Суриным, С. Исаченко и другими они довели боевую задачу до всего личного состава, разъяснили важность ее успешного выполнения, проинструктировали руководителей групп политических занятий, агитаторов, парторгов и комсоргов батарей об особенностях работы в новом районе, а также организовали передачу опыта лучших орудийных расчетов комсомольцев А. Гришина, имевшего к этому времени на счету 8 сбитых вражеских самолетов, и С. Гуськова, уничтожившего накануне 2 самолета противника. Представители политотдела помогли командованию и партполитаппарату дивизиона в организации партийно-политической работы с только что прибывшим пополнением бойцов-девушек. Это позволило быстрее ввести их в строй. По рекомендации В. Белова и К. Козлова многим отличникам-комсомольцам поручили оказать индивидуальную помощь девушкам в овладении боевыми специальностями. Среди них — лучшие бойцы и младшие командиры дивизиона Рябков, Попов, Булышов, Волков, Белоусов, Кирьянов, Благодатных, Титовец, Староверов, Лях, Шнуряев, Кутовой, Мизрали [8].

Эти и другие меры помогли подготовить воинов к трудным и напряженным боям. За период обороны Кобоны 251-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион успешно отразил 221 дневной и 38 ночных налетов немецко-фашистской авиации, сбил 30 вражеских самолетов [9]. А впоследствии за образцовое выполнение боевых заданий он был преобразован в гвардейский.

Опыт войны убедительно показал, что морально-политическая и психологическая стойкость личного состава крепче там, где сильнее партийное влияние на воинов, где имеются полнокровные и боеспособные партийные организации. В условиях когда роты и батареи, расчеты и посты Войск ПВО страны в большинстве своем решали боевые задачи, будучи значительно рассредоточенными, особое внимание уделялось росту партийной прослойки в подразделениях. Постановлением ЦК ВКП(б) от 15 июля 1941 года был установлен новый порядок рассмотрения дел по приему в партию в частях ПВО. Принятый документ давал право вопросы о приеме рассматривать и решать на заседании бюро первичной партийной организации и утверждать партийной комиссией, минуя собрание первичной парторганизации [10], что способствовало более оперативному укреплению партийных организаций.

Многие части укреплялись также коммунистами, прибывающими в армию из народного хозяйства. Они сыграли важную роль в усилении морального духа личного состава, особенно в самые трудные месяцы войны. Но основным источником усиления партийных организаций Войск ПВО страны являлся прием в партию лучших, отличившихся в боях воинов. Став коммунистами, передовые бойцы и командиры стремились еще лучше сражаться с врагом.

В целом в Войсках ПВО страны к концу войны по сравнению с ее началом количество коммунистов выросло почти в 10 раз, а партийная прослойка среди личного состава увеличилась с 4,5 до 24 проц. Уже к концу второго года войны, например, в частях Московского фронта ПВО более чем 80 проц. отдельно расположенных расчетов и постов зенитно-пулеметных установок, прожекторных станций, постов ВНОС имели в своих составах коммунистов [11]. Это помогло резко поднять боеспособность и боеготовность подразделений.

Большое значение для воспитания у летчиков-истребителей ПВО высоких морально-боевых качеств имели летно-тактические конференции. С начала 1942 года они прочно вошли в жизнь, стали одним из важных средств глубокого изучения передового опыта и передачи его всему летному составу. Подготовка их всегда сопровождалась тщательным анализом проведенных воздушных боев. С докладами на конференциях выступали, как правило, командиры соединений и частей.

[8] ЦАМО, ф. 36 гв. озад, оп. 42103, д. 1, лл. 144—153.

[9] Там же, ф. Ладожск. р-на ПВО, оп. 708628, д. 3, лл. 101—102.

[10] См. «Военно-исторический журнал», 1976, № 1, с. 88.

[11] ЦАМО, ф. 72, оп. 12310, д. 1108, лл. 21—28.

Кроме того, в обязательном порядке с обменом опытом проведения воздушных боев выступали летчики, добившиеся высоких боевых результатов.

Летом 1942 года в 101-й истребительной авиадивизии ПВО, например, были проведены три летно-тактические конференции [12]. К сентябрю 1942 года конференции по обобщению и всестороннему обсуждению боевого опыта, накопленного в 1941—1942 гг., прошли во всех частях и соединениях истребительной авиации. Они подытожили положительные результаты, вскрыли недостатки каждого боевого вылета и наметили пути улучшения боевой работы и воспитания у летчиков высокой активности и стойкости в бою.

Формированию психологической устойчивости воинов ПВО способствовали многочисленные тренировки и учения войск, штабов, командных пунктов, боевых подразделений, совместные учения и тренировки зенитных, авиационных и прожекторных частей в ночных условиях, которые максимально приближались к обстановке реального боя. Только в 1942 году в Московском фронте ПВО было проведено со штабами истребительной авиации 86 тренировочных занятий. По тревоге поднимались: эскадрильи — 131 раз, авиаполки— 47 раз [13]. Основное внимание партийно-политического аппарата на этих занятиях было направлено на повышение боевого мастерства воинов, воспитание у них уверенности в силе своего оружия, собственного превосходства над противником и стремления к наращиванию силы ударов по нему. Эта работа давала свои плоды. С каждым годом войны менялось соотношение сбитых летчиками Войск ПВО страны вражеских самолетов к своим потерянным. Так, в 1941 году оно было 1,7 : 1 в нашу пользу, в 1942 году — 2,5 : 1, а к концу войны стало 7 : 1 [14].

Грозным оружием летчиков ПВО, свидетельством их высоких морально-боевых и политических качеств с первых дней войны стал воздушный таран. Когда исчерпывались все другие способы уничтожения противника, они решительно применяли это крайнее средство. К такому шагу их побуждали долг перед Родиной, высокое сознание личной ответственности за охраняемые объекты.

Политорганы многое делали для того, чтобы опыт асов воздушного боя становился достоянием всех авиаторов ПВО. Командующий истребительной авиацией ПВО в директиве от 6 апреля 1942 года подчеркивал: «1. Тарана фашисты невероятно боятся. Таким образом, каждый случай тарана, помимо уничтожения самолета и экипажа противника... служит средством сильного морального воздействия на остальных фашистских летчиков... 2. Таран — форма боя, применяемая только советскими летчиками и основанная на беззаветной преданности своему народу, на трезвом расчете, на умении, хладнокровии, быстроте решения, сообразительности и летном искусстве наших истребителей... Таран является актом величайшего героизма и самоотверженности, но отнюдь не актом самопожертвования. Таран надо уметь делать и, следовательно, тарану надо учить» [15].

Поэтому совершенствованию боевого мастерства постоянно уделялось большое внимание. Уже в то время на вооружении частей ПВО находились автоматические и полуавтоматические зенитные пушки, радиолокационные станции, прожекторные установки, другая сложная боевая техника. Все это требовало прочных знаний, навыков и умения, обеспечивающих успешное использование в бою сложной техники. На это были направлены основные усилия в ходе боевой подготовки, которая проводилась в промежутки между выполнением боевых задач.

Большое значение для поддержания высокого морального духа имел личный пример командиров и политработников частей и подразделений Войск ПВО страны, который они показывали в бою. Вот несколько тому свидетельств. На боевые порядки 732-го зенитного полка ПВО, оборонявшего Тулу, враг бросил много танков, мотопехоты и попытался с ходу овладеть городом. Наибольшее напряжение в этом бою выпало на долю бойцов и командиров 6-й батареи. Зенитчики стояли насмерть, прочно удерживая свои позиции. За одно из орудий, расчет которого полностью вышел из строя, встал командир взвода лейтенант Г. Волнянский. Он уничтожил два вражеских танка, но сам при этом погиб

[12] ЦАМО, ф. 112, оп. 12283, д. 18, л. 217.
[13] Д. А. Журавлев. Огневой щит Москвы. Воениздат, 1972, с. 208—209.
[14] ЦАМО, ф. 112, оп. 12283, д. 27, л. 1.
[15] ЦАМО, ф. 112, оп. 12283, д. 5, лл. 2—4.

смертью героя. На какое-то мгновение на батарее возникло замешательство. Комиссар батареи политрук М. Сизов, заменив погибшего командира, возглавил подразделение и обеспечил успешное завершение боя. Враг отступил, оставив на подступах к батарее 12 уничтоженных танков [16].

Примером мужества, стойкости и отваги в боях служили также батальонные комиссары А. Горшков, Н. Ходырев, старшие политруки М. Десятниченко, Н. Чепуренко, политрук Ю. Герасимов и многие другие. Они храбро сражались с врагом и вели за собой остальных летчиков. Только за первые пять месяцев войны военные комиссары 6-го авиакорпуса ПВО участвовали в 189 воздушных боях, 97 штурмовках наземного противника и сбили за это время 22 вражеских самолета [17]. Отличились в боях с врагом политработники и других авиационных частей ПВО. Лучшие из них — заместитель командира 907-го истребительного авиаполка по политической части капитан В. Башкиров и военком эскадрильи 740-го авиаполка ПВО политрук А. Годовиков — удостоены высокого звания Героя Советского Союза.

Подвиги воинов широко пропагандировались. Это тоже имело большое воспитательное значение, способствовало развитию у авиаторов боевой инициативы, укрепляло веру в то, что каждый может и должен биться с врагом так, как его товарищи — герои.

В послевоенные годы роль противовоздушной обороны неизмеримо возросла. Увеличился удельный вес Войск ПВО, вследствие оснащения современными средствами борьбы изменилось качественное состояние. Противовоздушная оборона стала ныне одним из важнейших факторов обеспечения обороноспособности Родины. Войска ПВО в тесном взаимодействии со всеми другими видами Советских Вооруженных Сил призваны обеспечить отражение ударов воздушного противника в любой, самой сложной обстановке.

Рассмотренный выше некоторый опыт морально-политической и психологической подготовки воинов ПВО в первые годы Великой Отечественной войны не потерял своего значения и в современных условиях. В комплексе качеств, которыми должен обладать личный состав Войск ПВО страны в современных условиях, все большее место занимают высокий моральный дух, коммунистическая убежденность воинов, их вера в правоту нашего дела, глубокое понимание политики Коммунистической партии, исторического предназначения и задач Советских Вооруженных Сил, мужество, смелость, психологическая устойчивость, физическая закалка. «Советские Вооруженные Силы, — указывает Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов, — всегда были школой политической закалки, мужества, приобретения высоких моральных качеств, воинского мастерства. Ныне эта их черта стала еще более значимой. Военная служба помогает успешно решать одну из важных задач партии — формирование сознательного строителя и защитника нового общества» [18].

Кандидат исторических наук
полковник ***В. Черемисов***

[16] ЦАМО, ф. 72, оп. 12274, д. 305, л. 92.
[17] Д. А. Журавлев. Указ. соч., с. 63.
[18] Д. Ф. Устинов. Избранные речи и статьи. М., Политиздат, 1979, с. 315.

армий генералов Батова и Романенко, авангардом которых сейчас является 170-я стрелковая дивизия» (с. 115—116). В этой книге есть и такие строки о создании подвижного авангарда армии: «Из штаба Берзарина сообщают: «Пабьянице, закупоренная вашими летчиками, перешла в руки подвижного авангарда нашей армии» (с. 150). Общевойсковую армию А. Федоров называет то «полевой армией» (с. 149), то «наземной армией» (с. 119), а командарма «командующим наземной армией» (с. 170).

В брошюре «Из племени отважных»[5] этот же автор прибегает к термину «авангардные силы армии» (с. 49), предоставляя читателю полную свободу трактовки этого понятия по своему разумению. Ни в уставах и наставлениях, ни в практике боевых действий войск в годы войны не были отмечены случаи выделения авангарда из общевойсковых или танковых армий. Такие «новшества» — результат слабого знания некоторыми авторами элементарных основ тактики и оперативного искусства. Этим только и можно объяснить, что стрелковые полки, наступающие в первом эшелоне дивизии, названы в книге «7000 километров в боях и походах»[6] «авангардом» «Наши части, — пишет Н. К. Смольный, — настойчиво продвигались вперед. В авангарде наступали 569-й и 575-й стрелковые полки, усиленные дивизионами 1036-го артиллерийского полка и батареями...» (с. 49—50).

В книге «Военные моряки в битвах за Москву»[7] автор вводит в боевой порядок обороняющихся войск «головные части». Он пишет: «В это время за спиной головных частей... развертывались войска, способные сорвать наступление гитлеровцев...» (с. 70).

Боевые действия советских войск в 1941 году организовывались в соответствии с требованиями Временного Полевого устава РККА 1936 года[8]. В нем указывалось, что при подготовке обороны вне соприкосновения с противником впереди оборонительной полосы создается полоса инженерно-химических заграждений, обороняемая передовыми отрядами.

В книге Г. В. Терновского говорится о каких-то «противотанковых огневых пунктах» (с. 38). Но при организации противотанковой обороны в годы минувшей войны создавались не противотанковые огневые пункты, а опорные пункты, противотанковые узлы и противотанковые районы.

В соответствии с проектом Полевого устава в наступательном бою корпусу, дивизии (бригаде) назначаются полосы наступления. Есть авторы, которые не руководствуются этим положением. Так, в книге «В небе — «Петляковы»[9] А. Г. Федоров, рассматривая действия авиации в боях за Познань, вводит понятие «зоны наступления». Он пишет: «Чтобы сдержать наступление Советской Армии, гитлеровское командование требовало от гарнизонов городов и крепостей в зонах нашего наступления оставаться на местах» (с. 120). Что понимает автор под «зоной наступления»? Как он представляет действия наступающих войск в этой зоне? Ответы на эти вопросы читатель у него не найдет.

При освещении вопросов организации и ведения боевых действий некоторые авторы не видят разницы в том, что войска в ходе войны для обороны получали: армия (корпус), дивизия (бригада) — полосу обороны, стрелковый полк — участок обороны, стрелковый батальон — район обороны. Они свободно обращаются с этими неравнозначными понятиями, меняют их местами без учета масштаба и предназначения войсковых формирований, цели, времени и места их боевого применения. Такие недостатки имеются и в других книгах[10].

Особенно большая путаница в понятиях и терминах допущена в сборнике статей «Ораниенбаумский плацдарм»[11] (с. 175, 179, 210). Касаясь обороны, в нем говорится, что «батальон занимал участок длиной в 6 километров...». Фактически же стрелковый батальон занимал район обороны.

Другой автор этого сборника пишет о самостоятельном участке обороны артиллерийского полка, что противоречит фактиче-

[5] А. Г. Федоров. Из племени отважных. Воениздат, 1971, 80 с.
[6] М. К. Смольный. 7000 километров в боях и походах. Воениздат, 1972, 200 с.
[7] Г. В. Терновский. Военные моряки в битвах за Москву. М., «Наука», 1968, 152 с.
[8] Временный Полевой устав РККА 1936 (ПУ-36). Воениздат, 1937, с. 133—134.
[9] А. Г. Федоров. В небе «Петляковы». М., Изд-во ДОСААФ СССР, 1976, 192 с.
[10] П. Г. Кузнецов. Пролетарская Московско-Минская. Воениздат, 1975, с. 218, 249; В. С. Антонов. Путь к Берлину. М., «Наука», 1975, с. 5; М. К. Смольный. 7000 километров в боях и походах, с. 78; В. Ф. Гладков. Атакует горностелковая. М., «Советская Россия», 1972, с. 64; С. Н. Борщев. От Невы до Эльбы. Лениздат, 1973, с. 17; П. Н. Иванов. Крылья над морем. Воениздат, 1973, с. 119 и др.
[11] Ораниенбаумский плацдарм. Лениздат, 1971, 464 с.

скому применению артиллерии в бою. Ведь артиллерийские полки и их подразделения самостоятельных районов обороны не получали, а действовали в составе артиллерийских групп в общем боевом порядке стрелкового (танкового, механизированного) соединения, в интересах которого выполняли конкретные огневые задачи. Подобная ошибка вкралась и в другую книгу [12].

Устав определял последовательность работы командира и штаба по организации боя: уяснение задачи, оценка обстановки, рекогносцировка местности и принятие решения, постановка боевых задач подчиненным и организация взаимодействия своих подразделений и частей с приданными и поддерживающими силами и средствами, а также с соседями. Авторы же часто забывают об этой последовательности. В результате возникают разночтения и путаница. Так, И. А. Самчук [13] пишет: «Получив задачу, командиры полков приступили к организации взаимодействия и постановке боевых задач батальонам на местности» (с. 41, 56). Какими соображениями он руководствовался, опустив такие важные этапы работы командира при организации боя, как уяснение задачи, оценку обстановки и принятие решения? Это утверждение противоречит требованиям проекта Полевого устава 1943 года, где сказано: «На основе принятого решения организуется взаимодействие всех родов войск и увязка своих действий с действиями соседей» (ст. 55).

Аналогичные недостатки имеются и в других книгах [14].

Допускаются ошибки и в освещении взаимодействия войск в общевойсковом бою. Нечетко представляя сущность взаимодействия как согласования боевых усилий различных родов войск, выполняющих общую задачу по цели, времени и месту, отдельные авторы сводят его к согласованию вопросов между штабами и командирами для решения проблемы боевого и материально-технического обеспечения [15].

В ряде случаев штабам приписывают несвойственные им функции. На страницах некоторых книг штабы непосредственно отдают боевые приказы, боевые распоряжения и приказания войскам, подменяя своего командира (командующего), что не соответствует действительности. Известно, что штабы имели право (и широко пользовались им) отдавать от имени командира (командующего) соответствующие приказания и боевые распоряжения за подписью начальника штаба. Эти установившиеся связи командиров (командующих) и штабов иногда неверно понимаются и неточно освещаются на страницах военно-исторических изданий [16].

В литературе о Великой Отечественной войне продолжают применяться термины, не предусмотренные советскими уставами и наставлениями. За правильное употребление терминов в военно-исторической литературе журнал уже выступал [17]. Однако издательства, выпускающие такие книги в свет, относятся к авторским «упражнениям» примиренчески. Так, например, командный и политический состав Сухопутных войск часто называется просто «армейцами», «армейскими товарищами». В сборнике «Боевые вымпелы над Онего» фигурирует даже «старший лейтенант пехотных войск» (с. 47).

В заключительной части краткого анализа некоторых недостатков использования военной терминологии в военно-исторической литературе следует особо сказать о книге «51-я гвардейская многонациональная» [18]. В ней имеются почти все ошибки и неточности, указанные в статье. В этом издании нередки искажения исторических фактов, выдуманы боевые действия некой безымянной стрелковой дивизии в начале войны, которые она вела вне времени и пространства против «крупной группировки» неопределенного противника.

Х. Муталлимов широко и свободно прибегает к «заимствованию» из «Истории второй мировой войны 1939—1945» целых абзацев и страниц, относящихся к Сталинградской битве и последующему боевому

[12] Гвардейский Николаевско-Будапештский. Боевой путь гвардейского механизированного корпуса. Воениздат, 1976, с. 47.

[13] И. А. Самчук. Тринадцатая гвардейская. Воениздат, 1971, 280 с.

[14] М. Г. Горб. Страну заслоняя собой. Воениздат, 1976, с. 213—214.

[15] А. И. Зубков. Керченско-Феодосийская десантная операция. Воениздат, 1974, с. 16; Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград 1941—1944 г. М., «Наука», 1973, с. 68.

[16] С. Ворков. Мили мужества. Документальная повесть. Киев. Политиздат. 1972, с. 68, 76; П. Н. Иванов. Крылья над морем. Воениздат, 1973, с. 249—250; М. К. Смольный. 7000 километров в боях и походах, с. 134; А. В. Тузов. В огне войны. Воениздат, 1970, с. 112.

[17] «Военно-исторический журнал», 1975, № 7, с. 119—121.

[18] Халил Муталлимов. 51-я гвардейская многонациональная. Баку, Азербайджанское гос. изд-во, 1978, 296 с.

пути дивизии. При этом следует отметить, что в книге нет ни кавычек, ни ссылок на источники.

В данной статье сделана попытка обобщения лишь некоторых ошибок и неточностей, допускаемых в военно-исторических книгах и брошюрах, адресованных массовому читателю, особенно молодежи.

Однако высокие требования, предъявляемые к этой литературе как источнику военных знаний, обязывают всемерно повышать ее научный уровень. Без требовательного отношения к авторам, рукописи которых должны представляться в издательство тщательно отработанными и выверенными по архивным материалам и официальным документам, без их рецензирования компетентными военными специалистами и редактирования знающими военное дело редакторами не исключена возможность выхода в свет книг, написанных на низком идейно-теоретическом и научном уровне. Они не содержат обоснованных выводов и практических рекомендаций. В наибольшей степени это относится к местным издательствам, которые не всегда прибегают к помощи высокоподготовленных рецензентов и не имеют в штате специалистов-редакторов.

Рецензенты рукописей, не имеющие достаточной военной подготовки, дают заключения низкого качества, где вместо вскрытия ошибочных положений, пересказывается содержание глав, обосновывается актуальность темы и необходимость издания книги. Для повышения ответственности этих лиц целесообразно помещать их фамилии в выходных данных книги, как это иногда делает Военное издательство.

Надо всемерно повысить и требования к редактору. Обладая широкими познаниями не только по военной истории, но и по военному делу в целом, он не должен допускать какие-либо ошибки в освещении боевых действий войск от подразделений до объединений, а также в военной терминологии. Это значительно повысит научно-познавательное значение военно-исторической литературы, предназначенной для массового советского читателя, и прежде всего для молодежи.

Полковник в отставке
Н. Мурзаев

Советский солдат — патриот, интернационалист

ВЫШЛА в свет интересная монография «Советский солдат — патриот, интернационалист» [1]. В ней на документальной основе раскрыты организационные принципы строительства армии Республики Советов, показан героизм и мужество, стойкость и упорство в борьбе, ненависть к врагам, величайшая человечность и гуманизм «человека с ружьем» к рабочим, крестьянам и интеллигенции.

Раскрывая обстановку, в которой создавалась Красная Армия, авторы останавливаются на теоретической и практической деятельности В. И. Ленина в строительстве Вооруженных Сил Страны Советов. Он направлял и контролировал работу Реввоенсовета республики. Только с 1 декабря 1918 по 28 февраля 1920 года состоялось 101 заседание Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, на которых было обсуждено 2300 вопросов по обороне страны. Все они, кроме двух, проходили под председательством В. И. Ленина. С октября 1917 по ноябрь 1920 года он написал более 600 писем и телеграмм по вопросам обороны страны, военного строительства и ведения вооруженной борьбы. За это же время

[1] Советский солдат — патриот, интернационалист. Киев, «Вища школа», 1978, 264 с. Авторский коллектив под руководством Н. А. Буцко.

В. И. Ленин выступил на массовых митингах и собраниях 216 раз (с. 27).

Интересен материал, раскрывающий высокие морально-боевые качества воинов, рожденных Октябрем. Показателен, например, тот факт, что советскими летчиками совершено 450 таранов в воздушных боях с вражескими пиратами, в то время как ни один пилот фашистской Германии не решился на такой подвиг. Это говорит о противоположности идеологических, военно-политических и морально-психологических особенностей личного состава противоборствующих сторон. Высокая коммунистическая убежденность советских людей обусловливала их героические поступки и подвиги на фронте и в тылу, в партизанских отрядах и в движении Сопротивления, где им принадлежала немаловажная роль. Только в рядах Югославской народно-освободительной армии сражалось более 6000 советских граждан (с. 159). Многие тысячи людей с родины Октября вели активнейшую борьбу с фашизмом в Италии, Франции, Польше, Чехословакии и других странах порабощенной Европы.

В операциях по освобождению стран Западной Европы от немецко-фашистских оккупантов принимали участие около 7 млн. советских воинов. Свыше миллиона из них погибли на полях сражений, выполняя свой интернациональный долг (с. 171).

В книге разоблачаются буржуазные фальсификаторы истории, пытающиеся очернить внешнюю политику СССР в предвоенные, военные и послевоенные годы, принизить роль нашего государства в разгроме фашистской Германии, умалить решающее влияние советско-германского фронта на конечный исход войны и выпятить события на второстепенных театрах военных действий второй мировой войны. Этим фальсификациям противопоставлены факты, цифры, документы, опрокидывающие доводы тех, кто избрал антикоммунизм и клевету своей главной внешнеполитической линией.

В заключительной части книги показано общее состояние Вооруженных Сил СССР в послевоенный период. Значительное место в ней отведено сотрудничеству Советской Армии с армиями государств Варшавского Договора, зорко охраняющими мирный труд народов стран социалистического содружества.

Монография имеет и ряд недостатков. Второй раздел, раскрывающий роль партии в строительстве Вооруженных Сил, не следовало бы ограничивать рамками периода Великой Отечественной войны, а довести до настоящего времени. Разбросанные по разным главам книги материалы о работе партийных организаций не дают полного представления о больших мероприятиях партии в Вооруженных Силах по всесторонней подготовке воинов-патриотов, интернационалистов.

В книге встречаются повторы, противоречивые цифровые данные по одной и той же фактуре (с. 81, 142, 171, 173).

В целом же рецензируемое издание с одобрением встречено читателями, особенно военными. В ней имеются важные рекомендации из истории становления и формирования советского воина — верного сына и защитника народа, пламенного патриота-интернационалиста, надежного друга трудящихся всех стран, воина-освободителя.

В. Плисюк,
доцент кафедры истории КПСС Львовского госуниверситета
В. Васькив,
старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Львовского института прикладного и декоративного искусства

ЛЕТОПИСЬ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Советский народ по праву гордится благородными деяниями и подвигами своих замечательных соотечественников — первопроходцев Сибири и Дальнего Востока. Эти мужественные люди обогатили мировую науку многочисленными географическими открытиями и вписали в историю Родины немало ярких страниц массового героизма. Стремясь к познанию обширных территорий, русские первопроходцы годами вели единоборство с суровой природой Зауралья, преодолевали огромные расстояния, стойко переносили многие тяготы и лишения походной жизни и нередко погибали в безвестности от жестокой стихии, голода и болезней. Их неустанным трудом и отвагой «полунощная», «неведомая страна», населенная разными народностями, была не только открыта, но и приобщена к цивилизации.

Изучение и освоение Сибири прошло длительный путь от первых троп землепроходцев до скоростных трасс реактивных самолетов и космических кораблей, от первого сказания «О человецех незнаемых на Восточной стране...» до современных изысканий и исследований советской науки.

Имеются достоверные сведения о том, что русские мореходы и землепроходцы начали свое знакомство с Зауральем еще в XI веке. По словам К. Маркса, жители Новгородской земли «сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь» [1]. Их привлекали там возможность меновой торговли с местным населением, богатые рыбные и пушные промыслы. Со второй половины XI века Югорская земля, расположенная «по обе стороны северных Уральских гор» [1а], официально считалась одной из «волостей» Великого Новгорода [1б].

Наиболее активное продвижение русских людей на восток с целью разведывания новых земель, расширения пушных промыслов и торговли началось с конца XVI века, т. е. после знаменитого похода казачьей дружины Ермака. В результате ее успешных действий против властелина Сибири Кучума, войска которого совершали разорительные набеги на восточные окраины русского государства, сибирское ханство фактически перестало существовать. «Последний монгольский царь Кучум», по выражению К. Маркса, «был разбит *Ермаком*» и этим «была заложена *основа азиатской России*» [2]. Многие западносибирские народности (ханты, манси, западносибирские татары и другие) оказались освобожденными от ига потомков Чингис-хана и вошли в состав русского государства.

С этого времени большинство мероприятий, связанных с исследованием Сибири, стало организовываться и направляться государством. Началось относительно быстрое накопление необходимых сведений об этом крае, чему в немалой степени способствовало строительство первых сибирских городов (Тюмени, Тобольска, Березова, Сургута и др.) и назначение воевод. Последним давались правительственные наказы о приискании и обследовании новых земель, организации пушного промысла, а также об изучении жизни и быта сибирских народностей. Воеводы в свою очередь, отправляя «служилых и всякого званья» людей

---

[1] Архив Маркса—Энгельса, т. VIII. М., Политиздат, 1946, с. 156.

[1а] Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв. В двух частях. Часть I (IX—XIII вв.). М., Изд-во Академии наук СССР, 1953, с. 337.

[1б] Памятники русского права, вып. II М., Госюриздат, 1953, с. 135, 136, 137, 139.

[2] Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, с. 166.

по подведомственным территориям для сбора ясака (дани) и других надобностей, неукоснительно требовали от них также собирать путем личных наблюдений и опросов местного населения всевозможную информацию о пройденном пути и об оставшихся за пределами досягаемости «землицах».

В основе интенсивного освоения огромной территории Зауралья в XVII веке лежала хозяйственно-экономическая политика русского государства, а также потребности общероссийского рынка. Главными фигурами в этом деле, истинными первооткрывателями являлись прежде всего служилые люди, а также промышленники [3]. «Служилый человек» — это чаще всего казак, который не искал для себя ни приобретений, ни выгод. «Он находился на «государевом хлебном, соляном и денежном жаловании», ничтожном по размеру и выдававшемся неаккуратно, часто с перерывами во много лет. И при этом непрестанные длительные походы, которые редко кончались благополучно, а обычно приносили бесчисленные раны, болезни, увечья и смерть, которая редкого землепроходца заставала на домашнем одре» [4]. Перед служилыми и промышленными людьми наряду с «проведыванием» новых земель и приведением их «под высокую и крепкую государеву руку» ставились и военно-стратегические задачи по укреплению государственных границ и защите их от иноземного посягательства.

В истории освоения Сибири и Дальнего Востока мы находим не только яркие примеры мужества русского человека, но также проявления его пытливого ума, любознательности и той неодолимой страсти к исследованиям неведомых стран и народов, которые прославили Россию как родину величайших путешественников и ученых. Например, в коллективном труде «История географических открытий» говорится: «Во время своего движения на Восток казаки проявили себя отличными исследователями новых стран. Они... опередили в этом отношении европейские народы, которые в то время почти не занимались географическими исследованиями с научными целями» [5].

Пути, проложенные нашими землепроходцами и мореплавателями, способствовали сравнительно быстрому и в основном мирному присоединению к России многих народностей, населявших сибирские и дальневосточные земли. В результате этого закономерного процесса Россия географически, экономически и исторически стала относиться, как писал В. И. Ленин, «не только к Европе, но и к Азии» [5а].

Высоко оценивают советские люди подвиги наших замечательных соотечественников — первооткрывателей новых земель, восхищаются их необыкновенным мужеством и упорством, готовностью к самопожертвованию во имя великой цели, патриотизмом и государственной мудростью. Имена многих из них увековечены в народных легендах и песнях, произведениях литературы и искусства, географических названиях.

Советская историческая наука проделала большую работу по изучению роли первопроходцев в хозяйственном и культурном освоении Зауралья. Ею была доказана самобытность и самостоятельность русских исследований указанного региона. Достижения советской науки имеют важное значение в борьбе против измышлений буржуазных историков и пекинских фальсификаторов, рассматривающих процесс открытия и присоединения сибирских земель к России как колониальное завоевание и отрицающих общность исторического развития сибирских народов и русского народа.

Проведенные нашими учеными систематизация и тщательный анализ документов, относящихся к XIV—XVIII вв., позволили выявить новые имена русских первопроходцев, а также уточнить и дополнить биографические сведения о многих уже известных исследователях, показать их весомый вклад в развитие отечественной науки. Однако эта работа далеко не закончена.

---

[3] Специальные научные экспедиции стали снаряжаться в Сибирь лишь с XVIII века.

[4] В. Н. Скалон. Русские землепроходцы XVII века в Сибири. М., Изд. Московского общества испытателей природы, 1951, с. 11.

[5] История географических открытий. Под ред. Г. Г. Шенберга. Приложение к журналу «Вестник знания», кн. 8, 1928, с. 455.

[5а] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 326.

Совершенно новую главу в истории Зауралья открыла Великая Октябрьская социалистическая революция, которая дала небывалый толчок развитию производительных сил и культуры этого края. Навсегда в летопись героических дел нашего народа вписана его борьба под руководством В. И. Ленина и Коммунистической партии за освобождение Сибири и Дальнего Востока от белогвардейцев и интервентов. Советский Союз пресек также «попытки китайских милитаристов в Маньчжурии, покушавшихся на наши границы, и японских агрессоров, которые хотели испытать нашу волю и непреклонность в защите Советского социалистического Отечества» [6].

«Военно-исторический журнал» с № 7 начинает публиковать «Летопись освоения Сибири и Дальнего Востока» русскими землепроходцами, мореплавателями и учеными, а также советскими исследователями. В ней будут отражены важнейшие факты из истории этого исконно русского края, раскинувшегося на многие тысячи километров от Урала до Камчатки и Курильских островов.

* * *

1364 г. — Поход новгородцев в Сибирь. Перевалив через Урал, они вышли к Оби по одному из ее левых притоков. Затем отряд разделился на две партии, одна из которых совершила плавание вниз по Оби до Северного Ледовитого океана, другая поднялась вверх, к среднему течению реки.

1445 г. — Совершил поход в Югру («Остяцкие земли» за Уралом) трехтысячный отряд новгородцев Василия Шенкурского и Михайлы Яколя.

1465 г. — Поход в Югорскую землю (Югру) многочисленного отряда Василия Скрябы (из Великого Устюга), который был послан по указу из Москвы. В результате похода два югорских князька приняли русское подданство.

1483 г. — Поход за Урал Московского войска под командой Федора Курбского и Ивана Салтыка-Травнина, продолжавшийся с 9 мая по 1 октября. Дружины сначала достигли реки Пелым (приток Тавды) и спустились к югу до города Искер (Сибирь). Затем они направились вниз по Иртышу и дошли до Оби, по которой продвинулись на север за 60 град. с. ш. На следующий год после похода ряд югорских (угорских) «княжеств» признали себя данниками русского государства.

1499—1500 гг. — Поход из Москвы в Сибирь С. Ф. Курбского, П. Ф. Ушетова и В. И. Гаврилова (Заболоцкого Бражника) с многочисленными дружинами (несколько тысяч человек) для закрепления даннических отношений югорских «княжеств» с Россией.

1552 г. — Состоялось повеление Ивана IV (Грозного): «Землю измерить и чертеж государства сделать». В результате был составлен «Большой чертеж» (вторая половина XVI в.). В нем были отмечены земли от «Студеного моря» (Ледовитый океан) на севере и до Черного на юге, от «Котлина озера» (Финский залив) на западе и до Оби, а возможно, и до Енисея на востоке (судя по сохранившимся сведениям). Сам «Большой чертеж» до нашего времени не дошел.

1555 г. — Сибирский хан Едигер, желая получить помощь Москвы в борьбе со своими противниками, добровольно признал себя подданным русского государства.

1563 г. — Насильственный захват власти в Сибирском ханстве противником Едигера — Кучумом, который порвал отношения с Москвой и начал организовывать нападения местных князьков на русские владения в Прикамье.

1567 г. — По указу Ивана IV (Грозного) из Москвы в Сибирь был послан отряд «служилых людей» из 20 человек во главе с атаманом Иваном Петровым и Бурнашем Алышевым для изученця северной части Зауралья, населяющих его народностей и путей передвижения.

1576—1580 гг. — Организация регулярного плавания торговых судов из устья Печоры в устье Оби промышленниками Строгановыми, которые владели об-

[6] «Правда», 1969, 14 июня.

ширными землями на Урале (по рекам Каме и Чусовой) и пользовались большими льготами и правами, предоставленными царским правительством.

1579—1585 гг. — Поход в Сибирь казачьего атамана Ермака во главе отряда в 1650 человек с целью защиты русских владений от набегов со стороны Сибирского ханства (по другим данным выступление Ермака относится к 1581 г., а численность отряда определяется в 3000 человек). Против Ермака сибирский хан Кучум направил большое войско, которое было разбито в трехдневном сражении (23—25 октября 1582 г.) на берегу Иртыша, в районе Чувашевского мыса (мыс Подчуваш). Однако боевые столкновения казаков с вновь создаваемыми ханскими отрядами продолжались и в последующие годы. В ночь на 6 августа 1585 года (по другим данным — 1584 г.) Кучум с отрядом в 1000 человек внезапно напал на небольшую дружину Ермака (150 человек) и разбил ее. Сам Ермак был ранен в рукопашной схватке. При попытке переплыть реку Вагай утонул.

1585 г. — Казаки под командой М. Мещеряка и стрельцы из отрядов И. Глухова и И. Мансурова поставили в устье Иртыша укрепленный лагерь (Обский городок), который просуществовал до 1594 года.

1586 г. — Основана крепость Тюмень — первый русский город в Сибири. Построен служилыми людьми под руководством воевод В. Сукина и И. Мясного. Многие участники строительства остались в Тюменьском городе на постоянную службу, «поставиша домы себе». Город стал быстро заселяться русскими людьми и сделался торговым центром Западной Сибири.

1587 г. — По указанию из Москвы отряд казаков под командой Д. Чулкова, скомплектованный в Тюмени, построил на берегу Иртыша против устья Тобола укрепленный городок Тобольский (Тобольск). В нем под защитой деревянных стен находились избы служилых людей.

1590 г. — Построен Лозьвинский городок (Лозьва) с целью дальнейшего освоения и закрепления главной в то время дороги из Русского государства в Сибирские земли. Проходила она по притоку Камы — реке Вишере, затем через Уральские горы и далее шла по рекам Лозьве и Тавде. Через Лозьвинский городок ехали в Сибирь служилые и торговые люди, промышленники, крестьяне-переведенцы (направляемые по царскому указу), доставлялись продовольствие, хозяйственные товары, боеприпасы.

1593 г. — Отряд, скомплектованный в Чердыни воеводами Н. В. Траханиотовым и П. И. Горчаковым из русских и мансийских служилых людей, разгромил союзника Кучума — пелымского князька Аблагирима, враждовавшего с русским государством. Подвластная ему территория вошла в состав России. Силами отряда здесь был построен Пелымский городок, предназначавшийся для обеспечения пути между Лозьвой и Тобольском. Оставленному в Пелыме П. И. Горчакову предписывалось основать под новым сибирским городком крестьянскую слободу с наделами под дворы и пашни, а также выделять земельные участки стрельцам, несущим караульную службу.

Капитан 1 ранга запаса
М. Филимошин

ХРОНИКА, факты, НАХОДКИ

- ★ О ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКЕ В ШКОЛЕ В 30-Е ГОДЫ
- ★ ЗАЛПЫ ПЕРВЫХ БАТАРЕЙ
- ★ ТРАНСПОРТНЫЙ ФЛОТ НА СЕВЕРЕ
- ★ САМОЛЕТ-ДОНОР
- ★ 20 ЛЕТ ВНО
- ★ ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ

В предвоенное десятилетие Коммунистическая партия и Советское правительство, как и на всех других этапах развития нашего государства, уделяли большое внимание военно-патриотической и оборонно-массовой работе среди молодежи, и в частности школьников. При участии соответствующих органов РККА, комсомола, Осоавиахима и координации их работы с Наркомпросом в 30-е годы сложилась система, которая включала: военную подготовку школьников, проводимую на уроках военного дела и во внеклассное время; физическую закалку; военно-патриотическое воспитание в процессе оборонно-массовой работы.

Начало плановому проведению военной подготовки в учебных заведениях было положено постановлениями Совета Народных Комиссаров РСФСР от 6 января 1927 года и ВЦИК от 27 апреля 1927 года. Огромное значение для становления и организации военной подготовки в школах страны имел закон «Об обязательной военной службе» (13 августа 1930 г.), в котором говорилось, что военная подготовка заменяет допризывную и готовит молодежь к действительной службе в РККА.

Решением коллегии Наркомпроса РСФСР от 19 сентября 1930 года военная подготовка школьников была включена в планы на 1930/31 учебный год.

В военную программу школьников включались: краткие сведения о структуре армии и флота, тактическая, стрелковая подготовка, воинские уставы, строевая, физическая, противохимическая, санитарная подготовка, военная топография.

Большое внимание оборонно-массовой работе в школе уделяли ВЛКСМ и Осоавиахим. Они активно способствовали совершенствованию форм и методов занятий с молодежью. Воспитание будущего защитника Родины в начале 30-х годов осуществлялось главным образом в плане общей идейно-политической подготовки школьников к труду и обороне и овладении ими военно-прикладными знаниями и навыками. С 1933/34 учебного года развитие получают массовые военные игры, смотры технического творчества, физкультурные праздники, стрелковые состязания, слеты авиамоделистов, разворачивается работа в оборонных кружках, организуются оборонно-массовые мероприятия по месту жительства. Повсеместно создаются военные уголки, витрины, выставки. Центральная детская военно-техническая станция, созданная Осоавиахимом в 1932 году, стала готовить из старшеклассников инструкторов для ведения оборонно-массовой работы в школе.

Начиная с 1935 года Осоавиахим проводит 15-дневные лагерные сборы для учащихся девятых классов. В первый год их прошли 384 человека, а в 1936 году — уже 26 900. С 1937 года основной формой оборонно-массовой работы стали оборонные кружки: стрелковые, топографические, связи, военно-морского дела, авиамодельные, санитарные, гранатометчиков, штыкового боя, ПВХО, собаководства, конно-спортивные, парашютные и др.

По инициативе ЦК ВЛКСМ и Осоавиахима с 1939 года в стране развивается такая форма оборонно-массовой работы, как соревнования по комплексам ПВХО, ГСО, по связи, топографии, стрельбе. Только в Белоруссии более 3500 школьников сдали нормы на оборонные значки. К 1940 году в соревнованиях уже участвовали 2 098 842 школьника и создано 48 260 оборонных кружков. На Украине в соревнованиях участвовало 520 000 школьников, создано 54 602 оборонных кружка (Архив ЦК ВЛКСМ. Перечень постановлений Бюро ЦК ВЛКСМ 1939—1942 гг., лл. 65—66, 88, 98).

Осоавиахим и комсомол осуществляли контроль и инспектирование оборонно-массовой работы школ. В конце 30-х годов получает распространение организация в школах военизированных рот старшеклассников, батальонов и школ юнармейцев. Здесь ребята получали политические знания, строевую и стрелковую подготовку, изучали тактику боя, караульную службу, уставы, азбуку Морзе, ПВХО. Эффективность этих занятий была проверена войной. В начале ее в Москве был организован юношеский полк, в состав которого вошли и ребята из батальона юнармейцев и детского военного корпуса. Полк стойко защищал столицу («Вечерняя Москва», 1971, 27 ноября и 27 декабря).

В процессе оборонно-массовой работы учащимся прививали любовь к Родине, Красной Армии, воспитывали в духе преданности делу коммунизма, формировали и развивали у них высокие морально-боевые качества.

Оценивая предвоенную работу школы, Л. И. Брежнев сказал: «Перед советским народом, осуществившим победоносную социалистическую революцию, стояли труднейшие задачи. Надо было восстанавливать и строить промышленность, переводить на рельсы социализма сельское хозяйство, крепить оборону, налаживать управление страной. Для этого прежде всего нужны люди — люди, преданные делу социализма, люди грамотные, образованные. И если мы с честью вышли из всех испытаний, то в первую очередь потому, что страна воспитала таких людей, такие кадры. В этом — большая заслуга советской школы» (Л. И. Брежнев. Ленинским курсом, т. 2.

М., Политиздат, 1970, с. 222).

Опыт военно-патриотической и оборонно-массовой работы среди молодежи и школьников, накопленный в предвоенное десятилетие, не утратил своего значения и сегодня. Творческое его использование поможет успешно решить задачу, выдвинутую Центральным Комитетом нашей партии в постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы»: «...добиваться органического единства учебного и воспитательного процессов, формирования у учащихся и студентов научного мировоззрения, высоких морально-политических качеств... Усилить военно-патриотическое воспитание молодежи...» («Правда», 1979, 6 мая).

С. Калинина, кандидат педагогических наук, ученый секретарь Президиума АПН СССР

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

38 лет назад прогремели первые залпы легендарных «катюш». Это памятное событие произошло 14 июля 1941 года в районе города Орши. Появление полевой реактивной артиллерии в полосе обороны 20-й армии Западного фронта через три недели после начала Великой Отечественной войны явилось полной неожиданностью для врага. Фашисты были буквально ошеломлены эффективностью огня этого неизвестного для них оружия.

Первые экспериментальные образцы реактивных снарядов и пусковых установок были созданы в нашей стране до начала войны и находились в стадии полигонных и войсковых испытаний. Постановление Совета Народных Комиссаров о серийном производстве реактивного оружия было принято 21 июня 1941 года. Наряду с вопросами изготовления на заводах Москвы и других городов материальной части и боеприпасов оперативно решались и вопросы организации, комплектования и обучения личного состава первых частей полевой реактивной артиллерии. Так, в соответствии с директивой командующего войсками Московского военного округа № 10864 от 28 июня 1941 года в течение четырех суток на территории 1-го Московского Краснознаменного артиллерийского училища имени Л. Б. Красина была сформирована первая батарея реактивных установок. Ее командный состав комплектовался в основном из слушателей Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского. Командиром батареи стал капитан И. А. Флеров, комиссаром — политрук И. Ф. Журавлев. Организационно батарея состояла из взвода управления, трех огневых взводов (семь реактивных установок БМ-13), пристрелочного взвода (одна 122-мм гаубица), взвода боепитания и подразделений снабжения. 44 грузовые автомашины использовались для транспортировки реактивных снарядов, боеприпасов к гаубице, ГСМ и продовольствия.

В связи с тяжелой обстановкой, сложившейся на фронтах в начале войны, сформированные батареи реактивных установок после непродолжительного обучения личного состава направлялись в действующую армию. Первая батарея, имевшая пять установок, выступила на Западный фронт в ночь на 2 июля 1941 года. В соответствии с полученной от командующего 20-й армией задачей она произвела 14 июля два залпа, возвестив о рождении советской реактивной артиллерии. Первый из них вызвал большую панику среди гитлеровцев. Он был дан в 15 ч 30 мин по скоплению живой силы и техники противника в районе железнодорожного вокзала станции Орша. В результате второго залпа, нанесенного по переправе через реку Оршица в 17 часов, продвижение гитлеровцев было задержано на полтора часа. В память об этом событии в 1966 году в городе Орша был открыт монументальный памятник бойцам и командирам первой батареи.

В течение июля и первой половины августа 1941 года были сформированы и отправлены на фронт еще восемь батарей.

Вторая батарея под командованием лейтенанта А. М. Куна поступила в подчинение командующего 19-й армией. В 9 ч 25 мин 25 июля после пристрелки, произведенной из трех боевых установок (всего на вооружении имелось девять), она дала один залп по скоплению пехоты и два залпа по танкам противника.

В этот же день в 16-ю армию Западного фронта прибыла батарея в составе трех боевых машин БМ-13 под командованием лейтенанта Н. И. Денисенко. Она получила задачу уничтожить врага в узле сопротивления в 4 км западнее Ярцева. Точные залпы батареи нанесли большой урон фашистам и были высоко оценены командованием армии.

В конце июля 1941 года из Москвы под Ленинград была направлена батарея реактивной артиллерии под командованием лейтенанта П. Н. Дегтярева в составе четырех боевых установок БМ-13. Ее личный состав не только вел успешную борьбу с гитлеровцами, но и оказывал помощь ленинградским заводам в налаживании производства боеприпасов для боевых машин.

В первой половине августа 1941 года на Западный и Резервный фронты были направлены четыре, а на Юго-Западный фронт — одна батарея. Каждая из них имела на вооружении по четыре реактивные установки. 6 сентября 1941 года на Западный фронт прибыла десятая батарея БМ-13 под командованием старшего лейтенанта В. А. Смирнова.

Судьба первых батарей реактивной артиллерии сложилась по разному. Некоторые из них погибли в схватках с фашистами, ряд батарей был переформирован в отдельные гвардейские минометные дивизионы. Однако полученный ими боевой опыт сыграл положительную роль в деле дальнейшего развития этого нового вида оружия. В ходе их боевого применения были вскрыты некоторые конструктивные недостатки боевых установок и снарядов, а также недочеты в организации самих батарей. Не оправдало ожиданий применение 122-мм гаубицы в качестве пристрелочного средства из-за различия в баллистических характеристиках снаряда гаубицы и мины М-13.

Однако опыт первых батарей явился основой дальнейшего совершенствования вооружения, организации и боевого применения реактивной артиллерии Советской Армии в годы Великой Отечественной войны.

Генерал-майор артиллерии в отставке **П. Колесников** (Киев)

♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦♦

ТРАНСПОРТНЫЙ флот Северного морского бассейна в Великой Отечественной войне имел особо важное значение. Из-за слабо развитой сети железных дорог он был основным средством массовых грузоперевозок в этом районе. К 22 июня 1941 года флот состоял из 99 транспортных судов, трех ледоколов и нескольких буксиров, входивших в состав Северного государственного, Архангельского арктического и Мурманского государственного пароходств. Главной задачей его в начале войны была перевозка людей и грузов в интересах 14-й армии и Северного флота. Она велась в основном на направлениях: Кольский — Мотовский заливы, Архангельск — Кемь, Архангельск — Кандалакша и Белое море — Арктика. Противник стремился парализовать судоходство. В Мотовском заливе, например, суда подвергались не только массированным атакам с воздуха, но и артиллерийскому обстрелу с берега. Тем не менее связь с полуостровами Средний и Рыбачий осуществлялась бесперебойно. Все задания по воинским и народнохозяйственным перевозкам флот в 1941 году выполнил успешно. За первые 6 месяцев войны доставлено морем на

различные участки Карельского фронта, Северного флота, а также эвакуировано в тыл 179 827 человек военнослужащих и гражданского населения, перевезено 68 танков, 318 тракторов, 3037 автомашин, 10 435 т боеприпасов, 17 686 лошадей и около 180 тыс. т других воинских грузов (ЦВМА, ф. 767, оп. 2, д. 76, л. 150). Все это сыграло важную роль в обеспечении успеха советских войск, сорвавших наступление противника на мурманском и кандалакшском направлениях и вынудивших его перейти к обороне.

Важным итогом навигации 1941 года было то, что транспортный флот завершил в основном перестройку на военный лад. Управления пароходств и экипажи судов приобрели опыт работы в условиях военного времени.

Значительным был удельный вес флота в экспортно-импортных перевозках. Только в 1942 году в составе союзных конвоев на Севере находилось 62 советских транспорта и 31 судно прошло по северным внешним трассам в одиночку, без охранения. Если учесть, что всего за навигацию 1942 года по северным внешним коммуникациям прошло 412 судов, то удельный вес советского флота в экспортно-импортном судообороте 1942 года составил 22,6 проц. (ЦВМА, ф. 767, оп. 2, д. 75, л. 228, 230).

Не добившись успеха на сухопутном фронте в Заполярье, враг поставил перед собой цель — прервать наши внешние и внутренние коммуникации. В 1942 году в базы Северной Норвегии он стянул крупные надводные корабли, пополнил самолетами 5-й воздушный флот, усилил группировку подводных лодок. Однако парализовать судоходство ему не удалось. Хотя флот и понес потери, но решил поставленные перед ним задачи. Предусмотренный на 1942 год план арктических перевозок был выполнен по тоннам на 108,4 проц. и по тонно-милям на 104,2 проц. (Партийный архив Архангельской области, ф. 296, оп. 6, д. 35, л. 4).

В отличие от первой военной навигации судоходство на Белом море благодаря работе здесь ледоколов не прекратилось и после наступления ледостава. Оно продолжалось до конца февраля 1943 года. Ввиду того что с марта по ноябрь 1943 года союзники не направляли конвои в северные порты СССР, противник сосредоточил все свои силы на борьбе с нашим внутренним судоходством. Гитлеровские подводные лодки нападали на наши суда как в Баренцевом, так и в Карском морях. Несмотря на трудности, план каботажных перевозок 1943 года был перевыполнен. В течение навигации Северному государственному морскому пароходству трижды присуждалось переходящее Красное знамя Наркомата морского флота СССР.

Отличительной особенностью навигаций 1943 и 1944 годов явилось то, что между ними практически не было паузы. Зимой 1943/44 года в юго-западной части Баренцева моря продолжал работать не только флот Мурманского пароходства, но и часть архангельских судов, производивших воинские перевозки.

В конце сентября 1944 года, когда арктическая навигация уже подходила к концу, начался важнейший этап в деятельности флота. В Мурманске было сосредоточено 18 судов (в основном крупнотоннажных), которые приступили к перевозке техники, боеприпасов и пополнения для готовившихся перейти в решительное наступление войск 14-й армии. В сентябре и первых числах октября суда доставили для 14-й армии несколько тысяч человек, большое количество танков, артиллерийских орудий и другой техники.

Несмотря на возросшую боевую активность подводных лодок противника на наших коммуникациях в 1945 году, транспорты героически осуществляли перевозки.

Транспортный флот Северного морского бассейна с поставленными перед ним задачами в годы войны справился. Здесь было перевезено свыше 1 млн. 170 тыс. солдат, матросов, офицеров и гражданского населения, а также 1 673 628 т различных воинских грузов (ЦВМА, ф. 767, оп. 2, д. 76, л. 179).

Кандидат исторических наук
капитан 3 ранга запаса
Ю. Кучепатов,
второй секретарь
Архангельского
обкома КПСС

****

НА ОДИН из прифронтовых аэродромов на территории Чехословакии произвел посадку транспортный самолет ЛИ-2. В диспетчерскую, в которой находилось несколько летчиков-истребителей, вошел командир корабля и попросил срочно заправить самолет горючим. Кто-то из летчиков как бы про себя сказал: «Какой быстрый. Тут боевые самолеты не заправляют, а то подумаешь... транспортный самолет. Посидишь». На просьбу командира корабля диспетчер ответил, что на аэродроме действительно нет горючего. Тогда командир корабля попросил диспетчера сообщить о его задании начальнику гарнизона, и, к удивлению присутствующих, тот приказал заправить самолет из неприкосновенного запаса, а если не хватит, то слить горючее с боевых самолетов.

Когда командир корабля вышел из диспетчерской, истребители набросились на диспетчера с вопросом: «Почему этот ЛИ-2 получил горючее?» Диспетчер ответил: «Он везет на фронт консервированную кровь». Услышав это, летчики успокоились: им стало ясно, что задание этого самолета было гораздо важнее их задания. Подобное происходило не раз, и не на одном аэродроме.

Командиром ЛИ-2 был комсомолец лейтенант А. И. Уваров. В состав экипажа входили: штурман старший лейтенант Н. Г. Кривошеев, стрелок-радист младший сержант Ю. А. Гак, бортовой техник старший техник-лейтенант И. И. Кустышев, бортовой механик сержант И. А. Нельсон и санинструктор И. Н. Таршис. В таком составе экипаж Уварова летал с января 1943 года. В самолет загружалось полтора-две тонны консервированной крови и медикаменты, которые он развозил по всем фронтам от Северного Кавказа до Заполярья.

Трудности заключались в том, что, приняв на борт свежую кровь, нужно было ее свежей и доставить к месту назначения. Зимой требовалось держать кровь в тепле, летом — спасать от жары. Вместо кондиционеров на самолете были грелки, которые зимой приходилось наполнять горячей водой, а летом заполнять льдом.

Боевое крещение экипаж Уварова получил в период Курской битвы. Согласно инструкции ЛИ-2 мог брать на борт не больше 22 лежачих раненых, но когда к самолету подвозили прямо с поля боя до пятидесяти человек и члены экипажа видели перед собой измученные, искаженные страданиями лица, невольно приходилось идти на риск. Начинали рассчитывать загрузку самолета, время полета, сливать горючее, оставляя в баках необходимый минимум. Экипаж в каждом таком полете рисковал своей жизнью и жизнью пассажиров во имя спасения их. И таких полетов было немало.

Еще более напряженно действовал экипаж лейтенанта А. И. Уварова в 1944 и первой половине 1945 года, так как фронт уходил все дальше и дальше на запад. Полеты в 1944 году производились в Киев, Джанкой, Одессу, Бухарест, Софию, Львов, Белград, Познань и т. д. А в 1945 году самолет летал в основном в Австрию, Венгрию, Германию, Польшу и Чехословакию. День Победы экипаж встретил в Берлине. Иногда в продолжительном полете врачам приходилось осуществлять несложные операции даже в воздухе. А од-

нажды при эвакуации тяжелораненых из района Дно в Москву исследователь огнестрельных переломов С. С. Юдин вынужден был сделать во время полета даже сложную операцию.

Самолетом Уварова нередко пользовались известные всей стране ученые-медики Е. И. Смирнов, Н. Н. Бурденко, М. С. Вовси, И. Д. Ионин, А. А. Вишневский и другие.

К концу войны, когда маршруты к линии фронта удлинились, в помощь командиру иногда выделялся второй летчик, чаще всего младший лейтенант К. К. Телегин. Штурманами корабля, кроме старшего лейтенанта Н. Г. Кривошеева, летали лейтенанты Г. И. Байдала и автор статьи. Бортового механика сержанта И. А. Нельсона в 1945 году сменил старшина А. Н. Горбунов.

Всего экипаж комсомольца А. И. Уварова за два года четыре месяца и девять дней войны перевез более 225 т консервированной крови, свыше 2000 тяжело раненных генералов, офицеров и солдат и около 218 т медикаментов и тем самым спас десятки тысяч человеческих жизней. Самолет А. И. Уварова так и называли — самолет-донор. (ЦАМО, ф. 2АДОН, оп. 1, д. 13, л. 254; д. 3, л. 162; д. 8, л. 116; д. 14, лл. 72, 91, 109, 125; д. 15, л. 382; ф. 1 гв. ап, оп. 600175, д. 1, лл. 3—46).

Кандидат исторических наук
подполковник запаса
Д. Мельник
(Москва)

12 июня 1979 года исполнилось 20 лет военно-научному обществу при Харьковском гарнизонном Доме офицеров. Сейчас оно объединяет 350 генералов и офицеров, состоящих в кадрах Вооруженных Сил, а также находящихся в запасе и в отставке. В их числе 19 Героев Советского Союза. Более 20 членов ВНО имеют ученые степени. В целях наиболее целенаправленной работы общества в нем созданы секции: оперативно-тактическая, военно-историческая, авиации, танковых войск, пограничных войск, партизан и партийно-политической работы.

За годы своего существования общество проделало значительную работу по изучению и пропаганде военно-теоретического наследия В. И. Ленина, внутренней и внешней политики КПСС, документов и решений ЦК КПСС и Советского правительства. Члены ВНО принимают активное участие в военно-патриотическом воспитании воинов, молодежи допризывного и призывного возрастов, школьников, студентов, тружеников города. Совет общества оказывает практическую помощь военным комиссариатам в организации и проведении занятий с офицерами запаса. Члены ВНО совместно с командованием гарнизона участвуют в подготовке и проведении военно-научных, военно-исторических и читательских конференций. Успешно прошла, например, теоретическая конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, на которой с докладами и воспоминаниями об Ильиче выступили бывшие кремлевские курсанты: генерал-полковник в отставке Н. И. Труфанов, генерал-майор в отставке А. И. Смирнов, полковник в отставке М. Е. Писаревский, участники III съезда комсомола Д. Н. Нефедов, Н. М. Сухарев и другие. Особый интерес вызвали читательские конференции по книгам Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», проведенные совместно с Харьковским горкомом КПСС.

С высокой активностью прошли обсуждения мемуарных произведений крупных советских полководцев — Маршалов Советского Союза Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, И. Х. Баграмяна и других военачальников. Проводились тематические обзоры «Военно-исторического журнала», журнала «Зарубежное военное обозрение» и др.

Членами общества подготовлено к печати 85 книг по военно-исторической и героико-патриотической тематике. Среди изданных трудов особое место занимают книги «Подвиги во имя Отчизны», «В боях за Харьковщину». Вызвали интерес книги Н. Н. Гладкова «Они стояли насмерть» и А. Д. Марченко «Героиширонинцы». Многие статьи и очерки членов ВНО опубликованы в газетах и журналах. Они часто выступают на тематических вечерах и встречах ветеранов войны с молодежью предприятий, на уроках мужества в школах, ПТУ, техникумах. Лучшими пропагандистами общества являются Герои Советского Союза С. М. Остащенко, И. П. Зарубин, Т. А. Панчешный, А. С. Данилов, И. Г. Вернигоренко, К. Ф. Белоконь, заместитель председателя совета генерал-майор в отставке Л. С. Морозов и многие другие офицеры и генералы.

При непосредственном участии ВНО к 30-летию освобождения города от фашистских захватчиков был создан и открыт военно-исторический музей Харьковского гарнизона.

В нем находится много уникальных экспонатов. Скульптор Б. П. Корольков передал в дар музею скульптурные портреты Маршала Советского Союза И. С. Конева и главного маршала бронетанковых войск П. А. Ротмистрова, а Союз художников Украины — портрет командарма В. Д. Крюченкина работы художника Е. Д. Лученко. В музее хранится коллекция значков и марок с изображением В. И. Ленина, собранная участником III съезда комсомола Д. Н. Нефедовым.

По ходатайству военно-научного общества перед партийными и советскими органами в Харькове и области увековечена память 72 героев гражданской и Великой Отечественной войн, партизан и подпольщиков.

Члены военно-научного общества постоянно поддерживают связь с воинами гарнизона и коллективами ввузов. Можно с уверенностью сказать, что их усилия и впредь будут направлены на пропаганду среди населения, и прежде всего молодежи, героического прошлого нашей Родины, на дальнейшее укрепление единства армии и народа.

Секретарь совета ВНО
подполковник в отставке
Д. Ковалев (Харьков)

В АПРЕЛЕ 1979 года в Центральном музее Вооруженных Сил СССР состоялась очередная встреча ветеранов 3-й ударной армии, проживающих в Москве и Московской области. Отчет о проделанной работе сделал председатель совета ветеранов генерал-лейтенант в отставке Г. Г. Семенов. Он отметил, что совет ветеранов армии избран семь лет назад, в 1972 году. В работе он руководствовался уставом организации советских ветеранов войны и постоянно опирался на свой актив.

Совет ветеранов руководит работой групп ветеранов полевого управления армии, соединений, а также армейских частей. Поддерживается регулярная связь с ветеранами армии, проживающими в Ленинграде, Алма-Ате, Архангельске, Ижевске, Казани, Кривом Роге, Сыктывкаре и некоторых других городах. За семь лет совет организовал и провел пять встреч ветеранов в армейском масштабе.

Выполняя решения XXIV и XXV съездов КПСС, Пленумов и постановлений ЦК КПСС, совет широко привлекал ветеранов для проведения военно-патриотической работы среди молодежи на предприятиях, в колхозах и совхозах, в учебных заведениях.

Много внимания совет ветеранов уделял работе музея славы 3-й ударной ар-

мии, который создан при 88-й школе столицы. Ветераны армии выступают здесь с лекциями, беседами, докладами, проводят со школьниками уроки мужества. Музей посещают не только москвичи, но и делегации Великих Лук, Невеля, Холма, Идрицы и других городов, где сражались воины армии. Музеи боевой славы дивизий армии созданы при 247, 409, 539, 623 и 891-й школах Москвы.

По приглашению горкомов партии и горисполкомов делегации ветеранов 3-й ударной армии выезжали на торжества и празднования в города, которые освобождали части армии. Так, в январе 1978 года в связи с 35-летием освобождения Великих Лук город посетила делегация ветеранов армии в составе генералов в отставке Г. Г. Семенова, Ф. Я. Лисицына, К. И. Ару, полковников в отставке Б. В. Вишнякова, В. В. Филимоненкова и других. Ветераны выступали на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях города.

Как известно, большую роль в военно-патриотическом воспитании молодежи, советских воинов играет военно-мемуарная литература. И ветераны армии многое делают, чтобы образно, правдиво донести до читателей героические подвиги однополчан в суровые годы Великой Отечественной войны. Ими написано более 30 книг, которые выпущены в свет центральными и местными издательствами. Среди авторов К. Н. Галицкий, Г. Г. Семенов, Ф. Я. Лисицын, В. М. Шалалов, К. И. Ару, С. А. Неустроев, Ф. М. Зинченко, М. В. Гурьев, А. Н. Бессараб и другие.

По инициативе ветеранов армии в Серебряном Бору (Ворошиловский район Москвы) в 1975 году сооружен монумент в честь воинов 3-й ударной армии. Здесь в декабре 1941 года размещался штаб армии. Ежегодно в День Победы у монумента проводятся митинги трудящихся, учащейся молодежи района и ветеранов армии.

В адрес совета ветеранов поступает много писем от однополчан с различными просьбами, пожеланиями и предложениями, и в силу своих возможностей совет оказывает им помощь. Обширная переписка ведется по вопросам выдачи удостоверений и памятных знаков «Ветерану 3-й ударной армии». Тесную связь поддерживает совет ветеранов и с воинами Советских Вооруженных Сил — преемниками боевой славы фронтовиков.

Большую помощь и поддержку совету ветеранов армии в его работе оказывают Ворошиловский райком партии Москвы, руководство Центрального Дома Советской Армии и Центрального музея Вооруженных Сил.

В работе совета, как отметил докладчик, имелись и недостатки. В частности, не со всеми ветеранами армии налажена связь, следовало бы обновить часть экспонатов в музее боевой славы армии, а также разнообразить формы и методы военно-патриотической работы. Многие ветераны высказывают пожелание о создании в ближайшее время фотоальбомов, посвященных героическим делам воинов армии.

В прениях по докладу выступили В. Н. Шацкий, К. Д. Дубнова, А. Н. Газарьянц, А. В. Кучерявый, Н. К. Дьячков, Н. А. Ящук, Н. Д. Засовский и другие. Все они положительно оценили работу совета ветеранов армии, поделились опытом военно-патриотической работы.

На встрече выступил преподаватель 409-й школы Москвы В. Н. Каплун. Он поблагодарил совет ветеранов армии за большую помощь, оказываемую преподавателям в военно-патриотической и учебно-воспитательной работе со школьниками, а также в работе музея боевой славы 33-й стрелковой дивизии.

Собравшиеся единодушно избрали новый состав совета ветеранов 3-й ударной армии из 26 человек, приняли решение, в котором призывают всех ветеранов армии еще активнее включиться в военно-патриотическую и воспитательную работу с молодежью. Председателем совета ветеранов 3-й ударной армии вновь избран генерал-лейтенант в отставке Г. Г. Семенов, секретарем — полковник в отставке Н. Е. Терещенко.

9 мая 1979 года ветераны армии вновь собрались на митинг в Серебряном Бору и совместно с трудящимися и молодежью Ворошиловского района столицы торжественно отметили 34-ю годовщину Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Полковник запаса
Н. Медведев

(Москва)

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

103160, Москва, К-160,
ул. Кропоткинская, 19.

Тел. 293-00-89, 293-53-16,
293-54-98, 293-54-62, 293-54-21
293-02-09.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. А. Мацуленко (главный редактор),
В. В. Гуркин, А. А. Дунин, П. А. Жилин, С. Е. Захаров, М. И. Казаков, К. Ф. Калашников, И. Г. Карпов, И. Е. Крупченко, А. М. Кузовников, Л. С. Микрюков, В. Ф. Мозолев (зам. главного редактора), **И. Д. Носков, Б. В. Панов, А. И. Сидоров** (отв. секретарь), **А. И. Сорокин, В. А. Судец.**

Технический редактор И. В. Беляева.

Г-20068 Сдано в набор 10.05.79 г. Подписано к печати 25.06.79 г.
Бумага 70×108¹/₁₆ — 6 п. л. = 8,4 усл. печ. л. Заказ 2565 Цена 40 коп.

Типография «Красная звезда», Хорошевское шоссе, 38.

70137

НОВЫЕ КНИГИ

Философия и военная история. Колл. авторов. М., «Наука», 1979, 328 с., цена 2 р. 50 к.

Книга посвящена исследованию взаимосвязи философии и военной истории в процессе их исторического развития. В ней прослеживается воздействие философии на становление и развитие военно-исторических знаний, формирование военно-исторической науки и показывается обратное влияние военной истории на развитие философских идей и взглядов. Особое внимание уделено раскрытию значения марксизма-ленинизма для превращения военной истории в подлинную науку и для борьбы с различными антинаучными концепциями буржуазной и оппортунистической военной историографии.

БОКОВ Ф. Е. Весна Победы. (Военные мемуары). Воениздат, 1979, 446 с. с ил., цена 2 р.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Боков Федор Ефимович был членом военного совета 5-й ударной армии. В своих мемуарах он повествует о наиболее интересных операциях, в которых участвовало прославленное войсковое объединение, о штурме Берлина, о подвигах воинов, о встречах с видными военачальниками, о налаживании мирной жизни в послевоенной Германии.

Партийные комиссии при политорганах армии и флота. Под ред. Л. П. Вахрушева. Воениздат, 1979, 183 с., цена 40 к.

В книге рассказывается об опыте работы партийных комиссий по мобилизации армейских и флотских коммунистов на успешное решение задач, поставленных КПСС перед Советскими Вооруженными Силами, о формах и методах руководства ими со стороны политорганов. Анализируется организаторская и идейно-воспитательная деятельность политорганов, партийных комиссий, первичных партийных и комсомольских организаций.

АБЧУК В. А., МАТВЕЙЧУК Ф. А., ТОМАШЕВСКИЙ Л. П. Справочник по исследованию операций. Под общ. ред. Ф. А. Матвейчука. Воениздат, 1979, 368 с. с ил., цена 1 р. 10 к.

В справочнике рассматриваются линейное, нелинейное и динамическое программирование, теория игр и сетевое планирование, методы моделирования по схеме марковских случайных процессов и статистические методы, математические модели маневрирования. Каждый метод иллюстрируется примерами.

Бессмертные имена. Сост. П. А. Киеня и В. А. Жур. Предисл. Я. П. Никулкина. Минск, «Беларусь», 1979, 255 с., цена 45 к.

Книга представляет собой сборник очерков о чекистах, отважно сражавшихся в тылу врага в суровые годы войны.

БЕСКОРОВАЙНЫЙ А. И. Герои рядом. М., Изд-во ДОСААФ, 1979, 208 с., цена 85 к.

В своей книге автор рассказывает о боевых подвигах советских воинов, мужественно сражавшихся с ненавистным врагом в трудных условиях Заполярья.

Гвардейские залпы. Предисл. Г. Е. Передельского. Харьков, «Прапор», 1979, 231 с. с ил., цена 60 к.

В книге собраны воспоминания ветеранов гвардейских минометных частей. Они повествуют о славных ратных делах бойцов и командиров легендарных «катюш», наводивших ужас на врага.

МИТЕВ СИМЕОН. Непобежденные надежды. Воспоминания. Пер. с болг. Воениздат, 200 с., цена 1 р. 30 к.

В воспоминаниях активного участника освободительной борьбы болгарского народа в годы второй мировой войны, ныне полковника БНА, рассказывается о становлении и боевом пути болгарской Народной армии.